

P. o. russ. 133⁹ / 1

676.

<36629146830017 S

<36629146830017

Bayer. Staatsbibliothek

LEPTE RUSSIE
DE LA
VILLE DE MONTARGIS
1820

СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ.

CERCLE RUSSE
DE LA
VILLE DE MONTARGIS

Fg/90/50303

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

СЕРГЕЙ

ВЕРДИ

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

ВАСИЛІЯ КУРОЧКИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Ямбы, поэмы и пѣсни (переводныя). — Пѣсни Беранже. — Пѣсни,
сатиры и риѣмы (оригинальныя).

НОВОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

CERCLE RUSSE
DE LA
VILLE DE MONTAIGIS

С. ПЕТЕРБУРГЪ. 1869.

**Bayerische
Staatsbibliothek
München**

Содержатель Типографіи жит. имѣетъ Коломен. части, 1 уч. по Фонтанкѣ,
д. № 131, кв. № 2.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПЕРВАГО ТОМА.

	Стр.
Отъ издателя	Ш

ЯМБЫ, ПОЭМЫ И ПЬСНИ.

Всемирная сила (изъ «Ямбовъ» Барбье)	3
Начало новаго вѣка (изъ Шиллера)	8
Смерть волка (поэма Альфреда Виньи)	11
Ива (поэма Альфреда Мюссе)	16
Декабрьская ночь (изъ поэмы Мюссе «Ночи»)	21
Бэдламъ (изъ «Ямбовъ» Барбье)	32
Пѣсня бѣдняка (изъ Борнса).	37
Пѣсня (изъ Мюссе)	39

ПЬСНИ БЕРАНЖЕ.

18 Іюля 1857 года	43
Охотники	45
Птичка	47
(*) Пиръ на весь міръ	50
Барышня	56
Лучшій жребій	59
Какъ лблочко румянъ	61
Пѣснь труда.	65

	Стр.
— Бабушка	69
(*) Новый Диогенъ	73
Странникъ	78
Анюта	82
Тоска по родинѣ	85
Весна и осень	88
Слѣпой нищій	91
Положительный человѣкъ	95
Маркизь де Караба	98
Вино и кокетка	102
Гроза	104
Слава Богу—я живъ и здоровъ	109
Разбитая скрипка	112
Разсчетъ съ Лизой	115
Плачущій мужъ	119
Фортуна	122
Бѣдный чудакъ	125
Старушка	128
Добрая фея	130
Иванъ да Марья	133
(*) Новый фракъ	137
— Третій мужъ	141
Мои волосы	145
— Знатный пріятель	147
Слѣпая мать	151
Дурное вино	154
Падающія звѣзды	157
Старинный обычай	160
Орангутанги	163
<i>Нѣтъ, ты не Лизета</i>	166
Стрѣлокъ и поселанка	170
Сплетникъ	173
Птицы	176
Старый нищій	178
Лиза	181
Мое призваніе	184
Сонъ бѣдняка	187
Умѣренность	191
(*) Дѣвушки	197
Тринадцать за столомъ	200
Дѣвочкѣ-Поэту	203

	Стр.
(*) Нищая	205
Соловьи	208
(*) Парки	211
Старый капраль	214
Время	218
Портной и волшебница	224

ПѢСНИ ПОСМЕРТНАГО ИЗДАНІЯ.

Нѣтъ больше пѣсенъ	229
Веселость	231
Сверчокъ	236
Гусарь	240
Пороки	242
Розанъ	245
Урокъ	248
Бѣгомъ	253
Ямщикъ	253
(*) Счастье	262
(*) Волшебная лютня	265
Прощаніе	268
Дѣвичьи мечты	273
Прости!	273

ПѢСНИ, САТИРЫ И РИОМЫ.

<i>Я не поэтъ</i>	282
<i>Для великихъ земли</i>	283
Весенняя сказка	285
Ни въ мать, ни въ отца	287
Разсказъ няни	289
Барышня	292
<i>Мчатъ меня въ твои объятія</i>	294
Въ разлукѣ	295
<i>Какъ въ наши лучшіе года</i>	296
Первая любовь	299
Напутствіе	304

	Стр.
Только!	307
Школа взаимнаго обученія	311
Счастливецъ	314
Старая пѣсня	317

Съ новымъ счастьемъ (1859—1866).

Черезъ триста шестьдесятъ пять дней	321
Сонъ на новый годъ	324
1861 годъ	330
Семейная встрѣча 1862 года	334
Тысячелѣтіе Россіи	339
Предвѣщанія на 1865 годъ	342
Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ	346
Чистосердечное признаніе одного изъ многихъ	354

На праздникахъ	358
Идеальная ревизія	364
Жалоба человѣка	366
Вдовушка и поручикъ	368
Въ лѣтнемъ саду	372
Знаки препинанія	375
Человѣкъ съ душой	377
Дѣтскія мечты	380
Деньги	382
Общій знакомый	383
Явленіе гласности	387
Два скандала	393

Рансодіи о нигилизмѣ. I.	409
----------------------------------	-----

Мату **ЯМБЫ, ПОЭМЫ И ПѢСНИ**

(ИЗЪ БАРБЬЕ, ВИНЬИ, МЮССЕ, ШИЛЛЕРА И БОРНСА.)

CERCLE RUSSE

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

CERCLE RUSSE

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

Всемирная сила.

(Изъ «Ямбовъ» Барбье).

Могучій Гуттенбергъ! твой мужественный геній

Міръ дряхлый обновилъ.

Ты далъ орудіе для новыхъ поколѣній

На гибель темныхъ силъ.

Въ ту ночь, когда къ тебѣ, желанною женою,

Свобода низошла

И прикоснулся ты, открытаго тобою,

Безсмертнаго чела, —

Старикъ! святая мысль была твоей отрадой,

Что міръ благословлять

И славить будетъ вѣкъ зачавшееся чадо,

Какъ и Свободу—мать.

И съ этой мыслью ты смѣжилъ спокойно очи

И опочилъ навѣкъ

*

Тѣмъ безмятежнымъ сномъ, которымъ спитъ рабочій
И честный человѣкъ.

Увы! Ты силенъ былъ сознаньемъ идеала;

Оно въ послѣдній часъ

Твои предсмертныя мученья облегчало

И мирно ты угасъ.

Ты равенъ былъ богамъ, извѣдавъ на мгновенье

Жены небесъ любовь,

Но влить, какъ человѣкъ, не могъ въ свое творенье

Божественную кровь.

Вопросамъ роковымъ дочь Мысли и Свободы

Не изрекла отвѣтъ.

Увы! въ дѣлахъ людей—таковъ законъ Природы—

Дѣлъ совершенныхъ нѣтъ!

Безсмертной матери, на первый взглядъ, явилась

Подобіемъ она.

Чело задумчиво, во взорахъ отразилась

Небесъ вся глубина;

Стремленьямъ къ истинѣ, добру и свѣту вторя,

Правдивыхъ устъ глаголь,

Казалось бы звучнѣй, чѣмъ шумъ немолчный моря,

Міръ цѣлый обошелъ;

Отъ взгляда гнѣвныхъ глазъ вся масса злодѣяній

Поверглась бы предъ ней,

Разбивъ орудія жестокихъ истязаній

Осколками цѣпей.

Въ побѣдоносный хоръ слились бы дружно звуки,

Со всѣхъ концовъ земныхъ,

Искусства честнаго и истинной науки —

Двухъ силъ всегда живыхъ.

Мысль человѣчества вмѣщается всецѣло

Въ чертахъ ея лица

И бьются ей въ отвѣтъ восторженно и смѣло

Всѣ честныя сердца,

Благословляя часъ, когда ея рожденьемъ

Свой трудъ ты увѣнчалъ,

Могучій Гуттенбергъ — и новымъ поколѣньямъ

Путь къ счастью указалъ.

Но если въ насъ любовь къ безсмертной зародилась

И трепетной рукой

Поднимаемъ мы покровъ, чтобъ зрѣнье насладилося

Вполнѣ ея красой, —

О, ужасъ! Дивныхъ формъ напрасно ищутъ взгляды

Въ созданіи твоёмъ:

Громаднымъ пугаломъ шипятъ, срастаюсь, гады

Съ чудовищами въ немъ.

Тамъ псы, готовые, для падали позорной,

На мирную страну
 Налаять въ бѣшенствѣ своею пастью черной
 Раздоры и войну.
 Тамъ душитъ генія, расправившаго крылья
 Змѣй подлый, тамъ хула
 И клевета ѣдятъ, какъ ржавчина, въ безсилѣ
 Упавшаго орла.
 Распространяя смрадъ, въ неистовствѣ, безстыдно
 Разнузданныхъ страстей,
 Тамъ рады кинуться гieny и ехидны
 На женщинъ, на дѣтей...
 И пьютъ они, — внося заразою съ собою
 Насилье и обманъ, —
 Кровь челоуѣчества, текущую рѣкою
 Изъ милліона ранъ.
 Какое зрѣлище! И дальше, дальше — цѣлый
 Ужасный рядъ картинъ!
 Тутъ духомъ падаетъ невольно самый смѣлый
 И гордый гражданинъ.
 Въ безсилы роковомъ чело сжимаютъ руки,
 Темнѣетъ свѣтъ въ глазахъ
 И разрѣшаются у сильныхъ духомъ муки,
 Какъ у дѣтей, въ слезахъ.

И въ этотъ страшный часъ, когда сплошною тучей
 Въ грядущемъ міръ покрыть,
 Въ тоскѣ сомнѣнья онъ—о, Гуттенбергъ могучій!
 Во всемъ тебя винить.
 Стремленья къ истинѣ твоей души великой,
 Свободныя мечты,
 Все прокликаетъ онъ въ одномъ невольномъ крикѣ:
 — Ахъ! лучше-бъ не жилъ ты!

Начало Новаго Вѣка.

(Изъ Шиллера).

Гдѣ пріютъ для мира уготованъ?
Гдѣ найдетъ свободу человѣкъ?
Старый вѣкъ грозой ознаменованъ
И въ крови родился новый вѣкъ.

Сокрушились старыхъ формъ основы,
Связь племенъ разорвалась; богъ Нилъ,
Старый Рейнъ и океанъ суровый —
Кто изъ нихъ войнѣ преградой былъ?

Два народа, молніи брасая
И трезубцемъ двигая, шумятъ,

И. дѣлежъ всемірный совершая,
Надъ свободой страшный судъ творять.

Злато имъ, какъ дань, несутъ народы,
И, въ слѣпой гордынѣ буйныхъ силъ,
Франкъ свой мечъ, какъ Бреннъ въ былые годы,
На вѣсы закона положилъ.

Какъ полицъ тысячерукій, Бритты
Цѣпкій флотъ раскинули кругомъ,
И владѣнья вольной Амфитриты
Запереть мечтають, какъ свой домъ.

Слѣдъ до звѣздъ полярныхъ пролагая,
Захватили, смѣлые, вездѣ
Острова и берега; но рая
Не нашли и не найдутъ нигдѣ.

Нѣтъ на картѣ той страны счастливой,
Гдѣ цвѣтетъ златой свободы вѣкъ,
Зимъ не зная, зеленѣютъ нивы,
Вѣчно свѣжъ и молодъ человѣкъ.

Передъ тобою міръ необозримый!
Мореходу не объѣхать свѣтъ;

Но на всей землѣ неизмѣримой
Десяти счастливымъ мѣста нѣтъ.

Заключись въ святомъ уединенъи,
Въ мірѣ сердца, чуждомъ суеты!
Красота цвѣтетъ лишь въ пѣснопѣнъи,
А свобода — въ области мечты.

Смерть волка.

(Поэма Альфреда Виньи).

I.

Какъ надъ пожарищемъ клубится дымъ летучій,
Надъ раскаленною луною плыли тучи.
Мы просѣкою шли. Недвижно мрачный лѣсъ,
Чернѣя, достигалъ верхушками небесъ.
Мы шли внимательно — и вдругъ, у старой ели,
Глубокіе слѣды когтей мы разглядѣли;
Переглянулись всѣ, всѣ затаили духъ,
И всѣ остановясь, мы наострили слухъ.
— Все замерло кругомъ. Деревья не дышали;
Лишь съ замка стараго, изъ непроглядной дали,
Звукъ рѣзкій флюгера къ намъ вѣтеръ доносилъ,
Но не спускаясь внизъ, листвою не шелестилъ, —
И дубы дольніе, какъ будто бы локтями
На скалы опершись, дремали передъ нами.
На свѣжіе слѣды пошолъ одинъ изъ насъ —
Охотникъ опытный: слухъ чуткій, вѣрный глазъ

Не измѣнялъ ему, когда онъ шолъ на звѣря. —
И ждали, молча, мы, въ его умѣнье вѣря.
Къ землѣ нагнулся онъ, потомъ на землю легъ,
Смотрѣлъ внимательно и вдоль и поперекъ,
Всталъ и, значительно качая головою,
Намъ объявилъ, что здѣсь мы видимъ предъ собою
Слѣдъ малыхъ двухъ волчатъ и двухъ волковъ большихъ.
Мы взяли за ножи, стараясь ловко ихъ
Скрывать съ блестящими стволами нашихъ ружей
И тихо двинулись. Какъ вдругъ, въ минуту ту-же,
Ступая медленно, цѣпляясь за сучки,
Ужъ мы замѣтили — какъ будто, огоньки —
Сверканье волчьихъ глазъ. Мы дальше все стремились
И вотъ передніе изъ насъ остановились.

За ними стали всѣ. Ужъ ясно видѣлъ взглядъ
Передъ волчицею рѣзвившихся волчатъ
И прыгали они, какъ псы съ ихъ громкимъ лаемъ,
Когда, придя домой, мы лаской ихъ встрѣчаемъ;
Но шуму не было: врагъ-человѣкъ звѣрямъ
Повсюду грезится, какъ призракъ смерти намъ.
Ихъ мать красиво такъ лежала передъ ними,
Какъ изваяніе волчицы, славной въ Римѣ,
Вскормившей молокомъ живительнымъ своимъ
Младенцевъ, призванныхъ построить вѣчный Римъ.

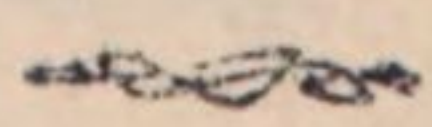
Спокойно волкъ стоялъ. Вдругъ, съ молніей во взглядѣ,
Взглянувъ кругомъ себя, понявъ, что онъ въ засадѣ,
Что некуда бѣжать, что онъ со всѣхъ сторонъ
Людьми, съ рабами ихъ борзыми, окруженъ,
Онъ къ сворѣ бросился и, землю взрывъ когтями,
Съ минуту искалъ, кто злѣе между псами...

— Мы только видѣли, какъ бѣлые клыки
Сверкнули, съ жертвою, попавшею въ тиски.
Казалось, не было такой могучей власти,
Чтобъ онъ разжалъ клыки огнемъ дышавшей пасти:
Когда внутри его скрещался ножъ объ ножъ,
Мы замѣчали въ немъ минутную лишь дрожь;
Одна вслѣдъ за другой, въ него влетая, пули
Въ тотъ только мигъ его значительно шатнули,
Когда, задавленный, изъ челюстей стальныхъ,
Свалился на земь песъ въ конвульсіяхъ нѣмыхъ.
Тогда, измѣривъ насъ ужъ мутными глазами,
Въ груди и въ животѣ съ вонзенными ножами,
Увидѣвъ въ близости стволовъ грозящихъ кругъ, —
До выстрѣла еще, онъ на кровавый лугъ
Легъ самъ—передъ людьми и передъ смертью гордый—
Облизывая кровь, струившуюся съ морды.
Потомъ закрылъ глаза. И ни единый звукъ
Не выдалъ предъ людьми его предсмертныхъ мукъ.

CERCLE RUSSE

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

УМЕР, ПОЗЫМЪ И ПЕЧЕН

(НАЗЪ ПАРИЖЪ, БУДУЩЕ, МОСКЕ, ИЛИНКА И БОЛГА)

СЕРГЕЕВЪ

ВЪССТАНИЕ

CERCLE RUSSE

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

Всемирная сила.

(Изъ «Ямбовъ» Барбье).

Могучій Гуттенбергъ! твой мужественный геній

Міръ дряхлый обновилъ.

Ты далъ орудіе для новыхъ поколѣній

На гибель темныхъ силъ.

Въ ту ночь, когда къ тебѣ, желанною женою,

Свобода низошла

И прикоснулся ты, открытаго тобою,

Безсмертнаго чела, —

Старикъ! святая мысль была твоей отрадой,

Что міръ благословлять

И славить будетъ вѣкъ зачавшееся чадо,

Какъ и Свободу—мать.

И съ этой мыслью ты смѣжилъ спокойно очи

И опочилъ навѣкъ

*

Тѣмъ безмятежнымъ сномъ, которымъ спитъ рабочій

И честный человѣкъ.

Увы! Ты силенъ былъ сознаньемъ идеала;

Оно въ послѣдній часъ

Твои предсмертныя мученья облегчало

И мирно ты угасъ.

Ты равенъ былъ богамъ, извѣдавъ на мгновенье

Жены небесъ любовь,

Но влить, какъ человѣкъ, не могъ въ свое творенье

Божественную кровь.

Вопросамъ роковымъ дочь Мысли и Свободы

Не изрекла отвѣтъ.

Увы! въ дѣлахъ людей—таковъ законъ Природы—

Дѣлъ совершенныхъ нѣтъ!

Безсмертной матери, на первый взглядъ, явилась

Подобіемъ она.

Чело задумчиво, во взорахъ отразилась

Небесъ вся глубина;

Стремленьямъ къ истинѣ, добру и свѣту вторя,

Правдивыхъ устъ глаголь,

Казалось бы звучнѣй, чѣмъ шумъ немолчный моря,

Міръ цѣлый обошелъ;

Отъ взгляда гнѣвныхъ глазъ вся масса злодѣяній

Поверглась бы предъ ней,

Разбивъ орудія жестокихъ истязаній

Осколками цѣпей.

Въ побѣдоносный хоръ слились бы дружно звуки,

Со всѣхъ концовъ земныхъ,

Искусства честнаго и истинной науки —

Двухъ силъ всегда живыхъ.

Мысль человѣчества вмѣщается всецѣло

Въ чертахъ ея лица

И бьются ей въ отвѣтъ восторженно и смѣло

Всѣ честныя сердца,

Благословляя часъ, когда ея рожденьемъ

Свой трудъ ты увѣнчалъ,

Могучій Гуттенбергъ — и новымъ поколѣньямъ

Путь къ счастью указалъ.

Но если въ насъ любовь къ безсмертной зародилась

И трепетной рукой

Поднимемъ мы покровъ, чтобъ зрѣнье насладилося

Вполнѣ ея красой, —

О, ужасъ! Дивныхъ формъ напрасно ищутъ взгляды

Въ созданіи твоёмъ:

Громаднымъ пугаломъ шипятъ, срастаюсь, гады

Съ чудовищами въ немъ.

Тамъ псы, готовые, для падали позорной,

На мирную страну
Налаять въ бѣшенствѣ своею пастью черной
Раздоры и войну.
Тамъ душитъ генія, расправившаго крылья
Змѣй подлый, тамъ хула
И клевета ѣдятъ, какъ ржавчина, въ безсильѣ
Упавшаго орла.
Распространяя смрадъ, въ неистовствѣ, безстыдно
Разнузданныхъ страстей,
Тамъ рады кинуться гieny и ехидны
На женщинъ, на дѣтей...
И пьютъ они, — внося заразою съ собою
Насилье и обманъ, —
Кровь челоуѣчества, текущую рѣкою
Изъ милліона ранъ.
Какое зрѣлище! И дальше, дальше — цѣлый
Ужасный рядъ картинъ!
Тутъ духомъ падаетъ невольно самый смѣлый
И гордый гражданинъ.
Въ безсильи роковомъ чело сжимаютъ руки,
Темнѣетъ свѣтъ въ глазахъ
И разрѣшаются у сильныхъ духомъ муки,
Какъ у дѣтей, въ слезахъ.

И въ этотъ страшный часъ, когда сплошною тучей
 Въ грядущемъ міръ покрыть,
 Въ тоскѣ сомнѣнья онъ—о, Гуттенбергъ могучій!
 Во всемъ тебя винить.
 Стремленья къ истинѣ твоей души великой,
 Свободныя мечты,
 Все прокликаетъ онъ въ одномъ невольномъ крикѣ:
 — Ахъ! лучше-бъ не жилъ ты!

Начало Новаго Вѣка.

(Изъ Шиллера).

Гдѣ пріютъ для мира уготованъ?
Гдѣ найдетъ свободу человѣкъ?
Старый вѣкъ грозой ознаменованъ
И въ крови родился новый вѣкъ.

Сокрушились старыхъ формъ основы,
Связь племенъ разорвалась; богъ Нилъ,
Старый Рейнъ и океанъ суровый —
Кто изъ нихъ войнѣ преградой былъ?

Два народа, молніи брасая
И трезубцемъ двигая, шумятъ,

И. дѣлежъ всемірный совершая,
Надъ свободой страшный судъ творять.

Злато имъ, какъ дань, несутъ народы,
И, въ слѣпой гордынѣ буйныхъ силъ,
Франкъ свой мечъ, какъ Бреннъ въ былые годы,
На вѣсы закона положилъ.

Какъ полицъ тысячерукій, Бритты
Цѣпкій флотъ раскинули кругомъ,
И владѣнья вольной Амфитриты
Запереть мечтають, какъ свой домъ.

Слѣдъ до звѣздъ полярныхъ пролагая,
Захватили, смѣлые, вездѣ
Острова и берега; но рая
Не нашли и не найдутъ нигдѣ.

Нѣтъ на картѣ той страны счастливой,
Гдѣ цвѣтетъ златой свободы вѣкъ,
Зимъ не зная, зеленѣютъ нивы,
Вѣчно свѣжъ и молодъ человѣкъ.

Передъ тобою міръ необозримый!
Мореходу не объѣхать свѣтъ;

Но на всей землѣ неизмѣримой
Десяти счастливымъ мѣста нѣтъ.

Заклучись въ святомъ уединенъи,
Въ мірѣ сердца, чуждомъ суеты!
Красота цвѣтетъ лишь въ пѣснопѣнъи,
А свобода — въ области мечты.

Смерть волка.

(Поэма Альфреда Виньи).

I.

Какъ надъ пожарищемъ клубится дымъ летучій,
Надъ раскаленною луною плыли тучи.
Мы просѣкою шли. Недвижно мрачный лѣсъ,
Чернѣя, достигалъ верхушками небесъ.
Мы шли внимательно — и вдругъ, у старой ели,
Глубокіе слѣды когтей мы разглядѣли;
Переглянулись всѣ, всѣ затаили духъ,
И всѣ остановясь, мы наострили слухъ.
— Все замерло кругомъ. Деревья не дышали;
Лишь съ замка стараго, изъ непроглядной дали,
Звукъ рѣзкій флюгера къ намъ вѣтеръ доносилъ,
Но не спускаясь внизъ, листвою не шелестилъ, —
И дубы дольніе, какъ будто бы локтями
На скалы опершись, дремали передъ нами.
На свѣжіе слѣды пошолъ одинъ изъ насъ —
Охотникъ опытный: слухъ чуткій, вѣрный глазъ

Не измѣнялъ ему, когда онъ шолъ на звѣря. —
И ждали, молча, мы, въ его умѣнье вѣря.
Къ землѣ нагнулся онъ, потомъ на землю легъ,
Смотрѣлъ внимательно и вдоль и поперегъ,
Всталъ и, значительно качая головою,
Намъ объявилъ, что здѣсь мы видимъ предъ собою
Слѣдъ малыхъ двухъ волчатъ и двухъ волковъ большихъ.
Мы взяли за ножи, стараясь ловко ихъ
Скрывать съ блестящими стволами нашихъ ружей
И тихо двинулись. Какъ вдругъ, въ минуту ту-же,
Ступая медленно, цѣпляясь за сучки,
Ужъ мы замѣтили — какъ будто, огоньки —
Сверканье волчьихъ глазъ. Мы дальше все стремились
И вотъ передніе изъ насъ остановились.

За ними стали всѣ. Ужъ ясно видѣлъ взглядъ
Передъ волчицею рѣзвившихся волчатъ
И прыгали они, какъ псы съ ихъ громкимъ лаемъ,
Когда, придя домой, мы лаской ихъ встрѣчаемъ;
Но шуму не было: врагъ-человѣкъ звѣрямъ
Повсюду грезится, какъ призракъ смерти намъ.
Ихъ мать красиво такъ лежала паредъ ними,
Какъ изваяніе волчицы, славной въ Римѣ,
Вскормившей молокомъ живительнымъ своимъ
Младенцевъ, призванныхъ построить вѣчный Римъ.

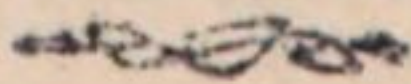
Спокойно волкъ стоялъ. Вдругъ, съ молніей во взглядѣ,
Взглянувъ кругомъ себя, понявъ, что онъ въ засадѣ,
Что некуда бѣжать, что онъ со всѣхъ сторонъ
Людьми, съ рабами ихъ борзыми, окруженъ,
Онъ къ сворѣ бросился и, землю взрывъ когтями,
Съ минуту искалъ, кто злѣе между псами...

— Мы только видѣли, какъ бѣлые клыки
Сверкнули, съ жертвою, попавшею въ тиски.
Казалось, не было такой могучей власти,
Чтобъ онъ разжалъ клыки огнемъ дышавшей пасти:
Когда внутри его скрещался ножъ объ ножъ,
Мы замѣчали въ немъ минутную лишь дрожь;
Одна вслѣдъ за другой, въ него влетая, пули
Въ тотъ только мигъ его значительно шатнули,
Когда, задавленный, изъ челюстей стальныхъ,
Свалился на земь песъ въ конвульсіяхъ нѣмыхъ.
Тогда, измѣривъ насъ ужъ мутными глазами,
Въ груди и въ животѣ съ вонзенными ножами,
Увидѣвъ въ близости стволовъ грозящихъ кругъ, —
До выстрѣла еще, онъ на кровавый лугъ
Легъ самъ—передъ людьми и передъ смертью гордый—
Облизывая кровь, струившуюся съ морды.
Потомъ закрылъ глаза. И ни единый звукъ
Не выдалъ предъ людьми его предсмертныхъ мукъ.

CERCLE RUSSE

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

II.

Не слыша болѣе ни выстрѣла, ни шума,
Опершись на ружье, я увлеченъ былъ думой.
Охотники давно преслѣдовать пошли
Волчицу и волчатъ — и были ужъ вдали.
Я думалъ о вдовѣ красивой и суровой.
Смерть мужа раздѣлить она была-бъ готова,
Но воспитать дѣтей повелѣвалъ ей долгъ,
Чтобы изъ каждаго хорошій вышелъ волкъ:
Чтобы не шель съ людьми въ ихъ городахъ на стачки,
Чтобъ голодъ выносилъ, но чтобъ не бралъ подачки,—
Какъ песь, который гнать, изъ за куска, готовъ
Владѣльцевъ истинныхъ изъ ихъ родныхъ лѣсовъ.

III.

О! еслибъ человѣкъ былъ также духомъ твердъ,
 Какъ званіемъ своимъ „царя звѣрей“ онъ гордъ!
 Безстрашно умирать умѣютъ звѣри эти;
 А мы—гордимся тѣмъ, что передъ ними дѣти!
 Когда приходитъ смерть, намъ трудно перенять
 Величіе звѣрей — умѣніе молчать.
 Волкъ сѣрый! Ты погибъ, но смерть твоя прекрасна.
 Я понялъ мысль твою въ предсмертномъ взглядѣ ясно.
 Онъ говорилъ, твой взглядъ: — „Работай надъ собой,
 И духъ свой укрѣпляй суровою борьбой
 До непреклонности и твердости могучей,
 Которую внушилъ мнѣ съ дѣтства лѣсъ дремучій.
 Ныть, плакать, вопіять — все подло, все равно.
 Иди безтрепетно; всѣхъ въ мірѣ ждетъ одно.
 Когда-жъ окрѣпнешь ты, всей жизни смыслъ проникнувъ,—
 Тогда терпи, какъ я, и умирай, не пикнувъ“.

СЕРВЕ. RUSS

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

Ива.

(Поэма Альфреда Мюссе).

Какъ придется мнѣ покинуть свѣтъ,

Посадите иву надъ могилой.

О, друзья! Мнѣ дорогъ этотъ цвѣтъ,

Блѣдный цвѣтъ, плакучій и унылый...

Надо мной чтобъ тѣнь ея легла

И могила будетъ мнѣ свѣтла.

Я съ нею былъ... Нѣмая ночь вставала.

Мнѣ не забыть, какъ бѣлая рука

По клавишамъ задумчиво блуждала...

Мнѣ чудилось — дыханье вѣтерка

Надъ тростникомъ чуть слышно пробиралось,

Боясь смутить въ покоѣ теплыхъ гнѣздъ

Уснувшихъ птицъ — а небо волновалось

Мирьядами затеплившиися звѣздъ

И теплая ночная испаренья
 Неслись къ намъ изъ чашечекъ цвѣтовъ....
 Задумчиво слѣдили мы движенья
 На вѣтвяхъ дуба дремлющихъ листовъ,
 Въ открытое окно ронявшихъ слезы...
 Кругомъ была такая тишина,
 Что слышалось, какъ страстной ночи грезы
 Несла въ окно душистая весна.
 Я окруженъ былъ счастьемъ, какъ мечтаньемъ:
 Лишь небеса полуденной весны
 Могли сравниться съ кроткимъ обаяньемъ
 Ея очей лазурной глубины.
 Я какъ въ туманѣ былъ... Тогда я въ цѣломъ свѣтѣ
 Любилъ ее одну — но я любилъ, какъ братъ,
 Такъ примирительно-спокойно милый взглядъ
 Ложился на душу. Мы оба были дѣти!
 Я на нее смотрѣлъ, касаясь слегка
 Руки, довѣрчиво въ моей рукѣ забытой
 И въ сердцѣ замерли сомнѣнье и тоска
 Предъ ясностью души въ лицѣ ея открытой.
 О, сердца молодость и молодость лица!
 Какая скорбь души предъ вами не слабѣла?...

Вставала на небѣ безоблачномъ луна
И сѣтью серебра ея лицо одѣла
И, встрѣтивъ образъ свой въ глазахъ моихъ, она
Съ улыбкой — съ ангельской улыбкою — запѣла.

Гармонія! Гармонія! Дочь муки,
Даръ генія, языкъ любви чудесъ,
Италіей разбросанные звуки,
Въ Италію слетѣвшіе съ небесъ!
Языкъ, въ которомъ мысль, отъ сердца истекая,
Не оскорбленная, невидимо для глазъ,
Какъ дѣва чистая съ забытой пѣснью рая,
Съ высокаго чела покроя не снимая,
Въ суровой красотѣ проходитъ мимо насъ!
Что́ хочетъ передать ребенокъ, что́ онъ слышитъ
Въ струяхъ гармоніи колеблющихся потокъ
Воздушныхъ свѣтлыхъ волнъ, которыми онъ дышетъ,
Какъ свѣжую росу впивающій цвѣтокъ?
Подмѣтимъ мы слезу, блеснувшую случайно,
Подмѣтимъ тайный вздохъ — все остальное тайна,
Какъ ночь угрюмая, какъ тишина дубровъ,
Немолчный говоръ волнъ и ароматъ цвѣтовъ.

Молчали все мы задумчиво. Сполна
 Дрожалъ еще у насъ въ сердцахъ нашъ...
 Вдругъ, будто въ забытѣ томительномъ, она
 На грудь мнѣ голову тяжелую склонила.
 Дитя! ты плакала? Въ душѣ, закрытой злу,
 Нашли созвучіе подавленные стоны
 Надъ ивой плакавшей и пѣвшей Дездемоны...
 Я приложилъ уста къ холодному челу
 И будто цѣловалъ невѣдомую силу...
 Ты улыбалась мнѣ — блѣдна и холодна.
 Два мѣсяца прошло — и холодна, блѣдна —
 Ты вся въ цвѣтахъ была опущена въ могилу;
 Ты къ Богу отошла, минуя жизни зло,
 И улыбнулась смерть тебѣ, какъ жизнь свѣтло.

Гдѣ всѣ сокровища души незараженной?
 Гдѣ пѣсни, звонкій смѣхъ и рѣзвые мечты
 И непонятная святая прелесть — ты,
 Передъ которою Фаустъ стоялъ смущенный?...
 Цвѣтокъ свернувшійся, что сталося съ тобой?...

Миръ памяти твоей! Спи въ свѣтлыхъ грезахъ рая...
 Прости! Не будешь ты душистой ночью мая
 По клавишамъ блуждать задумчиво рукой...

Какъ придется мнѣ ~~похоронить~~ свѣтъ,

посадите иву надъ могилой,

О, друзья! Мнѣ дорогъ этотъ цвѣтъ—

Блѣдный цвѣтъ, плакучій и унылый...

Надо мной чтобъ тѣнь ея легла

И могила будетъ мнѣ свѣтла.

Декабрьская ночь.

Когда я былъ еще дитей,
Въ обширной залѣ и пустой
Сажу я вечеромъ, всѣ спать....
Войдя неслышною стопой,
Весь въ черномъ мальчикъ сѣлъ со мной,
Похожій на меня, какъ братъ.
При слабомъ трепетѣ огня,
Взглянулъ онъ грустно на меня
И грустно голову склонилъ;
Всю ночь съ участіемъ въ очахъ,
Съ улыбкой кроткой на устахъ
Онъ отъ меня не отходилъ.
Я покидалъ отцовскій домъ,
И живо помню: знойнымъ днемъ,

Войдя въ заглохшій дикій садъ,
Увидѣлъ я въ тѣни ракитъ —
Весь въ черномъ юноша сидитъ,
Похожій на меня, какъ братъ.

Куда идти мнѣ — я спросилъ.
Онъ тихо лиру опустилъ,
И снявъ вѣнокъ изъ дикихъ розъ,
Какъ другъ, кивнулъ мнѣ головой
И холмъ высокій и крутой
Мнѣ указалъ на мой вопросъ.

Когда любилъ я въ первый разъ —
До утра несмыкая глазъ,
Тоской невѣдомой объять,
Я плакалъ... вдругъ передо мной —
Весь въ черномъ призракъ роковой,
Похожій на меня, какъ братъ.

Онъ мечъ держалъ въ одной рукѣ,
И, какъ въ отвѣтъ моей тоскѣ,
Другою мнѣ на сводъ небесъ
Съ тяжелымъ вздохомъ указалъ...

Моимъ страданьемъ онъ страдалъ,
Но какъ видѣнiе исчезъ.

На шумномъ пиршествѣ потомъ
Приподнялъ я бокаль съ виномъ,

И вдругъ—знакомый вижу взглядъ...
Смотрю: сидитъ въ числѣ гостей
Одинъ, весь въ черномъ, всѣхъ блѣднѣй,
Похожій на меня, какъ братъ.

Былъ миртовый вѣнецъ на немъ
И черный плащъ, и подъ плащемъ
Багряной мантии клочки.

Со мной онъ чокнуться искалъ—
И выпалъ изъ моей руки
Неопорожненный бокаль.

Я на колѣняхъ до утра
Всю ночь проплакалъ у одра,
Гдѣ мой отецъ былъ смертью взятъ;
И тамъ, какъ вѣчная мечта,
Сидѣлъ весь въ черномъ сирота,
Похожій на меня, какъ братъ.

Онъ былъ прекрасенъ, весь въ слезахъ,
Какъ ангелъ скорби въ небесахъ:
Лежала лира на землѣ;

Онъ въ багряницѣ былъ, съ мечемъ,

Въ груди вонзеннымъ, и съ вѣнцомъ
Колючихъ терній на челѣ.

Какъ вѣрный другъ, какъ братъ родной,
Гдѣ-бъ ни былъ я, вездѣ за мной,

Въ глухую ночь и въ ясный день,
Какъ демонъ на моемъ пути,

Или какъ ангелъ во плоти,

Слѣдила дружеская тѣнь.

Усталый сердцемъ и умомъ,

Оставивъ родину и домъ

И весь въ крови отъ старыхъ ранъ,

Пустился я въ далекій путь,

Чтобы найти хоть гдѣ нибудь

Самозабвенія обманъ.

Куда ни проникалъ мой взоръ:

Въ величїи громадныхъ горъ,

Среди смѣющихся полей,

Въ уединенїи дубровъ,

Въ тревогѣ вѣчной городовъ

И въ вѣчномъ ропотѣ морей;

Вездѣ, подъ сводомъ голубымъ,

За Горемъ старымъ и хрымъ

На вѣчной привязи бродя,

Гдѣ я, со всѣми за урядъ,

И сердце утомлялъ и взглядъ,

Незримо кровью исходя;

Въ странахъ, куда летѣлъ душой

За вѣчно-жаждущей мечтой

И гдѣ встрѣчалъ я вѣчно тожъ,

Что и бросалъ, стремившись въ даль,

И съ чѣмъ разстаться было жаль,—

Другихъ людей и ту же ложь;

Вездѣ, гдѣ встрѣтивъ тоже зло,

Сжималъ руками я чело

И, будто женщина, рыдалъ;

Гдѣ рокъ безжалостной рукой

Съ души, какъ шерсть съ овцы тупой,

Мечты послѣднія срывалъ,

Повсюду, гдѣ лежалъ мой путь

И гдѣ забыться и уснуть,

Хоть на всегда, я былъ бы радъ,—

Вездѣ, какъ призракъ роковой,

Весь въ черномъ, странникъ шелъ за мной,
Похожій на меня, какъ братъ.

Но кто ты, спутникъ мой, съ которымъ неизбежно
Судьба меня свела?

Я вижу по твоей задумчивости нѣжной,
Что ты не гений зла:

Въ улыбкѣ и слезахъ терпимости такъ много,
Такъ много доброты...

При взглядѣ на тебя я снова вѣрю въ Бога,
И чувствую, что мнѣ надъ темною дорогою
Сіяешь дружбы ты.

Но кто ты, спутникъ мой? Въ моей душѣ читая,
Какъ добрый ангелъ мой,

Ты видишь скорбь мою, ничѣмъ необлегчая
Тернистый путь земной;

Со мной безъ усталости дорогою одною

Идешь ты двадцать лѣтъ:

Ты улыбаешься, не радуясь со мною,

Ты мнѣ сочувствуешь безвыходной тоской,—

О, кто ты? Дай отвѣтъ!

Зачѣмъ всю жизнь тебя, съ участіемъ безплоднымъ

Мнѣ видѣть суждено?

—Ночь темная была, и вѣтеръ билъ холоднымъ

Крыломъ въ мое окно;

Послѣдній поцѣлуй на бѣдномъ изголовьи

Еще казалось, млѣлъ...

А я ужь былъ одинъ, покинутый любовью,

Одинъ—и чувствовалъ, что, весь омытый кровью,

Миръ сердца опустѣлъ...

Мнѣ все прошедшее ее напоминало:

И прядь ея волосъ,

И письма страстныя, что мнѣ она писала,

Исполненные слезъ;

Но клятвы вѣчныя въ ушахъ моихъ звучали

Минутной клятвой дня...

Остатки счастья въ рукахъ моихъ дрожали,

Тѣснили слезы грудь и къ сердцу п одступали

И тихо плакалъ я.

Я набожно свернулъ остатки, мнѣ святыя,

Какъ заповѣдный кладъ:

Я думалъ: вотъ любовь и грезы золотыя

Здѣсь мертвыя лежать...

Какъ въ бурю мореходъ, не видящій спасенья,

На злую смерть готовъ,

Тонулъ въ забвеньи я и думалъ: прахъ и тлѣнье!

Листокъ, клочокъ волосъ спаслися отъ забвенья,

Чтобъ пережить любовь!

Я приложилъ печать; все прошлое покорно

Я ей хотѣлъ отдать...

Но сердце плакало—и вѣрило упорно

Ея любви опять...

О, безразсудный другъ! ребенокъ вѣчно милый,

Ты вспомнишь обо всемъ.

Зачѣмъ, о Боже мой! когда ты не любила

Зачѣмъ рыдала ты и ласками дарила,

Пылавшими огнемъ?

Ты вспомнишь, гордая, забытыя рыданья,

Рыдать ты будешь вновь,

И въ гордомъ сердцѣ вновь проснется, какъ страданье,

Погибшая любовь;

Прости—ты въ гордости найдешь успокоенье, —

Прости, невѣрный другъ!

Я въ сердцѣ схоронилъ минувшія волненья,
 Но въ немъ остались завѣтныя бѣнья,
 Чтобъ жить для новыхъ мукъ.

Вдругъ что то черное въ глазахъ моихъ мелькнуло,
 И въ тишинѣ ночной,
 Какъ будто пологомъ постели шевельнуло...
 Мой призракъ роковой,
 Весь въ черномъ, на меня смотрѣлъ обычнымъ взглядомъ...
 Но кто ты, мой двойникъ?
 Какъ вѣщій воронъ, ты ко мнѣ подосланъ адомъ,
 Чтобъ въ бѣдствіяхъ меня, какъ смерть, со мною рядомъ
 Пугалъ твой блѣдный ликъ!

Мечта-ль безумца ты? мое-ли отраженье?
 Быть можетъ, тѣнь моя?
 Зачѣмъ ты слѣдуешь за мною, привидѣнье,
 Гдѣ ни страдаю я?
 Кто ты, мой бѣдный гость, сдружившійся съ тоскою,
 Свидѣтель скрытыхъ мукъ?
 За что ты осужденъ идти моей стезею?

CERCLE RUSS

DE LA

VILLE DE MONTA

На каждую слезу отвѣтствовать слезою?

Кто ты, мой братъ мой другъ?

Видѣніе.

О, мой братъ! не злой я геній,

Не изъ горнихъ я селеній;

Но одинъ у насъ отецъ.

Тѣ, кого я посѣщаю,

Я люблю ихъ — и не знаю,

Гдѣ ихъ бѣдствіямъ конецъ.

Въ мірѣ братья мы съ тобою:

Ты безстрастною судьбою

Ввѣренъ мнѣ отъ дѣтскихъ дней.

За тобой пойду я всюду,

Ты умрешь—я плакать буду

Надъ могилою твоей.

Не могу тебѣ сжать руку;

Усладить не въ силахъ муку

И страданія любви;

Но я старый другъ печали,

И меня — какъ прежде звали, —

Одиночествомъ зови.

Бэдламъ.

(Изъ «Ямбовъ» Барбье)

Ужасенъ океанъ, когда подыметъ вой
И рвется къ берегамъ, волною за волной,
И трупы мертвецовъ выбрасываетъ съ ними
Предъ помертвѣвшими отъ ужаса живыми.
Еще страшнѣй пожаръ, въ ужасный часъ, когда,
На волю вырвавшись, охватить города
Дыханьемъ огненнымъ своей палящей пасти;
Но море и огонь въ разгулъ буйной страсти,
Въ порывахъ похоти неистовой своей,
Не могутъ такъ пугать, мертвить сердца людей,
Какъ страшный видъ ума лишившагося брата,
Движенья странныя погибшихъ безъ возврата,
Существъ безъ разума, во всемъ подобныхъ намъ,
Подъ мрачной кровлею, въ стѣнахъ твоихъ, Бэдламъ!

Въ палату мы вошли. Намъ сразу стало жутко:
 Предъ нами — человекъ, лишившійся разсудка!
 Плоть безъ сознанія! Недвиженъ тусклый взглядъ;
 Какъ вѣтви мертвыя на деревѣ, висятъ
 Съ худыхъ и желтыхъ плечъ безпомощныя руки,
 Полураскрытый ротъ безсмысленные звуки
 Бормочетъ изрѣдка, и, будто, на слова
 Въ отвѣтъ качается безъ смысла голова.
 Морщинами свело лицо его худое....
 —Старикъ отжившій онъ или дитя больное?
 Нѣтъ! Это —человекъ во цвѣтѣ лѣтъ и силъ.
 Въ немъ звуки жизни бредъ безумный заглушилъ
 И воспаленный мозгъ въ насильственной работѣ
 На полстолѣтъя сталъ старѣе юной плоти.
 Такъ поврежденная неопытной рукой,
 Машина вертится безъ пользы въ мастерской.
 Ему ужъ все равно: зима, весна и лѣто;
 Сонъ не приноситъ грезъ, день не приноситъ свѣта;
 Жизнь — непроглядный лѣсъ — и для него ужъ въ ней
 Нѣтъ солнца, времени, пространства и людей!
 Въ прошедшемъ — нѣтъ слѣда; въ грядущемъ — нѣту цѣли!
 Вселенная его — въ больницѣ, на постели.
 Безъ свѣта разума поконченъ съ жизнью счетъ.
 Какъ сказано: земля — и въ землю отойдетъ!

Смотрите: вотъ другой—какъ дикій звѣрь въ берлогѣ,
Стремясь освободить закованныя ноги,
Зубами скрежеща, сжимая кулаки,
Вращаетъ медленно кровавые зрачки.
Онъ рвется, онъ кричитъ отъ муки непомѣрной,
Въ борьбѣ съ горячкою—своей сидѣлкой вѣрной.
Дыханьемъ грудь его вздымается съ трудомъ.
Такая страшная скопилась сила въ немъ,
Что еслибъ расковать, просторъ дать этой силѣ,
Онъ памятникъ любой свалилъ бы на могилѣ,
На площади бы онъ въ основахъ распаталъ
Статуи бронзовой гранитный пьедесталъ,
Въ лѣсу, какъ ураганъ, могучими руками
Онъ могъ бы вырвать дубъ съ глубокими корнями.
Но здѣсь, въ усиліяхъ безплодныхъ истощивъ
Силь неестественныхъ стремительный порывъ,
Онъ съ пѣною у рта, ползетъ въ изнеможеніѣ.
Видѣньемъ передъ нимъ смѣняется видѣнье
И внятно призраки заводятъ рѣчи съ нимъ,
Пугая обликомъ и голосомъ своимъ.
Мелькаютъ красныя, кружащіяся пятна...
И стонетъ онъ въ тоскѣ и мукѣ необъятной...
Напрасно онъ спѣшитъ сомкнуть усталый взоръ:
То близко голоса въ одинъ сольются хоръ,
То, замирая вдругъ, звучатъ далекимъ эхомъ—

И заливается онъ самъ безумнымъ смѣхомъ.
 А въ изголовьяхъ смерть съ поднятою рукой
 Стоитъ и ждетъ, чтобъ часъ ударилъ роковой,
 И не спускаетъ глазъ съ безумнаго больного,
 Ужъ помертвѣвшаго, но все еще живаго.

И здѣсь—предѣлъ всему—вопросамъ и мечтамъ.
 Здѣсь Геркулесовы столбы воздвиглись намъ.
 Сюда, чтобы свалить, какъ ношу, заблужденья,
 За поколѣньями стремятся поколѣнья.
 Дороги торныя со всѣхъ концовъ ведутъ:
 Сосредоточенной, упорной мысли трудъ
 Надъ міромъ внутреннимъ, сознаньемъ человѣка—
 Надъ этой бездною, непонятою отъ вѣка—
 И золотая цѣпь вакхическихъ ночей
 Въ удушливомъ чаду разнузданныхъ страстей.
 Умъ испытующій, корыстное стяжанье,
 Стремленье къ истинѣ и правды поруганье,
 Борьба за идеаль и ухищренья зла,—
 Какой дорогой бы насъ жизнь не привела
 Въ кругъ заколдованный, откуда нѣтъ возврата,
 Мы входимъ всѣ въ него—и нищій и богатый—
 Въ ворота, настезь намъ открытыя рукой
 Безумной Гордости, владычицы людской.
 Ты, Гордость, въ наши дни, руководя страстями,

CERCLE RUSSE

DE LA

*
VILLE DE MONTARGIS

Неограниченно повелѣваешь нами.
 Безсиленъ человѣкъ подѣ властію твоей;
 Онъ вдругъ становится изъ мыслящихъ людей,
 Подавленный твоимъ неотразимымъ гнетомъ—
 То звѣремъ бѣшеннымъ, то мрачнымъ идіотомъ...

Въ туманной Англіи я посѣтилъ Бэдламъ,
 Безумной гордости величественный храмъ.
 Смущенный, ухожу. Въ суровомъ этомъ храмѣ
 Сыны Британіи достойны быть богами,
 Подъ небомъ лондонскимъ, туманнымъ и сырымъ,
 Громаднымъ куполомъ раскинутымъ надъ нимъ.

Пѣсня бѣдняка.

(Изъ Борнса.)

Чѣмъ живу я—и самъ не пойму;
Никому не обязанъ зато —
Я помочь не могу никому,
Да и мнѣ не поможетъ никто.

Шапки я лишній разъ не сниму,
Ну и мнѣ не снимаютъ зато;
Не подставляю ноги никому —
Ужъ и мнѣ не подставитъ никто.

Къ сердцу крѣпко подругу прижму
И она меня любитъ зато.
Не ревную ее ни къ кому —
И ко мнѣ не ревнуетъ никто.

Дѣла нѣтъ до меня никому —

До другихъ мнѣ нѣтъ дѣла зато...

Могъ бы плакать, роптать... Да къ чему?

И при мнѣ не ропщи ужь никто!

Иѣсня.

(Изъ Мюссе.)

Въ святынѣ сердца сокровенной,
 Чѣмъ я живу,
 Я низачто во всей вселенной
 Не назову.

Зачѣмъ вамъ имя? Прозвучить вамъ
 Въ немъ звукъ пустой;
 Но этотъ звукъ моимъ молитвамъ
 Огонь святой.

Моя душа на все готова
 За милый взглядъ;
 Захочетъ жизнь — ей жизнь безъ слова
 Отдать я радъ.

Всю скорбь любви безъ упованья
Я перенесъ.

Изныло сердце отъ страданья
И тайныхъ слезъ.

Но я люблю, любовь скрывая
Пока живу.
И это имя, умирая,
Не назову.

18. Июнь 1852 года

ПѢСНИ БЕРАНЖЕ.

Народная поэма не можетъ быть обнута...

Какъ сущность вселенной, какъ поэма...

Чей это гробъ и каковыя кости?

Тысячи душъ въ царствѣ мертвыхъ...

Угрюмый поэтъ — народъ секретный...

Великая истина — жизнь...

Свѣтъ и тѣнь — это жизнь...

Нашъ, алчущій страданья и труда...

Простой народъ — это жизнь...

О, сколько родныхъ умиленій-потоковъ...

Воспѣванія, блескъ его великихъ дѣлъ...

Угрюмый поэтъ — народъ секретный...

Вам судьба, любовь, долг, уваженья

И признанья

Всегда готовы эти страсти

И тайная снать.

Но я люблю, люблю, люблю

Всего

И это имя, гласит

Но никто

ПРЕСН ПЕРВЫЕ

18 **Юля** 1857 года.

Зачѣмъ Парижъ въ смятеніи опять?

На площадяхъ и улицахъ солдаты,

Народныхъ волнъ не можетъ взоръ обнять...

Кому спѣшать послѣдній долгъ воздать?

Чей это гробъ и катафалкъ богатый?

Тревожный слухъ въ Парижѣ пролетѣлъ:

Угасъ поэтъ — народъ осиротѣлъ.

Великая скатилася звѣзда,

Свѣтившая полвѣка кроткимъ свѣтомъ

Надъ алтаремъ страданья и труда;

Простой народъ простился навсегда

Съ своимъ роднымъ учителемъ-поэтомъ,

Воспѣвшимъ блескъ его великихъ дѣлъ.

Угасъ поэтъ — народъ осиротѣлъ.

CECILE RUSSE

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

Зачѣмъ пальба и колокольный звонъ,
 Мундиры войскъ и ризы духовенства,
 Торжественность тщеславныхъ похоронъ,
 Тому, кто жилъ такъ искренно, какъ онъ,
 Пѣвцомъ любви, свободы и равенства.

Несчастливымъ льстилъ, но съ сильными былъ смѣлъ.

Угасъ поэтъ — народъ осиротѣлъ.

Зачѣмъ пѣвцу напрасный гимнъ,
 Дымъ пороха въ невыносимомъ громѣ —
 Дымъ, дорогой тщеславнымъ богачамъ —
 Зачѣмъ ему? Когда Богъ добрыхъ самъ,
 Благословивъ младенца на соломѣ,
 Не быть ничѣмъ поэту повелѣлъ?

Угасъ поэтъ — народъ осиротѣлъ.

Народъ всѣхъ странъ — страданіе и трудъ,
 И сладкихъ слезъ надъ пѣснями отрада
 Громчѣй пальбы къ безсмертію зовутъ!
 И въ нихъ, поэтъ, тебѣ верховный судъ —
 Великому великая награда,
 Когда поэтъ пѣснь лебедя пропѣлъ —

И внемля ей, народъ осиротѣлъ *).

Переводчикъ.

*) Слова отличенныя въ печати — переводъ собственныхъ выраженій Беранже изъ разныхъ пѣсенъ.

Охотники.

Въ поле охотникъ ретивый!,
Чу! протрубили рога:
Тра та та та, тра та та *)!
Слѣдомъ амуръ шаловливый
Шмыгъ на охоту въ твой домъ!
Тромъ, тромъ!

Осень стрѣляешь и лѣто:
Знаешь кругомъ всѣ мѣста.
Тра та та та, тра та та!
А за женой, безъ билета,
Та же охота кругомъ.
Тромъ, тромъ!

Выслѣдивъ лань въ чащѣ лѣса,
Ты приумолкъ у куста.

*) Припѣвъ подъ охотничій рогъ

Тра та та та, тра та та!

Но не робѣтъ повѣса

Передъ домашнимъ звѣрькомъ.

Тромъ, тромъ!

Къ звѣрю кидается свора —

Ревъ потрясаетъ лѣса.

Тра та та та, тра та та!

Цѣлитъ повѣса, и скоро

Съ милою будетъ вдвоемъ...

Тромъ, тромъ!

По лѣсу пуля несется:

Мертвая лань поднята.

Тра та та та, тра та та!

Выстрѣлъ и тамъ раздается...

Все утихаетъ потомъ...

Тромъ, тромъ!

Радъ ты добычѣ богатой:

Весело трубятъ рога:

Тра та та та, тра та та!

Тащится съ поля рогатый;

Милый на лѣво кругомъ...

Тромъ, тромъ!

Птичка.

Въ самой страсти цѣпь привычки
Я съ трудомъ ношу —
И на крылья вольной птички
Съ завистью гляжу.

Сколько воздуха, простора,
Недоступнаго для взора,
Сводъ небесъ открылъ!
Я леталъ бы скоро-скоро,
Еслибъ птичкой былъ!

Завѣщала-бъ Филомела
Тайну звуковъ мнѣ,
Птичка-бъ весело запѣла
Въ дикой сторонѣ,
Гдѣ пустынный, въ чащѣ бора,
Не спуская съ неба взора,
Братевъ не забылъ...

Я леталъ бы скоро-скоро,
Если-бъ птичкой былъ!

Знойной страстью бы гремѣли
Пѣсни по полямъ;
Поселяне бы хмѣлѣли
Въ честь красавицъ тамъ,
Я бы съ неба, въ дни раздора,
Всѣмъ несчастнымъ, безъ разбора,
Въ звукахъ радость лилъ.
Я леталъ бы скоро-скоро,
Если-бъ птичкой былъ!

Огласилъ бы казаматы
Звонкій голосъ мой,
И мечтаньями объятый
О странѣ родной,
Наканунѣ приговора,
Хоть на мигъ бы цѣпь позора
Узникъ позабылъ.
Я леталъ бы скоро-скоро,
Если-бъ птичкой былъ!

Чуя въ воздухѣ страданья
И потоки слезъ,

Я бы на берегъ изгнанья

Мира вѣтвь принесъ.

Царь Сауль-бы, въ звукахъ хора,

Духъ унынья и раздора

И свой гнѣвъ забылъ.

Я леталъ бы скоро-скоро,

Если-бъ птичкой былъ!

Только злыхъ не усладилъ бы

Пѣньемъ никогда,

Развѣ птичку подстрѣлилъ-бы

Богъ любви; тогда,

Покорясь ему, безъ спора,

Я на зовъ роднаго взора,

Изъ послѣднихъ силъ,

Полетѣлъ бы скоро-скоро,

Если-бъ птичкой былъ!

Пиръ на весь міръ.

(La grande orgie)

Вино веселитъ всѣ сердца!

По бочкѣ, ребята,

На брата!

Пусть злоба исчезнетъ съ лица,

Пусть веселы всѣ, всѣ румяны—

Всѣ пьяны!

Чортъ ли въ этихъ вздорахъ,

Въ диспутахъ и спорахъ,

Въ праздныхъ разговорахъ!

Небомъ намъ дана

Влага винограда —

Честнаго отрада —

Пусть и ретрограда
Съ ногъ сшибетъ она!

Вино веселитъ всѣ сердца!

По бочкѣ, ребята,

На брата!

Пусть злоба исчезнетъ съ лица,

Пусть веселы всѣ, всѣ румяны—

Всѣ пьяны!

Авторы плохіе,

Риторы смѣшные,

Публицисты злые!

Дышать скукой, сномъ

Всѣ творенья ваши;

Глубже ихъ и краше

Дѣдовскія чаши

Съ дѣдовскимъ виномъ.

Вино веселитъ всѣ сердца!

По бочкѣ, ребята,

На брата!

Пусть злоба исчезнетъ съ лица,

Пусть веселы всѣ, всѣ румяны—

Всѣ пьяны!

Бойзабывъ, день цѣлый
Съ нами Марсъ пьетъ смѣлый;
Утопилъ всѣ стрѣлы
Въ винныхъ бочкахъ онъ.
Намъ ужъ бочекъ мало.
Стражи арсенала!
Вашихъ бы достало,
Кабы порохъ вонъ!

Вино веселитъ всѣ сердца!
По бочкѣ, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнетъ съ лица,
Пусть веселы всѣ, всѣ румяны—
Всѣ пьяны!

Золото такъ вѣско,
Въ немъ такъ много блеска,
Бьющаго такъ рѣзко
Въ очи бѣднякамъ,
Что хрусталь, въ которомъ
Пьемъ, предъ милымъ взоромъ,
За веселымъ хоромъ,
Драгоценнѣй намъ!

Вино веселитъ всѣ сердца!

По бочкѣ, ребята,

На брата!

Пусть злоба исчезнетъ съ лица,

Пусть веселы всѣ, всѣ румяны,

Всѣ пьяны!

Намъ отъ женщинъ милыхъ

(Вакхъ благословилъ ихъ)

Ужъ nebudeтъ хилыхъ

И больныхъ ребятъ.

Сыновья и дочки,

Чуть открывъ глазочки,

Ужъ увидятъ бочки

И бутылокъ рядъ.

Вино веселитъ всѣ сердца.

По бочкѣ, ребята,

На брата!

Пусть злоба исчезнетъ съ лица,

Пусть веселы всѣ, всѣ румяны —

Всѣ пьяны.

Намъ чужда забота
Мнимаго почета,
Каждый оттого-то
Непритворно радъ,
Всѣмъ въ пиру быть равнымъ—
Темнымъ или славнымъ—
Зрѣй надъ своимъ правнымъ
Лавромъ виноградъ!

Вино веселитъ всѣ сердца!
По бочкѣ, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнетъ съ лица,
Пусть веселы всѣ, всѣ румяны—
Всѣ пьяны!

Прочь, разсудокъ строгой!
Пусть подъ властью бога,
Давшаго такъ много
Наслажденья намъ,
Всѣ заснутъ отрадно.
Гдѣ кому повадно,
Какъ всегда бы—ладно
Надо жить друзьямъ.

Вино веселить всѣ сердца!

По бочкѣ, ребята,

На брата!

Пусть злоба исчезнетъ съ лица,

Пусть веселы всѣ, всѣ румяны—

Всѣ пьяны!

Барышни

Что за педантъ нашъ учитель словесности!

Слушать противно его!

Все о трудѣ говорить, да объ честности....

Я и не вспомню всего!

Театры, балы, маскарады, собранія

Я безъ него поняла....

Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла-ла!

Вотъ онѣ, вотъ неземныя созданія! —

Барышни — тра-ла-ла-ла!

Шить у меня не хватаетъ терпѣнія —

Времени, маменька, нѣтъ:

Мнѣ еще нужно, съ учителемъ пѣнія,

Вспомнить вчерашній дуэтъ....

Музыка съ нимъ — цѣлый міръ обаянія —

Страсть въ моемъ сердцѣ зажгла!...

Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла-ла!

Вотъ онѣ, вотъ неземныя созданія!

Барышни — тра-ла-ла-ла!

Время, маман, вѣдь не трачу напрасно я:

Сѣла расходъ записать —

Входитъ танцмейстеръ; онѣ на сладострастное

Нынче пришелъ показать,

Платье мнѣ длинно.... Я, противъ желанія,

Выше чуть чуть подняла....

Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла-ла!

Вотъ онѣ, вотъ неземныя созданія!

Барышни — тра-ла-ла-ла!

Нянчись съ братишкой! Плаксивый и мерзкій!

Сразу никакъ не уймешь.

А въ головѣ Аполлонъ Бельведерскій:

Какъ его корпусъ хорошъ!

Тонкость какая всего очертанія!

Глазъ бы съ него не свела...

Тра-лала, барышни, тра-ла-ла-ла!

Вотъ онѣ, вотъ неземныя созданія!

Барышни — тра-ла-ла!

Что тутъ, татан! Ужь учили бы съ молоду,

Замужъ давно мнѣ пора:

Басня скандальная ходитъ по городу—

Тутъ ужъ не будетъ добра!

Мнѣ все равно; я найду оправданіе —

Только бы мужа нашла...

Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла!

Вотъ онѣ, вотъ неземныя созданія!

Барышни — тра-ла-ла-ла!

Лучшій жребій.

На зло фортунѣ самовластной
Я стану золото копить,
Чтобы къ ногамъ моей прекрасной,
Моей Жаннеты положить.
Тогда я всѣ земныя блага
Своей возлюбленной куплю;
Свидѣтель Богъ, что я не скряга—
Но я люблю, люблю, люблю!

Сойди ко мнѣ восторгъ поэта—
И отдаленнѣйшимъ вѣкамъ
Я имя милое: Жаннета,
Съ своей любовью передамъ.
И въ звукахъ, слаще поцѣлуя,

Всѣ тайны страсти уловлю:

Богъ видитъ, славы не ищу я—

Но я люблю, люблю, люблю!

Укрась чело мое корона —

Не возгоржусь нисколько я,

И будетъ украшеньемъ трона

Жаннета рѣзвая моя.

Подъ обаяньемъ жгучей страсти

Я всѣ права ей уступлю....

Вѣдь я не домогаюсь власти—

Но я люблю, люблю, люблю!

Зачѣмъ пустяя обольщенья?

Къ чему я призраки ловлю?

Она, въ минуту увлеченья,

Сама сказала мнѣ: люблю.

Нѣтъ! Лучшій жребій невозможенъ!

Я полонъ счастьемъ моимъ:

Пускай я бѣденъ, слабъ, ничтоженъ, —

Но я любимъ, любимъ, любимъ!

Какъ яблочко Румянъ.

Какъ яблочко румянъ,
Одѣтъ весьма безпечно,
Не то, чтобъ очень пьянъ—

А веселъ безконечно.

Есть деньги—прокутить:

Нѣтъ денегъ—обойдется,

Да какъ еще смѣется!

„Да ну ихъ...“ говоритъ,

„Да ну ихъ!...“ говоритъ,

„Вотъ“ говоритъ, „потѣха!

Ей-ей, умру....

Ей-ей, умру....

Ей-ей, умру отъ смѣха!“

Шатаюсь по ночамъ,

Да тратясь на дѣвчонокъ,
 Онъ, кажется, къ долгамъ
 Привыкъ еще съ пеленокъ.
 Полиція грозитъ,
 Въ тюрьму упрятать хочетъ—
 А онъ-то все хохочетъ....

„Да ну ихъ!...“ говоритъ,
 „Да ну ихъ!...“ говоритъ,
 „Вотъ,“ говоритъ, „потѣха!

Ей-ей, умру....

Ей-ей, умру....

Ей-ей, умру отъ смѣха!“

Забился на чердакъ,
 Межъ небомъ и землею;
 Свиститъ себѣ въ кулакъ,
 Да ежится зимою.
 Его не огорчитъ,
 Что дождь сквозь крышу льется:
 Измокнетъ весь, трясется....

„Да ну ихъ!...“ говоритъ,
 „Да ну ихъ!...“ говоритъ,
 „Вотъ,“ говоритъ, „потѣха!

Ей-ей, умру....

Ей-ей, умру....

Ей-ей, умру отъ смѣха!“

У молодой жены

Богатые наряды;

На нихъ устремлены

Двусмысленные взгляды.

Злословье не щадить,

Отъ сплетенъ нѣтъ отбою...

А онъ—махнулъ рукою....

„Да ну ихъ!...“ говоритъ,

„Да ну ихъ!...“ говоритъ,

„Вотъ,“ говоритъ, „потѣха!

Ей-ей, умру....

Ей-ей, умру....

Ей-ей, умру отъ смѣха!“

Приходить смертный часъ:

Больной лежитъ въ постели:

Сомкнуть не можетъ глазъ—

Видѣнья одолѣли:

Бѣсовскій хоръ визжитъ,

Зіяетъ адъ крошечный....

А онъ-то многогрѣшный—

„Да ну ихъ!...“ говоритъ,

CERCLE RUSS

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

„Да ну ихъ!...“ говоритъ,
„Вотъ,“ говоритъ, „потѣха!

Ей-ей, умру....

Ей-ей, умру....

Ей-ей, умру отъ смѣха!“

Шѣснь труда.

Слава святому труду!

Бѣдность и трудъ

Честно живутъ,

Съ дружбой, съ любовью въ ладу.

Слава святому труду!

На неподкупленной лирѣ

Громкую славу споемъ,

Тѣмъ, кто живетъ въ этомъ мірѣ

Честнымъ трудомъ.

Слава святому труду!

Бѣдность и трудъ

Честно живутъ,

Съ дружбой, съ любовью въ ладу.

Слава святому труду!

Жизни веселой наука
 Не тяжела для простыхъ...
 Братья мои, вамъ порука —
 Въ пѣсняхъ моихъ.

Слава святому труду!
 Бѣдность и трудъ
 Честно живутъ,
 Съ дружбой, съ любовью въ ладу.
 Слава святому труду!

Бѣдность неслла для примѣра
 Въ древности мудрость сама;
 Вызвали пѣсни Гомера —
 Посохъ, сума.

Слава святому труду!
 Бѣдность и трудъ
 Честно живутъ,
 Съ дружбой, съ любовью въ ладу.
 Слава святому труду!

Долѣ блестящей, великой
 Тяжкій бываетъ конецъ;
 Въ бочкѣ, съ всемірнымъ владыкой
 Спорилъ мудрецъ.

Слава святому труду!

Бѣдность и трудъ

Честно живутъ,

Съ дружбой, съ любовью въ ладу.

Слава святому труду!

Средь раззолоченныхъ клѣтокъ

Вѣтъ уныньемъ пустынь;

Лучше ужъ ѣсть безъ салфетокъ,

Спать безъ простынь!

Слава святому труду!

Бѣдность и трудъ

Честно живутъ,

Съ дружбой, съ любовью въ ладу.

Слава святому труду!

Богъ легкокрылый порхаетъ

Тамъ, гдѣ не видитъ оковъ:

Полной хозяйкой влетаетъ

Къ бѣднымъ любовь.

Слава святому труду!

Бѣдность и трудъ

Честно живутъ,

Съ дружбой, съ любовью въ ладу.

Слава святому труду!

Дружба не знается съ злыми;
 Но въ кабакъ, гдѣ вино
 Тянутъ служивые — съ ними
 Пьеть за одно.

Слава святому труду!

Бѣдность и трудъ
 Честно живутъ,
 Съ дружбой, съ любовью въ ладу.
 Слава святому труду!

Бабушка.

Старушка подъ хмѣлькомъ призналась,

Качая дряхлой головой:

— Какъ молодежь то увивалась

Въ былые дни за мной!

Ужъ пожить умѣла я!

Гдѣ ты, юность знойная?

Ручка моя бѣлая!

Ножка моя сгройная!

— Какъ, бабушка, ты позволяла?

Э, дѣтки! Красотѣ своей

Въ пятнадцать лѣтъ я цѣну знала —

И не спала ночей...

CERCLE RUSSE

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

Ужъ пожить умѣла я!

Гдѣ ты, юность знойная?

Ручка моя бѣлая!

Ножка моя стройная!

— Ты, бабушка, сама влюблялась?

На что же Богъ мнѣ сердце далъ?

Я скоро милаго дождалась,

И онъ не долго ждалъ....

Ужъ пожить умѣла я!

Гдѣ ты, юность знойная?

Ручка моя бѣлая!

Ножка моя стройная!

— Ты нѣжно, бабушка, любила?

Ужъ какъ нѣжна бывала съ нимъ,

Но чаще время проводила —

Еще нѣжнѣй съ другимъ....

Ужъ пожить умѣла я!

Гдѣ ты, юность знойная?

Ручка моя бѣлая!

Ножка моя стройная?

— Съ другимъ, родная, не краснѣя?

Изъ нихъ былъ каждый не дуракъ,
Но я, я ихъ была умнѣе:

Вступивъ въ законный бракъ.

Ужъ пожить умѣла я!

Гдѣ ты, юность знойная?

Ручка моя бѣлая!

Ножка моя стройная!

— А страшно мужа было встрѣтить?

Ужъ больно былъ въ меня влюбленъ;

Вѣдь могъ бы многое замѣтить —

Да не замѣтилъ онъ.

Ужъ пожить умѣла я!

Гдѣ ты, юность знойная?

Ручка моя бѣлая!

Ножка моя стройная!

— А мужу вы не измѣняли?

Ну, какъ подъ часъ не быть грѣху!

Но я и батюшкѣ, едва-ли,

Откроюсь на духу.

Ужъ пожить умѣла я!

Гдѣ ты, юность знойная?

Ручка моя бѣлая!

Ножка моя стройная!

— Вы мужа, наконецъ, лишились?

Да, хоть не новъ уже былъ храмъ,
Кумиру жертвы приносились
Еще усерднѣй тамъ.

Ужъ пожить умѣла я!

Гдѣ ты, юность знойная?

Ручка моя бѣлая!

Ножка моя стройная!

— Намъ жить ли такъ, какъ вы прожили?

Э, дѣтки! женскій нашъ удѣлъ!..

Ужъ если бабушки шалили —
Такъ вамъ и Богъ велѣлъ.

Ужъ пожить умѣла я!

Гдѣ ты, юность знойная?

Ручка моя бѣлая!

Ножка моя стройная!

Новый Діогенъ.

Діогенъ-мудрецъ,
Я въ плащѣ твоемъ,
Какъ хочу—качу я бочку, изъ конца качу въ конецъ.

Діогенъ-мудрецъ,
Я въ плащѣ твоемъ,
Какъ хочу я—хохочу я,—съ вольной пѣсней и съ виномъ.

Ты былъ суровъ, ты воду пилъ недаромъ;
Я веселѣй, не воду пью — вино:
Въ полмѣсяца я въ бочкѣ съ “самымъ старымъ,”
Для мудрости своей очистилъ дно.

Діогенъ-мудрецъ,
Я въ плащѣ твоемъ,

Какъ хочу—качу я бочку, изъ конца качу въ конецъ.

Діогенъ-мудрецъ,

Я въ плащѣ твоёмъ,

Какъ хочу я—хохочу я,—съ вольной пѣсней и съ виномъ.

Гдѣ ладно мнѣ, тамъ я живу; но ропщемъ

Недаромъ мы на жребій нашъ земной —

И въ бочкѣ я, въ круговращеньи общемъ,

За временемъ верчусь и за судьбой.

Діогенъ-мудрецъ,

Я въ плащѣ твоёмъ,

Какъ хочу—качу я бочку, изъ конца качу въ конецъ.

Діогенъ-мудрецъ,

Я въ плащѣ твоёмъ,

Какъ хочу я—хохочу я,—съ вольной пѣсней и съ виномъ.

Изъ партій, мной осмѣянныхъ, охоты

Не чувствую примкнуть я ни къ одной.

“Ты за кого, когда ни за кого ты?”

Не скажетъ ужъ никто передо мной.

Діогенъ-мудрецъ,

Я въ плащѣ твоёмъ,

Какъ хочу—качу я бочку, изъ конца качу въ конецъ.

Діогенъ-мудрецъ,

Я въ плащѣ твоємъ,
 Какъ хочу я—хохочу я,—съ вольной пѣсней и съ виномъ.
 Мнѣ все равно: пусть дипломаты цѣлятъ,
 Какъ раздѣлить Европу межъ собой.
 Хоть цѣлый міръ пусть на клочки раздѣлятъ,
 Вѣдь бочка все останется со мной.

Діогенъ мудрецъ,
 Я въ плащѣ твоємъ,
 Какъ хочу—качу я бочку, изъ конца качу въ конецъ.
 Діогенъ-мудрецъ,

Я въ плащѣ твоємъ,
 Какъ хочу я—хохочу я,—съ вольной пѣсней и съ виномъ.
 Все ложное, все чуждое народа
 Я поражать стихомъ своимъ готовъ;
 Но крайностей чужда моя Свобода —
 На ней вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ.

Діогенъ-мудрецъ,
 Я въ плащѣ твоємъ,
 Какъ хочу—качу я бочку, изъ конца качу въ конецъ,
 Діогенъ-мудрецъ,
 Я въ плащѣ твоємъ,
 Какъ хочу я—хохочу я,—съ вольной пѣсней и съ виномъ.

Извѣстно мнѣ, куда ведетъ сатира,
 И я молчу, но ужь себѣ за то
 Я не создамъ среди людей кумира,
 Чтобъ солнца мнѣ не заслонилъ никто.

Діогенъ-мудрецъ,
 Я въ плащѣ твоємъ,
 Какъ хочу—качу я бочку, изъ конца качу въ конецъ.
 Діогенъ-мудрецъ,
 Я въ плащѣ твоємъ,
 Какъ хочу я—хохочу я,—съ вольной пѣсней и съ виномъ.

Днемъ съ фонаремъ все человѣка тщетно,
 Намъ говорятъ, отыскивалъ ты встарь,—
 На зовъ любви дорогою завѣтной
 По вечерамъ мнѣ свѣтитъ мой фонарь.

Діогенъ-мудрецъ,
 Я въ плащѣ твоємъ,
 Какъ хочу—качу я бочку, изъ конца качу въ конецъ.
 Діогенъ-мудрецъ,
 Я въ плащѣ твоємъ,
 Какъ хочу я—хохочу я,—съ вольной пѣсней и съ виномъ.

Спокойно я стою передъ всякой силой,

Но гражданинъ — я родину люблю;
И если-бъ къ жатвѣ бочекъ не хватило,
Безъ ропота свою я уступлю.

Диогенъ-мудрецъ,
Я въ плащѣ твоємъ,
Какъ хочу—качу я бочку, изъ конца качу въ конецъ.

Диогенъ-мудрецъ,
Я въ плащѣ твоємъ,
Какъ хочу я—хохочу я,—съ вольной пѣсней и съ виномъ.

Странникъ.

СТАРИКЪ.

Откуда, странникъ, и куда ты?

Такъ молодъ — и печаленъ ты....

СТРАННИКЪ.

Старикъ, оковами измяты

Весны моей цвѣты.

СТАРИКЪ.

Пусть злые люди къ людямъ строги,

Отецъ небесный справедливъ:

Ты встрѣтилъ друга на дорогѣ.

Господь съ тобою! Будь счастливъ.

СТРАННИКЪ.

Здѣсь обрѣкается гоненью,
 Кто не кадитъ златымъ тельцамъ:
 Въ чертогахъ тѣсно преступленью —
 Ему хотятъ воздвигнуть храмъ.

СТАРИКЪ.

Слѣдъ вьюги на твоей одеждѣ,
 Съ дороги трудной ты чуть-живъ....
 И я, какъ ты, скитался прежде!...
 Господь съ тобою! Будь счастливъ.

СТРАННИКЪ.

Въ борьбѣ съ неправдой я молился,
 Звалъ Правду вѣчную — и что жь?
 Во имя Правды заносился
 Надъ головой моею ножъ.

СТАРИКЪ.

Вотъ хлѣбъ нашъ; утоли свой голодъ,
 Виномъ надежду ожививъ.
 Увы! Мой сынъ былъ также молодъ....
 Господь съ тобою! Будь счастливъ.

СТРАННИКЪ.

А гдѣ же счастье? Гдѣ лампада
 Надъ бездной мрака и стыда?
 Міръ — бесполезная громада
 Безъ мысли, цѣли и слѣда.

СТАРИКЪ.

Вотъ дочь моя — моя опора;
 Украдкой слезы осушивъ,
 Она съ тебя не сводитъ взора....
 Господь съ тобою! Будь счастливъ.

СТРАННИКЪ.

И если въ небѣ торжествуетъ
 Свѣтъ Вѣчной Правды — для чего?
 Зачѣмъ? когда не существуетъ
 Ни злыхъ, ни добрыхъ для Него?

СТАРИКЪ.

Усни, постель твоя готова,
 Страстей волненье укротивъ,
 Будь вмѣсто сына мнѣ роднова,
 Господь съ тобою! Будь счастливъ.

Остался онъ, любви послушный;
Ему вѣнецъ любовью свить —
Онъ мужъ, отецъ и благодушно
Онъ самъ несчастнымъ говорить:
— Пусть злые люди къ людямъ строги —
Отецъ небесный справедливъ:
Ты встрѣтилъ друга на дорогѣ.
Господь съ тобою! Будь счастливъ.

Анюта.

Куклы, ждущія мужей,
Строгихъ маменекъ малютки,
Охъ! далеко вамъ до ней,—
До Анюты, до Анютки!

Взлядъ ея бросаетъ въ дрожь!
Молода, полна, румяна;
Свѣжесть щекъ, упругость стана —
Свѣтскимъ дамамъ — острый ножъ!
Упрекать, что юной силой
Слишкомъ груди подняло! —
Да вѣдь это мнѣ и мило
И съ ума меня свело.

Куклы, ждущія мужей,

Строгихъ маменекъ малютки,
 Охъ! далеко вамъ до ней, —
 До Аняты, до Анятки!

Сердце — просто, какъ нарядъ:
 Нѣтъ ни бархату, ни шолку,
 Ни кокетства.... Безъ умолку
 Все болтаетъ заурядъ,
 Все хохочетъ. Что робѣть ей!
 Ничему не учена,
 Но умнѣй другой и третьей
 Изъ воспитанныхъ она.

Куклы, ждущія мужей,
 Строгихъ маменекъ малютки,
 Охъ! далеко вамъ до ней, —
 До Аняты, до Анятки!

А со мной-то за столомъ!
 Говорить слова свободы
 Вѣрнымъ голосомъ природы,
 Чистой правды языкомъ.
 Безъ ужимокъ старой дѣвы —
 Чорта чортомъ и зоветъ;
 Знаетъ лучшіе припѣвы;
 Пьетъ, какъ я, — всѣ вина пьетъ!

Куклы, ждущія мужей,
 Строгихъ маменекъ малютки,
 Охъ! далеко вамъ до ней, —
 До Аняты, до Анятки.

Сердце просто, какъ нарядъ:
 Нѣтъ ни бархату ни шолку;
 И безъ нихъ сбиваетъ съ толку
 Звонкій смѣхъ и смѣлый взглядъ.
 И безъ нихъ ея объятъ
 Отуманять хоть кого.....
 Ну, а ситцевыя платья
 Мни, какъ хочешь, — ничего!

Куклы, ждущія мужей,
 Строгихъ маменекъ малютки,
 Охъ! Далекó вамъ до ней, —
 До Аняты, до Анятки!

.

Куклы, ждущія мужей,
 Строгихъ маменекъ малютки,
 Охъ! Далекó вамъ до ней, —
 До Аняты, до Анятки!

Тоска по родинѣ.

„Въ Парижѣ, пастухъ, въ Парижѣ! Ты молодъ“ — вы сказали:

„Отдайся склонностямъ любимымъ и мечтамъ;

„Познанья, золото и роскошь побѣждали

Любовь къ роднымъ полямъ“.

Но здѣсь разсѣялись мечтанья золотыя;

Морщины у меня прорѣзались на лбу....

Отдайте мнѣ поля мои родныя,

Мой лѣсъ, мою избу!

Вы мой развили умъ, вы дали мнѣ даръ слова;

Искусства унесли меня за облака;

Но мнѣ здѣсь холодно, здѣсь тяготитъ больнова

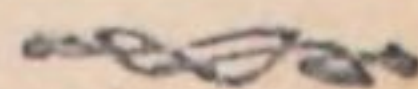
По родинѣ тоска.

На вашихъ женщинахъ наряды дорогіе,

CERCLE RUSSIE

DE LA

VILLE DE MONTAIGIS

Но на пирахъ у васъ блуждаю я, какъ тѣнь.

Отдайте мнѣ поля мои родныя

И нашъ воскресный день!

Мы жалки, мы смѣшны, мы дѣти передъ вами,

Съ своими сказками и пѣснями отцовъ;

Блескъ вашей оперы смутилъ бы чудесами

Крестьянскихъ колдуновъ.

Я слышалъ вашъ концертъ: въ немъ гимны неземныя

Крылатыхъ жителей заоблачной страны.

Отдайте мнѣ поля мои родныя

И пѣсни старины!

Мнѣ грустно самому смотрѣть на избы наши,

На церковь бѣдную изъ почернѣлыхъ плитъ;

Здѣсь высятся дворцы, одинъ другаго краше,

Здѣсь мраморъ и гранитъ;

Въ лучахъ заката здѣсь чертоги золотые

Воздушнымъ призракомъ являются очамъ.

Отдайте мнѣ поля мои родныя

И деревенскій храмъ!

Я вяну съ каждымъ днемъ, я ночью, засыпая,

Страшусь, чтобъ родину во снѣ не увидать:

Тамъ воетъ вѣрный песъ, тамъ ждетъ меня, рыдая,

Моя больная мать,
Стада, мои стада терзают волки злые,
Избушку бѣдную разрушила мятель....

Отдайте мнѣ поля мои родныя,
Мой посохъ и свирель!

Что слышу я? Сбылись мои ночныя грезы!
„Ступай, пастухъ, ступай!“ вы говорите мнѣ:
„Пусть солнце свѣтлое твои осушить слезы
Въ родимой сторонѣ“.

Прости, волшебный край! Пускай толпы инныя
На чудеса твои бѣгутъ со всѣхъ сторонъ.

Увижу снова я поля мои родныя,
Избу, гдѣ я рожденъ!

Весна и осень.

Друзья, Природою самою,
Назначенъ наслажденьямъ срокъ:
Цвѣты и бабочки — весною,
Зимою — виноградный сокъ.
Снѣгъ таетъ, сердце пробуждая;
Короче дни — хладѣетъ кровь....
Прощай вино — въ началѣ Мая,
А въ Октябрѣ — прощай любовь!

Хотѣлъ-бы я вино съ любовью
Мѣшать, чтобъ жизнь была полна;
Но, говорятъ, вредить здоровью
Избытокъ страсти и вина.
Совѣтамъ мудрости внимая,

Я разсудилъ безъ дальныхъ словъ:
Прощай вино—въ началѣ Мая,
А въ Октябрѣ—прощай любовь!

Въ весенній день моя свобода
Была Жаннетѣ отдана;
Я ей поддался—и полгода
Меня дурачила она:
Кокеткѣ все припоминая,
Я въ Сентябрѣ ужь былъ готовъ....
Прощай вино—въ началѣ Мая,
А въ Октябрѣ—прощай любовь!

Я осенью сказалъ Адели:
— Прощай, дитя, не помни зла....
И разошлись мы; но въ Апрѣлѣ
Она сама ко мнѣ пришла.
Бутылку тихо опуская,
Я вспомнилъ смыслъ мудрейшихъ словъ:
Прощай вино—въ началѣ Мая,
А въ Октябрѣ—прощай любовь!

Такъ я дошолъ-бы до могилы....
Но есть волшебница: она—
Крѣпчайшій спиртъ лишаетъ силы
И охмѣляетъ безъ вина.

Захочетъ—я могу забыться,
Смѣшать всѣ дни въ календарѣ;
Весной—безчувственно напиться....
И быть влюбленнымъ въ Декабрѣ!

Слѣпой нищій.

Изъ села въ село бредетъ

Старый нищій, ковыляя,

И по струнамъ ударяя,

Слабымъ голосомъ поетъ:

— У народа молодого,

У честныхъ прошу людей:

Бросьте нѣсколько грошей!

(И даютъ ему безъ слова!)

Бросьте нѣсколько грошей

Въ шапку стараго слѣпаго.

Ходить съ дѣвочкой слѣпой;

Шумный праздникъ въ окологѣ:

— Веселитесь, красотки,

Въ пляскѣ рѣзвой и живой!

Ради друга дорогаго,

Молодыхъ прошу парней:

Бросьте нѣсколько грошей —

Я за парня слылъ лихаго!

Бросьте нѣсколько грошей

Въ шапку стараго слѣпаго.

Въ темной рошѣ слышитъ онъ,

Поцѣлуй звучитъ украдкой:

— Ахъ, поетъ онъ: здѣсь такъ сладко,

Здѣсь любовь со всѣхъ сторонъ!

Вспомнилъ я грѣшки былого....

Смѣхъ, какъ взглянешь на мужей!...

Бросьте нѣсколько грошей,

Ради мужа отставнаго....

Бросьте нѣсколько грошей

Въ шапку стараго слѣпаго.

Ходятъ дѣвушки толпой;

Раздается смѣхъ безпечный:

— Ахъ, поетъ: любите вѣчно

И цвѣтите красотой!

Оттолкнетъ меня сурово

Цѣломудріе ханжей.

Бросьте нѣсколько грошей —

Вы характера инаго....

Бросьте нѣсколько грошей

Въ шапку стараго слѣпаго.

Къ разгулявшимся жнецамъ

Подойдетъ, напоминая,

Что и въ годы урожая

Жатвы нѣту бѣднякамъ.

— Вамъ, небось, отъ золотого

Винограда веселѣй?

Бросьте нѣсколько грошей —

Такъ и я хвачу простаго!

Бросьте нѣсколько грошей

Въ шапку стараго слѣпаго.

У солдатъ ли пиръ горой —

Кружки двигаются живо:

— Я вѣдь тоже былъ служивой,

Говорить старикъ слѣпой,

— И теперь душа готова,

Кабы годы-то съ костей!

Бросьте нѣсколько грошей —

Въ память славнаго былаго!

Бросьте нѣсколько грошей

Въ шапку стараго слѣпаго.

Онъ канючить не пойдетъ
Въ позлащенные чертоги,
А въ селеньяхъ, по дорогѣ,
Гдѣ поваднѣе, поетъ,
Гдѣ рука подать готова,
Тамъ поетъ онъ веселѣй:
Бросьте нѣсколько грошей!
Счастья нѣтъ для сердца злаго....
Бросьте нѣсколько грошей
Въ шапку стараго слѣпаго.

Положительный человекъ.

„Проживешься, смотри!“ Старый дядя

Повторять мнѣ готовъ цѣлый вѣкъ.

Какъ смѣюсь я, на дядюшку глядя!

Положительный я человекъ.

Я истратить всего

Не съумѣю—

Такъ какъ я ничего

Не имѣю.

„Проложи себѣ въ свѣтѣ дорогу...“

Думалъ тоже — да вышло не въ прокъ;

Чище совѣсть, за то, славу Богу,

Чище совѣсти мой кошелекъ.

Я истратить всего

Не съумѣю—

Такъ какъ я ничего
Не имѣю.

Вѣдь въ тарелкѣ одной гастронома
Капиталь его предковъ сидитъ;
Мнѣ—прислуга въ трактирѣ знакома;
Сытъ и пьянъ постоянно въ кредитъ.
Я истратить всего
Не съумѣю—
Такъ какъ я ничего
Не имѣю.

Какъ подумаешь—золота сколько
Оставляетъ на картѣ игрокъ!
Я играю не хуже—да только
Тамъ, гдѣ можно играть на мѣлокъ.
Я истратить всего
Не съумѣю—
Такъ какъ я ничего
Не имѣю.

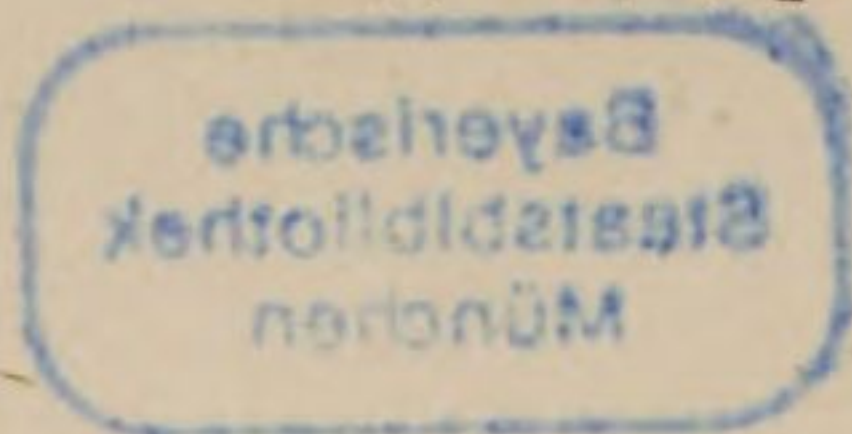
На красавицъ съ искусственнымъ жаромъ
Богачи разоряются въ прахъ;
Лиза даромъ счастливить—и даромъ
Оставляетъ меня въ дуракахъ.

Я истратить всего
 Не съумѣю—
 Такъ какъ я ничего
 Не имѣю.

Маркизь де Караба.

Изъ чужбины дальной
Въ замокъ феодальный
 Їдетъ — трюхъ-трюхъ-трюхъ —
На кобылкѣ сивой
Нашъ маркизь спѣсивый,
 Нашъ отецъ и другъ.
Машетъ саблей длинной,
Но въ крови невинной...
 Вотъ какой храбрець!
Ой, бѣдовый, право!
Честъ тебѣ и слава —
Ахъ ты нашъ отецъ!

Слушать, поселяне!
Къ вамъ — невѣждамъ, дряни

Самъ держу я рѣчь!
 Я — опора трона;
 Царству оборона
 Мой дворянскій мечъ.
 Гнѣвъ мой возгорится —
 И Король смирится!
 Вотъ какой храбрецъ!
 Ой, бѣдовый, право!
 Честь тебѣ и слава —
 Ахъ ты нашъ отецъ!
 Говорятъ, бездѣльникъ
 Слухъ пустилъ, что мельникъ
 Жизнь мнѣ подарилъ.
 Я зажму вамъ глотки!
 Самъ Пекинъ Короткій
 Нашимъ предкомъ былъ.
 Отыщу въ законѣ —
 Сяду самъ на тронѣ...
 Вотъ какой храбрецъ!
 Ой, бѣдовый, право!
 Честь тебѣ и слава —
 Ахъ ты нашъ отецъ!
 Я, какъ за стѣною,

За своей женою

При дворѣ силенъ.

Сынъ достигнетъ быстро

Званія министра;

Младшій.... тотъ хмѣленъ...

Трусовать.... глупенекъ....,

Но жена дастъ денегъ.

Вотъ какой храбрецъ!

Ой, бѣдовый, право!

Честъ тебѣ и слава —

Ахъ ты нашъ отецъ!

Не люблю стѣсненья!

Подати съ имѣнья —

Знать ихъ нехочу!

Облеченъ дворянствомъ,

Государству чванствомъ

Я свой долгъ плачу.

Мѣстное начальство

Усмирить нахальство....

Вотъ какой храбрецъ!

Ой, бѣдовый, право!

Честъ тебѣ и слава —

Ахъ ты нашъ отецъ!

А! Другое дѣло:

Чернь — топчите смѣло,

Но дѣлиться — чурь!

Намъ однимъ охота

И цвѣтки почета

Деревенскихъ дурь.

Свято и едино

Право господина.

Вотъ какой храбецъ?

Ой, бѣдовый, право!

Честъ тебѣ и слава —

Ахъ ты нашъ отецъ!

Кресло въ Божьемъ храмѣ

Передъ алтарями

Выставляйте мнѣ.

Мнѣ — почетъ и слава,

Чтобъ дворянства право,

Свято и вполнѣ,

Въ этомъ блескѣ громкомъ,

Перешло къ потомкамъ.

Вотъ какой храбрецъ!

Ой, бѣдовый, право!

Честъ тебѣ и слава —

Ахъ ты нашъ отецъ!

CERCLE RUSS

DE LA

VILLE DE MONTAIGIS

Вино и Кокетка.

Друзья, есть пара глазъ: какъ тѣнь моя, за мною,

Неотразимые, слѣдятъ;

Но не поддамся имъ—хоть и поддамся, скрою

И обману ихъ взглядъ!

Кокетка, власть твоя была бы неизбѣжна,

Но хмѣль возносится надъ розами всегда...

Ахъ, пусть не вѣдаетъ, какъ сердце это нѣжно,

А то бѣда, бѣда!

Пусть хороша она; я чувствъ моихъ избытокъ

И сердце отдаю друзьямъ;

Поемъ, смѣемся, пьемъ цѣлительный напитокъ,

Налитый дружбой намъ.

Вѣнчайте же плющомъ и миртой бѣлоснѣжной

Мой лобъ, зардѣвшійся отъ страстнаго стыда...

Ахъ, пусть не вѣдаетъ, какъ сердце это нѣжно,
А то бѣда, бѣда!

Довольно я терпѣль! перехожу подъ знамя
Непризнающихъ власть любви;

Смѣюсь за чашею—и да погаснетъ пламя,
Возникшее въ крови!

Пускай Эротъ, въ борьбѣ неровной, безнадежной,
У Вакха свой колчанъ оставить навсегда:

Ахъ, пусть не вѣдаетъ, какъ сердце это нѣжно,
А то бѣда, бѣда!

Но, видно, богъ любви изъ виноградной лозы,
Смѣясь, мнѣ выжалъ этотъ сокъ:

Я все еще люблю; въ стаканъ роняю слезы...

Блѣднѣю... изнемогъ...

Бѣжать хочу, бѣжать... но паръ вина мятежный
Мнѣ ноги оковалъ... Ни шагу, никуда!

Кокетка видѣла, какъ сердце это нѣжно...

Бѣда грозить, бѣда!

Гроза.

Пойте, рѣзвитесь, дѣти!
Черныя тучи надъ нами;
Ангелъ надежды цвѣтами
Сыплеть на вашемъ разсвѣтѣ—
Пойте, рѣзвитесь, дѣти!

Книги скорѣй по шкапамъ!
Въ поле изъ комнаты душной!
Мальчики, дѣвочки... Гамъ,
Пѣсни и смѣхъ простодушный...

Пусть все притихло кругомъ,
Мрачной исполнясь тоски;
Пусть собирается громъ:
Дѣти, сплетайте вѣнки.

Пойте, рѣзвитесь, дѣти!
Чорныя тучи надъ нами;
Ангель надежды цвѣтами
Сыплеть на вашемъ разсвѣтѣ —
Пойте, рѣзвитесь, дѣти!

Грозно молчаніе мглы...
Въ воду попрятались рыбки,
Птички молчатъ... Но свѣтлы
Дѣтскія ваши улыбки.

Свѣтель и вѣренъ вашъ взглядъ:
Послѣ не страшныхъ вамъ бурь,
Ваши глаза отразятъ
Яснаго неба лазурь.

Пойте, рѣзвитесь, дѣти!
Чорныя тучи надъ нами:
Ангель надежды цвѣтами
Сыплеть на вашемъ разсвѣтѣ —
Пойте, рѣзвитесь, дѣти!

Жребій намъ выпалъ дурной;
Но мы за правду стояли:
Мстили одною рукой,
Цѣпи другою срывали

И съ колесницы побѣдъ
 Пали, не сдавшись врагамъ;
 Но изумившую свѣтъ
 Славу оставили вамъ.

Пойте, рѣзвитесь, дѣти!

Черныя тучи надъ нами:

Ангель надежды цвѣтами

Сыплеть на вашемъ разсвѣтѣ—

Пойте, рѣзвитесь, дѣти!

Въ черный родились вы часъ!

Врагъ въ свои мѣдныя горы

Первый привѣтствовалъ васъ

Днемъ нашей участи черной;

Отзывались на зовъ,

Средь раззоренныхъ полей,

Вмѣстѣ съ слезами отцовъ,

Первые крики дѣтей.

Пойте, рѣзвитесь, дѣти!

Черныя тучи надъ нами;

Ангель надежды цвѣтами

Сыплеть на вашемъ разсвѣтѣ —

Пойте, рѣзвитесь, дѣти!

Лучшихъ изъ ряда бойцовъ
 Вырвала храбрыхъ могила;
 Надъ головами отцовъ
 Буря дѣтей просвѣтила:
 Пусть испытанья отцамъ!
 Дѣти, Господь васъ хранить!
 Нива грядущаго вамъ
 Лучшую жатву сулить.

Пойте, рѣзвитесь, дѣти!
 Черныя тучи надъ нами;
 Ангелъ надежды цвѣтами
 Сыплетъ на вашемъ разсвѣтѣ —
 Пойте, рѣзвитесь, дѣти!

Дѣти, гроза все слышнѣй...
 Гнѣвъ приближается Рока...
 Рокъ, не пугая дѣтей,
 Взрослыхъ страшить издалека...

Если я гибну пѣвцомъ
 Бѣдствій народныхъ и слезъ;
 Гробъ мой украсьте вѣнкомъ,
 Вами сплетеннымъ изъ розъ.

Пойте, рѣзвитесь, дѣти!

Черныя тучи надъ нами;

Ангелъ надежды цвѣтами

Сыплеть на вашемъ разсвѣтѣ —

Пойте, рѣзвитесь, дѣти!

Слава Богу—я живъ и здоровъ.

Когда ко мнѣ скука ползеть, какъ змѣя,
Справляйте поминки: я умеръ, друзья!
Когда жъ наслаждение сойдетъ съ облаковъ
И манить вѣнкомъ благодатныхъ даровъ—

Слава Богу—я живъ и здоровъ!

Слава Богу—я живъ и здоровъ!

Пусть скряга звонить своимъ золотомъ—я...
Справляйте поминки: я умеръ, друзья!
Для звона стакановъ, въ туманѣ паровъ,
Съ хорошимъ виномъ, всѣхъ возможныхъ сортовъ—

Слава Богу—я живъ и здоровъ!

Слава Богу—я живъ и здоровъ!

Когда мнѣ попалась педанта статья—
 Справляйте поминки: я умеръ, друзья!
 Когда же при мнѣ, безъ напыщенныхъ словъ,
 Читаютъ строфу задумевныхъ стиховъ—

Слава Богу—я живъ и здоровъ!

Слава Богу—я живъ и здоровъ!

На званомъ обѣдѣ, гдѣ графы, князья...
 Справляйте поминки: я умеръ, друзья,
 Въ пирушкѣ, съ друзьями старинныхъ годовъ,
 Въ чинахъ небольшихъ и совсѣмъ безъ чиновъ—

Слава Богу—я живъ и здоровъ!

Слава Богу—я живъ и здоровъ!

Когда отъ ханжей дремлетъ мудрость моя,
 Справляйте поминки: я умеръ, друзья;
 Но если усну, среди буйныхъ головъ,
 На милыхъ мнѣ персяхъ—отъ Вакха даровъ—

Слава Богу—я живъ и здоровъ!

Слава Богу—я живъ и здоровъ!

Про битвы и драки услышу ли я—
 Справляйте поминки: я умеръ, друзья!

Но съ Лизой вдвоемъ, не считая часовъ,
До утреннихъ съ нею играть пѣтуховъ—

Слава Богу—я живъ и здоровъ!

Слава Богу—я живъ и здоровъ!

Угасну для пѣсенъ, любви и питья,
Справляйте поминки: я, умеръ, друзья!
Но съ милой, съ друзьями, въ туманѣ паровъ,
Покуда для пѣсенъ есть нѣсколько словъ—

Слава Богу—я живъ и здоровъ!

Слава Богу—я живъ и здоровъ.

Разбитая скрипка.

Что мой песь приуныль? Или противъ врага
И тебя, какъ меня, точить злоба?
Бшь, покуда остался кусокъ пирога...
Завтра грызть черствый хлѣбъ будемъ оба.

Здѣсь вражій пиръ вчера справлялся;

Одинъ надмѣнно мнѣ сказалъ:

„Играй, старикъ“ — я отказался...

Онъ скрипку мнѣ сломалъ.

Веселье, пляски — все разбито!

Кто здѣсь теперь возбудить вновь

Безпечный говоръ, смѣхъ забытый?

Кто вызоветъ любовь?

Вѣдь эти струны возвѣщали
 Счастливцу ясную зарю,
 Когда невѣсту снаряжали
 Родные къ алтарю.

Вѣдь здѣсь, подъ этими струнами,
 Дрожала вечеромъ земля;
 Отъ нихъ расправились бы сами
 Морщины короля.

И чтожь? за пѣсни нашей славы,
 Наслѣдье дѣдовъ и отцовъ —
 Надъ ней свершился судъ неправый
 И злая месть враговъ!

Что, мой песь, приунылъ? Или противъ врага
 И тебя, какъ меня, точить злоба?
 Ышь, покуда остался кусокъ пирога...
 Завтра грызть черствый хлѣбъ будемъ оба.

Пошлетъ ли Богъ благословенье
 На трудъ, безъ пѣсенъ начатой?
 Какъ длинно будетъ Воскресенье,
 День отдыха святой!

Какъ въ сказкахъ палочка простая

CECILE RUSSSE
 DE LA
 VILLE DE MONTAIGIS
 8

Въ рукахъ у феи — мой смычекъ
Былъ силенъ, бѣдныхъ утѣшая,
Вездѣ, гдѣ только могъ.

Носился смѣхъ, блистали взоры,
Когда по струнамъ онъ порхалъ,
И холодъ, подати, наборы
Бѣднякъ позабывалъ.

Теперь — вся ненависть поднята...
Воскресла злоба прежнихъ лѣтъ:
Давайте жъ мнѣ ружье солдата,
Когда ужъ скрипки нѣтъ!

Пойду на смерть съ народной славой,
Да скажутъ внуки обо мнѣ:
Онъ не хотѣлъ, чтобъ врагъ лукавый
Плясалъ въ родной странѣ.

Что, мой песъ, приунылъ? Или противъ врага
И тебя, какъ меня, точить злоба?
Ѣшь, покуда остался кусокъ пирога..
Завтра грызть черствый хлѣбъ будемъ оба...

Разсчётъ съ Лизой.

Лизокъ мой, Лизокъ,
Ты слишкомъ самовластна;
Мнѣ больно, мой дружокъ,
Вина просить напрасно.
Чтобъ мнѣ, въ года мои,
Глотокъ считался каждый —
Считаль ли я твои
Интрижки хоть однажды?

Лизокъ мой, Лизокъ,
Вѣдь ты меня всегда
Дурачила, дружокъ;
Сочтемся хоть разокъ
За прошлые годà.

Твой юнкеръ простоватъ;

Вы хитрости не равной:
Онъ часто невпопадъ
Вздыхаетъ слишкомъ явно.
Я вижу по глазамъ,
Что думаетъ голубчикъ!..
Чтобъ не браниться намъ,
Налей-ка мнѣ по рубчикъ.

Лизокъ мой, Лизокъ,
Вѣдь ты меня всегда
Дурачила, дружокъ;
Сочтемся хоть разокъ
За прошлые годъ.

Студентъ, что былъ влюбленъ,
Вотъ здѣсь же мнѣ попался,
Какъ поцѣлуй онъ
Считалъ и все сбивался,
Ты ихъ ему вдвойнѣ
Дарила, не краснѣя...
За поцѣлуй мнѣ
Налей стаканъ полнѣе.

Лизокъ мой, Лизокъ,
Вѣдь ты меня всегда

Дурачила, дружокъ;
Сочтемся хоть разокъ
За прошлые годà.

Молчи, дружочекъ мой!
Забыла объ уланѣ,
Какъ онъ сидѣлъ съ тобой
На этомъ же диванѣ?
Рукой сжималъ твой станъ,
Въ глаза глядѣлъ такъ сладко...
Лей все вино въ стаканъ
До самаго осадка!

Лизокъ мой, Лизокъ,
Вѣдь ты меня всегда
Дурачила, дружокъ:
Сочтемся хоть разокъ
За прошлые годà.

Еще бѣда была:
Зимой, въ ночную пору,
Вѣдь ты же помогла
Въ окно спуститься вору?
Но я его узналъ
По росту, по затылку...

Чтобъ я не все сказалъ —
Подай еще бутылку.

Лизокъ мой, Лизокъ,
Вѣдь ты меня всегда
Дурачила, дружокъ;
Сочтемся хоть разокъ
За прошлые года.

Всѣ дружные со мной
Дружны съ тобой — я знаю;
А брошенныхъ тобой
Вѣдь я же поднимаю.
Ну выпьемъ иногда —
Такъ что же тутъ дурного?
Люби меня всегда —
Съ друзьями и хмѣльнаго...

Лизокъ мой, Лизокъ,
Вѣдь ты меня всегда
Дурачила, дружокъ;
Сочтемся хоть разокъ
За прошлые года.

Плачущий мужъ.

Жена моя въ гробу!

Рабу

Устрой Господь твою

Въ раю.

Избавь ее отъ ада

Въ день страшнаго суда;

Ей тамъ блаженство надо...

Чтобъ не пришла сюда.

Жена моя въ гробу!

Рабу

Устрой Господь твою

Въ раю.

Увы! ничто не вѣчно!
Мое блаженство съ ней
Казалось безконечно...
Въ теченіи трехъ дней.
Жена моя въ гробу!

Рабу

Устрой Господь твою
Въ раю.

Подчасъ она хитрила
(Нельзя же безъ того!)
Но искренно любила...
Сосѣда моего.
Жена моя въ гробу!

Рабу

Устрой Господь твою
Въ раю.

И съ жизнью разставаясь,
Холодная къ другимъ,
Заплакала, прощаясь...
Съ любовникомъ своимъ.
Жена моя въ гробу!

Рабу

Устрой Господь твою

Въ раю.

Едва ли я съумѣю

Несчастье пережить...

Нѣтъ! Нѣтъ! Пойду за нею...

Зарыть ее! Зарыть!

Жена моя въ гробу!

Рабу

Устрой Господь твою

Въ раю.

CERCLE RUSS

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

Фортуна.

Тукъ! тукъ! Кто въ гости къ намъ?

Тукъ! тукъ! Мы Лизу ждемъ.

Тукъ! тукъ! Фортуна тамъ?

Тукъ! тукъ! Не отопремъ.

Виномъ сверкають чаши;

Пирушка впереди —

Бѣгуъ дѣвчонки наши...

Фортуна, проходи!

Тукъ! тукъ! Кто въ гости къ намъ?

Тукъ! тукъ! Мы Лизу ждемъ.

Тукъ! тукъ! Фортуна тамъ?

Тукъ! тукъ! Не отопремъ.

Послушать бабы сказки —
Какъ разъ озолотить!
У насъ есть милыхъ глазки
И въ погребѣ кредитъ.

Тукъ! тукъ! Кто въ гости къ намъ?
Тукъ! тукъ! Мы Лизу ждемъ.
Тукъ! тукъ! Фортуна тамъ?
Тукъ! тукъ! Не отопремъ.

Рубиновъ намъ не нужно,
Намъ мантий не носить:
Мы здѣсь усѣлись дружно
Въ однѣхъ рубашкахъ пить.

Тукъ! тукъ! Кто въ гости къ намъ?
Тукъ! тукъ! Мы Лизу ждемъ.
Тукъ! тукъ! Фортуна тамъ?
Тукъ! тукъ! Не отопремъ.

Морочить громкой славой —
Прочь, школьная мечта!
Надъ лаврами отравой
Дымится клевета.

Тукъ! тукъ! Кто въ гости къ намъ?

Тукъ! тукъ! Мы Лизу ждемъ.

Тукъ! тукъ! Фортуна тамъ?

Тукъ! тукъ! Не отопремъ.

Другихъ обманешь этимъ!

Сосѣди ужъ бѣгутъ —

А мы и здѣсь замѣтимъ,

Какъ сверху упадутъ.

Тукъ! тукъ! Кто въ гости къ намъ?

Тукъ! тукъ! Мы Лизу ждемъ.

Тукъ! тукъ! Фортуна тамъ?

Тукъ! тукъ! Не отопремъ.

Столпились; ждутъ, какъ дѣти,

Щедротъ руки твоей...

Прочь! Насъ дѣвчонки эти

Обманутъ веселѣй.

Тукъ! тукъ! Кто въ гости къ намъ?

Тукъ! тукъ! Мы Лизу ждемъ.

Тукъ! тукъ! Фортуна тамъ?

Тукъ! тукъ! Не отопремъ.

Бѣдный Чудакъ.

Всѣмъ пасынкамъ природы

Когда прожить бы такъ,

Какъ жилъ въ былые годы

Бѣдняга-весельчакъ.

Всю жизнь прожить, не плача,

Хоть жизнь куда горька....

Ой-ли! Вотъ вся задача

Бѣдняги-чудака.

Наслѣдственной шляпки

Предъ знатью не ломать,

Подарочекъ дѣвчонки—

Цвѣты въ нее вплетать,

Въ шинелькѣ ночью лежа,

Днемъ—пухъ смахнулъ слегка —
 Ой ли! Вотъ вся одѣжа
 Бѣдняги-чудака.

Два стула, столъ трехногій,
 Стаканъ, постель въ углу,
 Тюфякъ на ней убогій,
 Гитара на полу,
 Швейи изображенье,
 Шкатулка безъ замка...
 Ой-ли! Вотъ все имѣнье
 Бѣдняги-чудака.

Изъ папки ребятишкамъ
 Вырѣзывать коньковъ,
 Искать по старымъ книжкамъ
 Веселенькихъ стишковъ,
 Плясать—да такъ, чтобъ скука
 Бѣжала съ чердака—
 Ой ли! Вотъ вся наука
 Бѣдняги-чудака.

Чтобъ каждую минуту
 Любовью освятить—
 Въ красавицу Анюту—

Всю душу положить:

Смотрѣть спокойнымъ глазомъ

На роскошь свысока....

Ой-ли! Вотъ глупый разумъ

Бѣдняги-чудака.

„Какъ стану умирать я,

Да не вмѣнять мнѣ въ грѣхъ

Ни Богъ, ни люди-братья

Мой добродушный смѣхъ:

Не будетъ нареканья

Надъ гробомъ бѣдняка“.

Ой-ли! Вотъ упованья

Бѣдняги-чудака.

Ты, бѣдный,—ослѣпленный

Богатствами другихъ,

И ты, богачъ, — согбенный

Подъ ношей благъ земныхъ —

Вы ропщете.... Хотите,

Чтобъ жизнь была легка?

Ой-ли! Примѣръ берите

Съ бѣдняги-чудака.

Старушка.

Ты отцвѣтешь, подруга дорогая,
Ты отцвѣтешь—твой вѣрный другъ умретъ...
Несется быстро стрѣлка роковая,
И скоро мнѣ послѣдній часъ пробьетъ.
Переживи меня моя подруга,
Но памяти моей не измѣняй—
И, кроткою старушкой, пѣсни друга
У комелька тихонько напѣвай.

А юноши по шелковымъ сѣдинамъ,
Найдутъ слѣды минувшей красоты
И робко спросятъ: „бабушка, скажи намъ,
Кто былъ твой другъ? О комъ такъ плачешь ты?„
Какъ я любилъ тебя, моя подруга,
Какъ ревновалъ, ты все имъ передай —

И, кротною старушкой, пѣсни друга
У комелька тихонько напѣвай.

И на вопросъ: „въ немъ чувства было много?“
— Онъ былъ мнѣ другъ, ты скажешь безъ стыда.

„Онъ въ жизни зла не сдѣлалъ никакого?“

Ты съ гордостью отвѣтишь:—никогда!

Какъ про любовь къ тебѣ, моя подруга,

Онъ пѣсни пѣлъ, ты все имъ передай —

И, кротною старушкой, пѣсни друга

У комелька тихонько напѣвай.

Когда къ тебѣ, покрытой сѣдинами,

Знакомой славы донесется слѣдъ,

Твоя рука дрожащая цвѣтами

Весенними украсить мой портретъ.

Туда, въ тотъ міръ невидимый, подруга,

Гдѣ мы сойдемся, взоры обращай —

И, кротною старушкой, пѣсни друга

У комелька тихонько напѣвай.

Добрая фея.

Нѣкогда, милыя дѣти,
Фея Урганда жила,
Маленькой палочкой въ свѣтѣ
Дѣлавъ большія дѣла.
Только махнетъ ею — мигомъ
Счастье прольется вездѣ....
Добрая фея, скажи намъ,
Гдѣ твоя палочка, гдѣ?

Ростомъ — вершокъ съ половиной;
Только, когда съ облаковъ
Фею въ коляскѣ сапфирной
Восемь везли мотыльковъ —
Зрѣлъ виноградъ по долинамъ,

Жатвы видѣлись вездѣ...

Добрая фея, скажи намъ,

Гдѣ твоя палочка, гдѣ?

Царь былъ ей крестникъ; заботы

Царства лежали на ней —

Ну, и министровъ отчеты

Были, конечно, вѣрнѣй:

Средствъ не имѣлось къ поживамъ

Рыбкою въ мутной водѣ....

Добрая фея, скажи намъ,

Гдѣ твоя палочка, гдѣ?

Передъ зеркаломъ глядѣла

Фея въ судейскій уставъ;

Бѣдный выигрывалъ дѣло,

Если по дѣлу былъ правъ;

Плутъ, не спасаясь и чиномъ,

Названъ былъ плутомъ въ судѣ —

Добрая фея, скажи намъ,

Гдѣ твоя палочка гдѣ?

Матерью крестной хранимый

Царь былъ примѣромъ царямъ;

Сильнымъ народомъ любимый,

Страшенъ заморскимъ врагамъ.

Фею, еѣ ея крѣстнымъ сыномъ,
Благословляли вездѣ...
Добрая фея, скажи намъ,
Гдѣ твоя палочка, гдѣ?

Добрая фея пропала...
Гдѣ она—нѣтъ и слѣда:
Плохо въ Америкѣ стало—
Въ Азіи плохо всегда.
Насъ, въ нашемъ царствѣ орлиномъ,
Холятъ, какъ птичекъ въ гнѣздѣ...
Все таки, фея, скажи намъ,
Гдѣ твоя палочка, гдѣ?

Иванъ да Марья.

Выпьемъ да выпьемъ—чокъ, чокъ, чокъ!

Ваня—ни свѣтъ, ни заря—въ кабачокъ.

Дома голубка ждетъ голубка—

Знато нагрѣтъ бока!

Какъ поженились—все живутъ розно:

Бѣдная Маша въ тоскѣ—

Скучно одной сидѣть поздно:

Ваня съ утра въ кабацѣ—

Хоть охмѣлѣтъ, но помня жену,

Все поетъ пѣсню одну:

Выпьемъ да выпьемъ—чокъ, чокъ, чокъ!

Ваня—ни свѣтъ, ни заря—въ кабачокъ.

Дома голубка ждёт голубка—

Знато нагрѣтъ бока!

Ваня смѣкаетъ: жена молодая,

Любить меня — подождетъ;

Маша, его проклиная,

Кошку съ отчаянья бьетъ:

Цѣлую ночь промяукать готовъ

Хоръ сладострастныхъ котовъ.

Выпьемъ да выпьемъ—чокъ, чокъ, чокъ!

Ваня—ни свѣтъ, ни заря—въ кабачокъ.

Дома голубка ждёт голубка.

Знато нагрѣтъ бока!

Пить и гулять онъ готовъ до разсвѣта:

Пѣсни поетъ—а жена,

Въ кофточкѣ, полуодѣта,

Спать собираясь одна,

Плачетъ—и въ зеркало смотритъ съ тоской.

Пьянъ теперь, думаетъ, мой....

Выпьемъ да выпьемъ—чокъ, чокъ, чокъ!

Ваня—ни свѣтъ, ни заря—въ кабачокъ.

Дома голубка ждёт голубка.

Знато нагрѣтъ бока!

Ночью сосѣдъ постучался къ сосѣдкѣ:

—Нѣтъ ли, сосѣдка, огня?

Птичка забила въ клѣткѣ:

—Ахъ! испугали меня....

Что тамъ зажглось, я не вѣдаю—но...

Въ комнатѣ стало темно....

Выпьемъ да выпьемъ—чокъ, чокъ, чокъ!

Ваня—ни свѣтъ, ни заря—въ кабачокъ!

Дома голубка ждетъ голубка.

Знатно нагрѣтъ бока!

Кофточку, чепчикъ ночной поправляя,

Плачетъ бѣдняжка опять;

— Вотъ моя доля какая!

Мужа всю ночь ожидать.

Днемъ безпокоюсь и ночи не сплю—

Истинно, значитъ, люблю.

Выпьемъ да выпьемъ—чокъ, чокъ, чокъ!

Ваня—ни свѣтъ, ни заря—въ кабачокъ,

Дома голубка ждетъ голубка.

Знатно нагрѣтъ бока!

Съ милымъ до завтра разставшись уныло...

Строго гуляку жена

Встрѣтила, больно прибила....

Но, хоть болѣла спина,—

Видѣлъ онъ вѣрность—а съ вѣрной женой

Пей безъ просыпу и пой:

Выпьемъ да выпьемъ—чокъ, чокъ, чокъ!

Ваня—ни свѣтъ, ни заря—въ кабачокъ.

Дома голубка ждетъ голубка.

Знатно нагрѣтъ бока!

Новый фракъ.

Соблазнами большого свѣта
Не увлекаться нѣту силъ!
Откушать, въ качествѣ поэта,
Меня вельможа пригласилъ.
И я, какъ всѣ, увлекся тоже.....
Вѣдь это честь, пойми, чудакъ:
Ты будешь во дворцѣ вельможи!

Вотъ какъ!

Я буду во дворцѣ вельможи!
И заказалъ я новый фракъ.

Съ утра, взволнованный глубоко,
Я передъ зеркаломъ верчусь;
Во фракъ съ тальею высокой
Низенько кланяться учусь,

CERCLE RUSSE

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

Учусь смотрѣть солиднѣй, строже,
 Чтобъ сразу не попасть въ просакъ:
 Сидѣть придется вѣдь съ вельможей!

Вотъ какъ!

Сидѣть придется вѣдь съ вельможей!
 И я надѣлъ свой новый фракъ.

Пѣшечкомъ выступаю плавно,
 Вдругъ изъ окна друзья кричатъ:
 „Иди сюда! Здѣсь завтракъ славный“
 Вхожу: бутылокъ длинный рядъ!
 — Съ друзьями выпить? Отчего же...
 Оно бы лучше на тощакъ.....
 Я, господа, иду къ вельможѣ!

Вотъ какъ!

Я, господа, иду къ вельможѣ,
 На мнѣ недаромъ новый фракъ.

Иду, позавтракавъ солидно,
 На встрѣчу сватьба.... старый другъ....
 Вѣдь отказаться было бѣ стыдно....
 И я попалъ въ веселый кругъ.
 И вдругъ... ни на что не похоже —
 Сталъ красенъ отъ вина какъ ракъ.
 — Но, господа, я званъ къ вельможѣ —

Вотъ какъ!

Но, господа, я званъ къ вельможѣ,
На мнѣ надѣтъ мой новый фракъ.

Ну, ужь извѣстно, послѣ сватьбы
Бреду, цѣпляясь за заборъ,
А все смотрю: не опоздать бы....
И вотъ подъѣздъ.... и вдругъ мой взоръ
Встрѣчаетъ Лизу.... Правый Боже!
Она даетъ условный знакъ....
А Лиза вѣдь милѣй вельможи!....

Вотъ какъ!

А Лиза вѣдь милѣй вельможи
И ей не нуженъ новый фракъ.

Она сняла съ меня перчатки
И, какъ послушнаго вола,
На свой чердакъ, къ своей кроваткѣ
Вельможи гостя привела.
Мнѣ фракъ сталъ тяжелѣй рогожи,
Я понялъ свой невѣрный шагъ,
Забылъ въ минуту о вельможѣ....

Вотъ какъ!

Забылъ въ минуту о вельможѣ
И.... скинулъ я свой новый фракъ.

Такъ отъ тщеславія пустаго

Мнѣ данный во время урокъ

Меня на вѣки спасъ — и снова

Я взялъ бутылку и свистокъ.

Мнѣ независимость дороже,

Чѣмъ свѣтской жизни блескъ и мракъ.

Я не пойду, друзья, къ вельможѣ.

Вотъ какъ!

А кто пойдетъ, друзья, къ вельможѣ,

Тому дарю свой новый фракъ.

Третій Мужъ.

Несчастливая съ двумя мужьями,

Я въ руки третьяго взяла:

Иванъ ворчитъ; но между нами

Какъ разъ кончаются дѣла.

Чуть Ваня что-нибудь не такъ—

Я тотчасъ же ему колпакъ

Надвину до ушей:

—Молчи, мозглякъ!

Смотри, дуракъ,

Со мною разсуждать не смѣй!

Ну, цыцъ! Грубьянъ!

Ни-ни! Иванъ!

Я не забыла двухъ мужей!

Такъ, послѣ свадьбы чрезъ полгода,

Госпдъ намъ двойни дароваль;

Ну, по обычаю народа,

Назначили крестины, балъ....

Смотрю: буянить мой Иванъ,

Зачѣмъ съ малютками уланъ!

Какъ?! Вы не цѣните людей!

Такъ вотъ вы какъ!

Да ты, дуракъ,

Благодарилъ бы за дѣтей!

Ну, цыцъ! Грубьянъ!

Ни-ни! Иванъ!

Я не забыла двухъ мужей.

Я денегъ въ долгъ дала улану;

Откуда-жъ бѣдному достать?

Не знаю, кто сказалъ Ивану —

Смотрю: сталъ ящикъ запирать.

Дай денегъ. Говорить: украли.

Такъ вы съ женой считаться стали?!

Дай ключъ сюда отъ всѣхъ ключей!

Какой тутъ воръ!

Да съ этихъ поръ
Копейки требовать не смѣй!

Ну, цыцъ! Грубьянъ!

Ни-ни! Иванъ!

Я не забыла двухъ мужей.

Съ уланомъ вечеромъ сидѣла;

Вдругъ, ночью прѣзжаетъ мой!

Служанки нѣтъ.... ночное дѣло —

Не отворять же мнѣ самой!

Прождалъ голубчикъ у воротъ:

Не полуночничай впередъ!

Промокъ, продрогнулъ до костей....

Такъ вы гулять?!

Вы ревновать?!

Я отучу васъ отъ затѣй!

Ну, цыцъ! Грубьянъ!

Ни-ни! Иванъ!

Я не забыла двухъ мужей.

Была, я помню, перепалка!

Я и его поймала разъ:

Федосья, старая кухарка,

Его прельстила съ пьяныхъ глазъ....

Ее за талью онъ держалъ,

Ласкалъ ее.... какой скандалъ!

Вы развращать моихъ людей?!

Отъ васъ виномъ

На цѣлый домъ

Разить.... Ложитесь спать скорѣй!

Ну, цыцъ! Грубьянъ!

Ни-ни! Иванъ!

Я не забыла двухъ мужей.

Мы съ нимъ воюемъ за-частую,

Но и миримся иногда.

Сама другой разъ побалую:

Иванъ, скажу, поди сюда!

Не дуться! Полно! Васъ зовутъ!

Сюда! Вотъ такъ. Садитесь тутъ.

Иванъ, цѣлуй меня, живѣй!

Еще дружокъ....

Еще разокъ,

Еще, еще! Нѣжнѣй! Нѣжнѣй....

Ну, цыцъ! Грубьянъ....

Ни-ни!.... Иванъ!

Я не забыла двухъ мужей.

Мои волосы.

Апостоль радости безпечной,
 Друзья, я проповѣдь прочту:
 Всѣ блага жизни скоротечной
 Хватайте прямо, на лету...
 На перекорь судьбы ударамъ,
 Чтобъ смѣлый духъ въ свободѣ росъ....
 - Вотъ вамъ совѣтъ мой — а не даромъ
 Я въ цвѣтѣ лѣтъ лишень волосъ.

Друзья, хотите ли игриво,
 Какъ свѣтлый день, всю жизнь прожить?
 Вотъ вамъ вино: въ немъ можно живо
 Мірскія дразги утопить.
 Къ его струямъ прильните съ жаромъ,

Чтобъ въ вашу кровь оно впилося....
Вотъ вамъ совѣтъ мой — а не даромъ
Я въ цвѣтѣ лѣтъ лишенъ волосъ.

Друзья, вино, вселяя рѣзвость,
Не наполняетъ пустоты —
Нужна любовь, чтобъ снова трезвость
Найти въ объятыхъ красоты;
Чтобъ каждый въ жертву страстнымъ чарамъ
Здоровье, юность, деньги несъ....
Вотъ вамъ совѣтъ мой — а не даромъ
Я въ цвѣтѣ лѣтъ лишенъ волосъ.

Послѣдовавъ моимъ совѣтамъ,
Вы насмѣтесъ надъ судьбой —
И насладившись жизни лѣтомъ,
Съ ея не встрѣтитесь зимой;
Надъ вашимъ юношескимъ жаромъ
Суровый не дохнетъ морозъ;
Вотъ вамъ совѣтъ мой — а не даромъ
Я въ цвѣтѣ лѣтъ лишенъ волосъ.

Знатный пріятель.

Я всей душой къ женѣ привязанъ;
Я въ люди вышелъ.... Да чего!
Я дружбой графа ей обязанъ.
Легко-ли! Графа самого!
Дѣлами царства управляя,
Онъ къ намъ заходитъ, какъ къ роднымъ.
Какое счастье! Честь какая!

Вѣдь я червякъ въ сравненіи съ нимъ,

Въ сравненіи съ нимъ,

Съ лицомъ такимъ —

Съ его сіятельствомъ самимъ!

Прошедшей, напримѣръ, зимою,

Назначенъ у министра балъ:

Графъ прїѣзжаетъ за женою —
 Какъ мужъ, и я туда попалъ.
 Тамъ руку мнѣ при всѣхъ сжимая,
 Назвалъ прїателемъ своимъ!...
 Какое счастье! Честь какая!
 Вѣдь я червякъ въ сравненїи съ нимъ!
 Въ сравненїи съ нимъ,
 Съ лицомъ такимъ —
 Съ его сіятельствомъ самимъ!

Жена случайно захвораетъ —
 Вѣдь онъ, голубчикъ, самъ не свой:
 Со мною въ преферансъ играетъ,
 А ночью ходитъ за больной.
 Прїѣхалъ, весь въ звѣздахъ сіяя,
 Поздравитъ съ ангеломъ моимъ....
 Какое счастье! Честь какая!
 Вѣдь я червякъ въ сравненїи съ нимъ!
 Въ сравненїи съ нимъ,
 Съ лицомъ такимъ —
 Съ его сіятельствомъ самимъ!

А что за тонкость обращенья!
 Прїѣдетъ вечеромъ, сидитъ....
 „Что вы все дома.... безъ движенья?
 Вамъ нуженъ воздухъ...“ говоритъ.

— Погода, графъ, весьма дурная...

„Да мы карету вамъ дадимъ!“

Предупредительность какая!

Вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ!

Въ сравненьи съ нимъ,

Съ лицомъ такимъ —

Съ его сіятельствомъ самимъ!

Зазвалъ къ себѣ въ свой домъ боярскій:

Шампанское лилось рѣкой....

Жена уснула въ спальнѣ дамской...

Я въ лучшей комнатѣ мужской.

На мягкомъ ложѣ засыпая,

Подъ одѣяломъ парчевымъ,

Я думалъ, нѣжась: честь какая!

Вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ!

Въ сравненьи съ нимъ,

Съ лицомъ такимъ —

Съ его сіятельствомъ самимъ!

Крестить назвался непременно,

Когда Господь мнѣ сына далъ —

И улыбался умиленно,

Когда младенца воспріалъ.

Теперь умру я, уповая,

Что крестникъ взысканъ будетъ имъ....

А счастье-то, а честь какая!

Вѣдь я червякъ въ сравненъи съ нимъ,

Въ сравненъи съ нимъ,

Съ лицомъ такимъ —

Съ его сіятельствомъ самимъ!

А какъ онъ милъ, когда онъ въ духѣ!

Вѣдь я за рюмкою вина,

Хватилъ однажды: ходятъ слухи....

Что будто, графъ... моя жена...

Графъ, говорю, пріобрѣтая....

Трудясь.... я долженъ быть слѣпымъ....

Да ослѣпить и честь такая!

Вѣдь я червякъ въ сравненъи съ нимъ!

Въ сравненъи съ нимъ,

Съ лицомъ такимъ —

Съ его сіятельствомъ самимъ!

Слѣпая мать.

За шитье садись-ка!

Да прилежнѣй шить;

Локоть будетъ близко —

Да не укусить!

Милый для вострухи

Хорошо поетъ —

А слѣпой старухи

Нѣтъ — не проведетъ!

Имъ позволъ немножко....

Стой! Куда идешь?

Отворять окошко?

Лиза, ты не шьешь.

Душно стало?... Сказки!

Вовсе не къ тому:

Ты въ окошко глазки

Дѣлаешь ему.

Я, небось, сварлива —

Эхъ! И я была

Смолоду красива;

Все сама прошла....

Съ этою работой

Горе наживешь....

Тамъ у двери кто-то? —

Лиза, ты не шьешь.

Вѣтромъ растворилась?

Ишь вѣдь чудеса!

А зачѣмъ явилась

Кость въ зубахъ у пса?

Мать вѣдь все смѣкаетъ,

Даромъ что безъ глазъ —

Вѣтеръ-то гуляетъ

Въ головѣ у васъ! —

Больно разгулялся....

Это что? Грабежъ!

Поцѣлуй раздался! —

Лиза, ты не шьешь,

Что? Пришла охота

Птичку цѣловать?

Не того полета!

Лиза, стыдно лгать.

Сладко цѣловаться

Съ милымъ голубкомъ....

А надъ кѣмъ смѣяться

Будетъ онъ потомъ?

Глупенькую жаль мнѣ!

Стой! Куда идешь?

Что за шепотъ въ спальнѣ? —

Лиза, ты не шьешь!

Сонъ одолѣваетъ?

Знаю этотъ сонъ!

Въ сердце западаетъ,

Кровь волнуется онъ....

Всю охватить разомъ

Трепетомъ, огнемъ.

Отуманить разумъ....

Пропадешь потомъ!

Красоту размочетъ

Горькихъ слезъ ручей....

Сердце все изнаетъ....

Лиза, Лиза, шей!

Дурное Вино.

Будь благословенно, скверное вино!
Не опасно вовсе для меня оно,
Пусть льстецы, съѣдая даровой обѣдъ,
Восхваляютъ громко тонкій твой букетъ;
Будь благословенно: я тебя не пью—
Лишь цвѣты тарелки я тобой полью.
Будь благословенно, скверное вино!

Нашему здоровью не вредить оно:

Потому что, знаю—какъ начну я пить,
Я могу совѣты доктора забыть,
Доктора, который говоритъ—не пей!
Время миновало—говорить—затѣй.
Можешь пѣть стихами Вакха торжество,
Но, какъ жрецъ, не зная, славить божество.

Будь благословенно, скверное вино!

Постоянству страсти не вредить оно:

Потому что, знаю—охмѣлѣвъ чуть-чуть,
Отыщу къ сосѣдкѣ заповѣдный путь,
А ужъ тамъ, извѣстно, не уйдешь, пока
Не лишишься вовсе чувствъ и кошелька....

А хозяйка Лиза, какъ итогъ сведеть,
Видимый упадокъ поутру найдетъ....

Будь благословенно, скверное вино!

Нашему сознанью не вредить оно:

Потому что, знаю—умъ, воспламенивъ,
Ты возбудишь разомъ стихотворный взрывъ;
А хмѣльной слагаетъ пѣсни безъ труда—
Да такія пѣсни, что за нихъ—бѣда!
Съ пѣсенкой такою на кого найду!
Отрезвлюсь—да поздно! ужъ попалъ въ бѣду...
Будь благословенно, скверное вино!

Нашему веселью не вредить оно:

Потому что въ клѣткѣхъ вовсе не смѣшно...
Будь благословенно... Гдѣ жъ, друзья, вино?
Вмѣсто этой дряни—весело, легко
Рвется изъ бутылки рѣзвое Кликко.

Ну, ужь будь, что будеть—наливай, друзья!

Наливай, не бойся—ужь не трушу я,

Наливай полнѣе—мнѣ ужь все равно...

Будь благословенно, доброе вино!

Падающія Звѣзды.

— Неужто звѣздочки, пастухъ,
Надъ нашими судьбами
На небѣ смотрятъ? Да, мой другъ:
Невидимая нами
Звѣзда для каждого горитъ....

— Ахъ, дѣдушка, кто знаетъ,
Чья это звѣздочка блеститъ,
Блеститъ—и исчезаетъ?

— То умеръ человѣкъ, мой другъ,
И съ нимъ звѣзда упала.
Его веселость тѣсный кругъ
Друзей одушевляла;

Его бокаль едва допить....

Онъ мирно отдыхаетъ...

— Еще звѣзда, блеситъ-блеситъ,

Блеситъ—и исчезаетъ.

— Яснѣй и чище въ эту ночь

Звѣзды не зажигалось!

Отецъ оплакиваетъ дочь;

Ей счастье улыбалось:

Вѣнокъ изъ розъ невѣстѣ свить....

Алтарь любви сіяетъ....

Еще звѣзда, блеситъ-блеситъ,

Блеситъ—и исчезаетъ.

Дитя, съ мелькнувшею звѣздой

Сынъ умеръ у вельможи.

Покрыто тканью золотой

Младенческое ложе....

Голодный льстецъ, смутясь, глядитъ,

Какъ жертва ускользаетъ...

— Еще звѣзда, блеситъ-блеситъ,

Блеситъ и исчезаетъ,

— Мой сынъ, надменный временщикъ

Упалъ звѣздой кровавой...

Онъ думалъ: силенъ я, великъ!
Упалъ — и рабъ лукавый
Иному идолу кадитъ,
Его портретъ бросаетъ....
Еще звѣзда, блеситъ-блеситъ,
Блеситъ и — исчезаетъ.

— Она упала! Сынъ мой, плачь!
Лишились мы опоры:
Съ душою доброю богачъ
Смежилъ на вѣки взоры;
Къ порогу нищій прибѣжитъ —
И горько зарыдаетъ....
— Еще звѣзда, блеситъ-блеситъ,
Блеситъ — и исчезаетъ.

Скатилась яркая звѣзда
Могущества земнаго! —
Будь чистъ, мой сынъ, трудись всегда
Для блага міроваго.
Того, кто суетно гремитъ,
Молва уподобляетъ
Звѣздѣ — которая блеситъ,
Блеситъ — и исчезаетъ.

Старинный обычай.

Въ надутомъ чванствѣ жизни чинной,
Находятъ многіе смѣшнымъ
Обычай чокаться старинный;
Что свято намъ — забавно имъ!
Намъ это чванство не пристало —
Друзья, мы по-просту живемъ;
Насъ тѣшитъ чоканье бокала.

Мы дружно пьемъ,
И всѣ кругомъ,
Чтобъ выпить, чокнемся сначала
И пьемъ, чтобъ чокаться потомъ.

Въ пирахъ отцы и дѣти наши

Златымъ не кланялись тельцамъ—

И дребезжанье хрупкой чаши

Уподобляли ихъ судьбамъ:

Веселость жажду возбуждала

У нихъ за праздничнымъ столомъ.

Рукой ихъ дружба подымала

Бокаль съ виномъ,

И всѣ кругомъ,

Чтобъ выпить, чокались сначала

И просто чокались потомъ.

Любовь, какъ гостя неземная,

Гнала задумчивость съ лица

И, вмѣстѣ съ Вакхомъ охмѣляя,

Сдвигала чаши и сердца;

Да и красавица, бывало,

Привставъ съ сіяющимъ лицомъ,

Надъ головою подымала

Бокаль съ виномъ

Чтобы кругомъ,

Со всѣми чокнуться сначала

И пить, чтобъ чокаться потомъ.

Гдѣ пьютъ Насильно, ради тоста,
Тамъ пьютъ едва ли веселѣй—
Мы пьемъ, чтобъ чокаться и просто
Пьемъ за здоровіе друзей.
Но горе тѣмъ, въ комъ мрачность взгляда
Изгнала дружбу безъ слѣда;
Она — несчастнаго отрада;

Его звѣзда

Среди труда,

Чтобъ выпить, чокнется — и рада
Пить, чтобы чокаться всегда.

Орангутанги.

Не знаю, вѣрить ли Эзопу—
Онъ повѣствуетъ, что въ Европу,
Чтобъ людямъ нанести изъянъ,
Пришло посольство обезьянъ.
— Беру исторію порукой,
Рекъ адвокатъ четверорукой,
Вы обезьянили всегда
Орангутанговъ, господа.

Давно ль вашъ родъ, смѣшной и жалкой,
Съ дубиной ходить или съ палкой?
Кто васъ училъ для вашихъ щей
Заготовленью овощей?

Кто научилъ васъ такъ кривляться,
 Передъ сильнѣйшимъ изгибаться?
 Вы обезьянили всегда
 Орангутанговъ, господа.

Гдѣ Діогенъ вашъ научился
 Жить также просто, какъ родился?
 Вѣдь нѣжной страсти образцы
 Вамъ дали самки и самцы;
 Но наши честныя мартышки
 Не такъ какъ вы ведутъ интрижки....
 Вы лишь постыдное всегда
 Перенимали, господа.

Пораньше васъ орангутанги
 Изобрѣли каре и фланги —
 Къ вамъ перешли отъ нашихъ дракъ
 Начала правильныхъ атакъ;
 До вашего пожара въ Троѣ
 У насъ героевъ было втрое —
 Вы обезьянили всегда
 Орангутанговъ, господа.

Владѣть дубиной или шпагой
 Съ нечеловѣческой отвагой

Умѣли дѣды наши встарь —

За что же человекъ нашъ царь?

Гдѣ-жъ справедливость тутъ? О, боги!

За что вы къ обезьянамъ строги?

Зачѣмъ же эти господа

Насъ обезьянили всегда?

— Какъ? загремѣлъ Юпитеръ съ трона:

Да такъ, пожалуй, и ворона,

Медвѣдь, свинья сюда придетъ.

Пусть человекъ такой же скотъ,

Да льститъ мнѣ, молодецъ, здорово.

Скоты! отнять у нихъ даръ слова!

И пусть отнынѣ и во вѣкъ

Ихъ обезьянить человекъ.

„НѢТЬ ты не Лизета.“

Какъ, Лизета, ты —

Въ тканяхъ, шелкомъ шитыхъ?

Жемчугъ и цвѣты

Въ локонахъ завитыхъ?

НѢТЬ, нѢТЬ, нѢТЬ!

НѢТЬ, ты не Лизета.

НѢТЬ, нѢТЬ, нѢТЬ!

Бросимъ имя это.

Кони у крыльца

Ждутъ Лизету нынѣ;

Самый цвѣтъ лица

Купленъ въ магазинѣ!..

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Нѣтъ, ты не Лизета.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Бросимъ имя это.

Залы въ зеркалахъ,

Въ спальнѣ роскошь тоже —

Въ дорогихъ коврахъ

И на мягкомъ ложѣ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Нѣтъ, ты не Лизета.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Бросимъ имя это.

Ты блисташь умомъ,

Потупляешь глазки —

Какъ товаръ лицомъ,

Продавая ласки.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Нѣтъ, ты не Лизета.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Бросимъ имя это.

CERCLE RUSSE

DE LA

Ты цвѣткомъ цвѣла,

VILLE DE MONTARGIS

Пѣла вольной птицей,
 Но тогда была
 Бѣдной мастерицей.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Нѣтъ, ты не Лизета.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Бросимъ имя это.

Какъ дитя проста,
 Сердца не стѣняя,
 Ты была чиста,
 Даже измѣняя....

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Нѣтъ, ты не Лизета.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Бросимъ имя это.

Но старикъ купилъ
 Самъ себѣ презрѣнье,
 И — позолотилъ
 Призракъ наслажденья.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Нѣтъ, ты не Лизета.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Бросимъ имя это.

Скрылся свѣтлый богъ

Въ невозвратной дали....

Онъ швею берегъ —

Вы графинею стали.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Нѣтъ, ты не Лизета.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Бросимъ имя это.

Стрѣлокъ и Поселянка.

— Проснулась ласточка съ зарею,
Привѣтствуя весеній день.

Красавица, пойдѣмъ со мною:
Намъ роща отдыхъ дастъ и тѣнь.
Тамъ я у ногъ твоихъ склонюся,
Нарву цвѣтовъ, сплету вѣнокъ....

— „Стрѣлокъ, я матери боюся.
Мнѣ некогда, стрѣлокъ.“

— Мы въ чащу забредѣмъ густую:
Она не сыщетъ дочь свою,
Пойдемъ, красавица! Какую
Тебѣ я пѣсенку спою!
Ни пѣть, ни слушать, увѣряю,

Никто безъ слезъ ее не могъ...

— „Стрѣлокъ, я пѣсню эту знаю.

Мнѣ некогда стрѣлокъ“

— Я расскажу тебѣ преданье.

Какъ рыцарь къ молодой женѣ

Пришелъ на страшное свиданье

Изъ гроба.... Выслушать вполнѣ

Нельзя безъ трепета развязку.

Мертвецъ несчастную увлекъ...

— „Стрѣлокъ, я знаю эту сказку.

Мнѣ некогда, стрѣлокъ.“

— Пойдемъ, красавица. Я знаю,

Какъ дикихъ усмирять звѣрей,

Легко болѣзни исцѣляю;

Отъ порчи, гла́за злыхъ людей

Я заговаривать умѣю—

И многимъ дѣвушкамъ помогъ...

— „Стрѣлокъ я ладонку имѣю.

Мнѣ некогда, стрѣлокъ„

— Ну, слушай! Видишь, какъ играетъ

Вотъ этотъ крестикъ, какъ блеститъ

И жемчугами отливаетъ....

Твоихъ подружекъ ослѣпить

Его игра на груди бѣлой.

Возьми! Другъ друга мы поймемъ...

— „Ахъ, какъ блеснить! Вотъ это дѣло!

Пойдемъ, стрѣлокъ, пойдемъ!“

Сплетникъ.

Господинъ Искаріотовъ —

Добродушнѣйшій чудакъ:

Патріотъ изъ патріотовъ,

Добрый малый, весельчакъ,

Разстиляется, какъ кошка,

Выгибается, какъ змѣй....

Отъ чего жь такихъ людей

Мы чуждаемся немножко?

И коробитъ насъ, чуть чуть

Господинъ Искаріотовъ!

Патріотъ изъ патріотовъ—

Подвергнется гдѣ нибудь?

Чтецъ усердный всѣхъ журналовъ,

Онъ способенъ и готовъ

Самыхъ рьяныхъ либераловъ

Напугать потокомъ словъ.

Вскрикнетъ громко: „гласность! гласность!

„Проводникъ святыхъ идей!“

Но кто вѣдаетъ людей,

Шепчетъ, чувствуя опасность:

Тише, тише, господа!

Господинъ Искаріотовъ,

Патріотъ изъ патріотовъ—

Приближается сюда.

Безъ порывистыхъ ухватокъ,

Безъ сжиманья кулаковъ,

О всеобщемъ злѣ отъ взятокъ

Онъ не вымолвить двухъ словъ.

Но съ подобными рѣчами,

Чуть онъ въ комнату ногой—

Разговоръ друзей прямой

Прекращается словами:

Тише, тише, господа!

Господинъ Искаріотовъ,

Патріотъ изъ патріотовъ—

Приближается сюда.

Онъ поборникъ просвѣщенья;

Онъ бы, кажется, пошелъ

Слушать лекціи и чтенья

Всѣхъ возможныхъ видовъ школъ:

„Хлѣбъ, моль, нуженъ намъ духовный!“

Но замѣтимъ мы его,—

Тотчасъ, всѣ до одного,

Сговорившіеся, ровно:

Тише, тише, господа!

Господинъ Искаріотовъ,

Патріотъ изъ патріотовъ—

Приближается сюда.

Чуть съ женой у васъ не ладно,

Чуть съ дѣтьми у васъ разладъ—

Онъ ужъ слушаетъ васъ жадно,

Замѣчаетъ каждый взглядъ.

Очень милымъ въ нашемъ бытѣ

Онъ является лицомъ,

Но едва вошелъ въ вашъ домъ,

Вы невольно говорите:

Тише, тише, господа!

Господинъ Искаріотовъ,

Патріотъ изъ патріотовъ—

Приближается сюда.

Птицы.

Зима, какъ въ саванъ, облекла
Весь край нашъ въ бѣлую равнину,
И птицъ свободныхъ на чужбину
Любовь и пѣсни унесла.
Но и въ чужомъ краю мечтою
Онѣ летятъ къ роднымъ полямъ:
Зима ихъ выгнала, но къ намъ
Онѣ воротятся весною.

Имъ лучше въ дальнихъ небесахъ;
Но намъ безъ нихъ сводъ неба тѣсенъ:
Намъ только эхо вольныхъ пѣсенъ
Осталось въ избахъ и дворцахъ.

Ихъ пѣсни звучною волною
Плывутъ къ далекимъ берегамъ;
Зима ихъ выгнала, но къ намъ
Онѣ воротятся весною.

Намъ, птицамъ стороны глухой,
На ихъ полетъ глядѣть завидно..
Намъ трудно пѣть—такъ много видно,
Громовыхъ тучъ надъ головой!
Блаженъ, кто могъ въ борьбѣ съ грозою
Отдаться вольнымъ парусамъ.....
Зима ихъ выгнала, но къ намъ
Онѣ воротятся весною.

Онѣ на темную лазурь
Слѣтятся съ громовымъ ударомъ,
Чтобъ свить гнѣздо подъ дубомъ старымъ,
Но не согнувшимся отъ бурь.
Усталый пахарь за сохою,
На встрѣчу вольнымъ голосамъ,
Зальется пѣснями, — и къ намъ
Онѣ воротятся весною.

Старый нищій.

Яма эта будетъ мнѣ могилой.

Умираю немощный и хилый...

Здѣсь толпа безпечная пройдетъ;

Скажутъ: пьянъ, должно быть съ горя, бѣдный!

Кто добрѣе, грошъ мнѣ бросить мѣдный

И глаза, краснѣя, отвернетъ...

Что жалѣть? Вѣнчайтесь цвѣтами!

А бродяга старый въ этой ямѣ,

Безъ участя вашего, умереть.

Уходили горе, старость, злоба...

Не доходятъ съ голода до гроба!...

Цѣлый годъ мечталъ я объ одномъ:

Умереть бы только на постели —
 Нѣтъ больницы, гдѣ бь меня призрѣли...
 Говорять: наполнены биткомъ.
 Все народъ счастливый пріютился!
 Подъ открытымъ небомъ, какъ родился,
 И уснетъ бродяга вѣчнымъ сномъ.

Прокормиться думалъ я трудами;
 Я просилъ работы со слезами—
 Да просилъ не въ добрый, видно, часъ:
 Никуда бездомнаго не взяли!
 Изъ окошекъ кости мнѣ бросали,
 И, какъ песь, я ихъ глодалъ не разъ,
 Въ конурахъ, въ конюшняхъ засыпая —
 И бродяга старый, умирая,
 Богачи, не проклинаетъ васъ.

Воровать и грабить приходилось...
 Да на сердцѣ совѣсть шевелилась..
 А соблазнъ, соблазнъ со всѣхъ сторонъ!
 И пошелъ канючить, по дорогѣ.
 Попадая въ тюрьмы, да въ остроги....
 Двадцать разъ, никакъ, былъ заключенъ!
 Наглотался я казенной пищи!

Солнце всѣмъ сіяетъ; старый нищій

Даже солнца свѣтлаго лишень.

Развѣ есть отчизна у бездомныхъ?

Что мнѣ въ вашихъ фабрикахъ огромныхъ,

Въ тучныхъ нивахъ, въ блескѣ городовъ?

Въ пышныхъ храмахъ, въ важныхъ засѣданьяхъ,

Въ громкой славѣ вашей и собраньяхъ

Краснобаевъ вашихъ и льстецовъ?

А вашъ городъ занять былъ врагами—

Заливался глупыми слезами

Нищій, сытый — отъ руки враговъ.

Червь зловредный—я васъ беспокою?

Раздавите гадину ногою.

Что жалѣть—приплюсните скорѣй!

Отчего меня вы не учили?

Не дали исхода дикой силѣ:

Вышелъ бы изъ червя муравей—

Я бы умеръ, братьевъ обнимая....

А бродягой старымъ умирая,

Призываю мщенье на людей!

Лиза.

Не дорожа своей весною,
Вы мнѣ дарите свой расцвѣтъ;
Дитя мое, вѣдь надо мною
Лежить, какъ туча, сорокъ лѣтъ.
Въ былые дни отъ поцѣлуя
Простой швеи я счастливъ былъ....
Зачѣмъ любить васъ не могу я,
Какъ Лизу нѣкогда любилъ?
Въ каретѣ пара вороная
Васъ мчитъ въ нарядѣ дорогомъ,
А Лиза, юностью плѣняя,
Ходила, бѣдная, пѣшкомъ.

Къ ея глазамъ весь свѣтъ ревнуя,

За ними зорко я слѣдилъ...

Зачѣмъ любить васъ немогу я,

Какъ Лизу нѣкогда любилъ?

Здѣсь въ позлащенные карнизы

Громады высятся зеркаль;

Дрянное зеркальцо у Лизы

Я Грацій зеркаломъ считалъ;

Безъ занавѣсъ постель простую

Лучъ солнца утромъ золотилъ....

Зачѣмъ любить васъ не могу я,

Какъ Лизу нѣкогда любилъ?

Поэтамъ лучшія созданья

Вы взглядомъ можете внушать;

А Лиза—знаковъ препинанья,

Бѣдняжка, не могла понять;

Но богъ любви, ей грудь волнуя,

Любить безъ словъ ее училъ...

Зачѣмъ любить васъ не могу я,

Какъ Лизу нѣкогда любилъ?

Вы лучше Лизы, вы умнѣе,

Въ васъ даже больше доброты;

Она теряется, блѣднѣя

Въ сіяньи вашей красоты;
 Но къ ней влекли меня, чаруя,
 Мой юный жаръ, избытокъ силъ—
 И ужъ любить васъ не могу я,
 Какъ Лизу нѣкогда любилъ.

CERCLE RUSSE

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

Мое призваніе.

На произволь судьбы
Я брошенъ въ міръ, бездомный,
Отъ горя, отъ борьбы
Ничѣмъ не огражденный...
И на тяжелый вздохъ,
На первый ропотъ мой—
„Пой“—провѣщалъ мнѣ Богъ:
„Бѣдняжка, пой“

Мнѣ наглымъ блескомъ жжетъ
Глаза богачъ спесивый,
Гнететъ меня, гнететъ
Вельможа горделивый.

И злоба и порокъ
Кишатъ передо мной....

„Пой“ говорить мнѣ Богъ:

„Бѣдняжка, пой!“

Страшася злой нужды,
Я выбралъ жребій скромный
И выносилъ труды
Обязанности темной;
Въ оковахъ изнемогъ,
Измученный, больной...

„Пой!“ говорилъ мнѣ Богъ:

„Бѣдняжка, пой!“,

Любовь меня отъ зла
Когда-то охраняла,
Но молодость прошла
И съ ней любовь пропала;
Теперь—лежу у ногъ
Красавицы съ тоской....

„Пой!“ говорить мнѣ Богъ:

„Бѣдняжка, пой!“

Такъ въ пѣсняхъ золотыхъ
Я буду жить для свѣта—
И тотъ, кто любитъ ихъ,

Тотъ любить и поэта.

Сомкнись, друзей кружокъ

За чашей пировой—

Да возвѣститъ мнѣ Богъ:

„Бѣдяжка, пой!“

Сонъ бѣдняка.

Милый, проснись... Я съ дурными вѣстями:

Власти наѣхали въ наше село,

Требуютъ подати... время пришло...

Какъ разбужу его?... Что будетъ съ нами?

Встань, мой кормилецъ, родной мой, пора!

Подать въ селѣ собираютъ съ утра.

Ахъ! не къ добру ты заспался такъ долго...

Видишь, ужъ день... Все до нитки, чуть свѣтъ,

Въ домѣ сосѣда, на старости лѣтъ,

Взяли въ зачетъ неоплатнаго долга,

Встань, мой кормилецъ, родной мой, пора,

Подать въ селѣ собираютъ съ утра.

Слышишь: ворота, никакъ, заскрипѣли...

Онъ на дворѣ ужь...Проси у него

Сроку хоть мѣсяцъ...Хоть мѣсяцъ всего...

Ахъ! Еслибъ ждать эти люди умѣли!...

Встань, мой кормилецъ, родной мой, пора!

Подать въ селѣ собираютъ съ утра.

Бѣдные, бѣдные! Весь нашъ излишекъ—

Мужа лопата да прялка жены;

Жить ими, подать платить мы должны

И прокормить шестерыхъ ребятишекъ.

Встань, мой кормилецъ, родной мой, пора!

Подать въ селѣ собираютъ съ утра.

Нѣтъ ничего у насъ. Раньше все взято...

Даже съ кормилицы нивы родной,

Вспаханной горькою нашей нуждой,

Собранъ весь хлѣбъ для корысти проклятой.

Встань, мой кормилецъ, родной мой, пора!

Подать въ селѣ собираютъ съ утра.

Вѣчно работа и вѣчно невзгода!

Съ голоду еле стоишь на ногахъ...

Все что намъ нужно, все дорого-страхъ!

Самая соль — этотъ сахаръ народа.

Встань, мой кормилецъ, родной мой, пора!

Подать въ селѣ собирають съ утра.

Выпилъ бы ты... да отъ пошлыны тяжкой

Бѣднымъ и въ праздникъ нельзя пить вина...

На, вотъ кольцо обручальное — на!

Сбуди за безцѣнокъ... и выпей бѣдняжка!

Встань, мой кормилецъ, родной мой, пора!

Подать въ селѣ собирають съ утра.

Спишь ты... Во снѣ твоёмъ, можетъ быть, свыше

Счастье, богатство послалъ тебѣ Богъ...

Будь мы богаты — такъ что намъ налогъ?

Въ полномъ амбарѣ двѣ лишнія мыши.

Встань, мой кормилецъ, родной мой, пора!

Подать въ селѣ собирають съ утра.

Господи! Входить!... Но ты... безъ участя

Смотришь... ты блѣденъ... какъ страшенъ твой взоръ!

Боже! не даромъ стоналъ онъ вечеръ!

Онъ не стоналъ вѣкъ весь свой отъ несчастья!

Встань, мой кормилецъ, родной мой, пора!

Подать въ селѣ собирають съ утра.

Бѣдная! Спитъ онъ — и сонъ его кротокъ...

Смерть для того, кто нуждой удрученъ —

Первый спокойный и радостный сонъ.

Братья, молитесь за мать и сиротокъ.

Встань, мой кормилецъ, родной мой, пора!

Подать въ селѣ собираютъ съ утра.

Умѣренность.

Чтобы не знать отравы просыщенья,

Друзья мои, примите мой совѣтъ:

Умѣренно вкушайте наслажденья;

Гдѣ крайности—тамъ наслажденья нѣтъ.

Отъ благъ мірскихъ мы здѣсь не оберемся:

Вино, друзья и трезвыя слова!...

Чтобъ ихъ продлить, друзья мои, сперва

По рюмочкѣ, по рюмочкѣ пройдемся.

Мы весело свой вѣкъ должны прожить,

Но тратиться нельзя неосторожно;

И главное: не должно пьянымъ быть,

А на веселѣ, на веселѣ можно....

Съ похмѣлья намъ—не красенъ Божій свѣтъ,
Мы на людей, на жизнь глядимъ сурово.
Въ излишествѣ—здоровью страшный вредъ;
По рюмочкѣ, по рюмочкѣ—здорово.

Одни глупцы, постыдно унывая,
Отъ неудачъ, какъ воду, слезы льютъ.
Пусть мы бѣдны! Надежда золотая
И въ рюмочкѣ найдетъ себѣ пріютъ.
Богатые! Раздолья мѣру знайте;
Пусть доля вамъ блестящая дана;
Чтобъ не забыть свой долгъ въ парахъ вина—
По рюмочкѣ, по рюмочкѣ глотайте.

— По рюмочкѣ, по рюмочкѣ! Ну такъ!

Нахмурилась и дуется Жаннета:

И передъ ней рисуется бѣднякъ,
За рюмочкой сидящій до разсвѣта.

— Ахъ! милый другъ! Огонь въ твоей крови;

Накинешься—какъ разъ его потушишь!

Но воздержись—и лучшій сокъ любви

По рюмочкѣ, по рюмочкѣ осушишь!

Такъ, рюмочку за рюмочкой глотая,

Мы весело путь жизненный пройдемъ,

И весело припомнимъ, умирая,
 Что мы всегда дурачились съ умомъ.
 Отъ благъ мірскихъ до смерти не отстанемъ
 Вино, любовь, здоровье намъ дано:
 И мы любовь, здоровье и вино
 По рюмочкѣ, по рюмочкѣ протянемъ.

Песенки

О! Боже! Визу презо мною
 Красавица молодая добрая,
 (Видъ мой красавица вѣдомъ)
 А я... это хлѣбъ... и старая.
 Свои раны зугоры ихъ дѣлаю—
 Не спешите въ рѣзвость жавор.
 Чего жъ дѣлать—будемъ разубави.
 Идите, дѣвушки, домой.

Вотъ Зоя, пошла кататься.
 Ахъ! какъ же она, была, была.
 Расскажетъ вамъ: въ чашѣ сроданія
 Меня слушаютъ въ ей хлѣбъ.

Дѣвушки.

О! Боже! Вижу предо мною
Красавицъ молодыхъ цвѣтникъ.
(Вѣдь всѣ красавицы весною!)
А я...что дѣлать?...Я старикъ.
Сто разъ пугаю ихъ лѣтами—
Не внемлютъ въ рѣзвости живой...
Чтожъ дѣлать—будемъ мудрецами.

Идите, дѣвушки, домой.

Вотъ Зоя, полная вниманья.

Ахъ! между нами, ваша мать

Разскажетъ вамъ: въ часы свиданья

Меня случалось ли ей ждать.

„Кто любить вмѣру—любить мало“

Вотъ былъ девизъ ея простой.

Она и вамъ такъ завѣщала.

Идите, дѣвушки, домой.

Отъ вашей бабушки... краснѣю...

Урокъ любви я взялъ, Адель...

Хоть я и мальчикъ передъ нею,

Она даетъ ихъ и досель.

На сельскомъ праздникѣ стыдливо

Держитесь лучше предо мной:

Вѣдь ваша бабушка ревнива.

Идите, дѣвушки, домой.

Вы улыбаетесь мнѣ, Лора,

Но... правда ль?... ночью, говорятъ,

Въ окошко вы спустили вора,

И этотъ воръ былъ свѣтскій фатъ.

А днемъ, во что бы то ни стало,

Вы мужа ищите съ тоской...

Я слишкомъ юнъ для васъ, пожалуй.

Идите, дѣвушки, домой.

Идите, вамъ заботы мало,

Огонь любви волнуетъ васъ.

Но чуръ! Чтобъ искры не упало

На старика въ недобрый часъ.
 Пусть зданье ветхое предъ вами,
 Но въ немъ былъ складъ пороховой—
 Такъ придержавъ огонь руками,
 Идите, дѣвушки, домой.

Тринадцать за столомъ,

Тринадцать насъ—и соль передо мною
Просыпана за праздничнымъ столомъ...
Дурной примѣтой, цыфрой роковою
Смущенные, мы смерть на праздникъ ждемъ.
И вотъ, вошла: духъ, фея иль богиня, —
Но молода, прекрасна и стройна....
Привѣтъ тебѣ, незваная! Отнынѣ,
Друзья, мнѣ смерть нисколько не страшна!

Вѣнчанное душистыми цвѣтами,
Чело ея горитъ сіяньемъ дня;
Она гремитъ разбитыми цѣпями:
На грудь ея головку наклона,

Въ рукахъ ея лежитъ малютка спящій....

Друзья мои, налейте мнѣ вина!

Я слышу голосъ ласково-звучащій....

Друзья, мнѣ смерть нисколько не страшна!

„За что меня боитесь вы—не знаю:

Я неба дочь; чѣмъ страшень образъ мой?

Я узнику свободу возвращаю

Съ Надеждою, моей родной сестрой.

Безъ крыльевъ здѣсь, на долгія томленья,

Душа твоя судьбой обречена—

Я возвращу ей крылья для паренья....“

Друзья, мнѣ смерть нисколько не страшна!

„Предстану я—и міръ почувавъ новый,

Твой смѣлый духъ обрящетъ свой полетъ,

И тлѣнныя расторгнувши оковы,

Превыше звѣздъ, въ предѣлѣ любви вспорхнетъ.

Теперь вкушай земное наслажденье:

Вамъ на любовь, на радость жизнь дана,

Какъ свѣтлое предъ утромъ сновидѣнье...“

Друзья, мнѣ смерть нисколько не страшна!

Мой призракъ скрылся, безъ слѣда, безъ шума....

И песъ дворовый жалобно завылъ....

Друзья, зачѣмъ мучительная дума!

Не убоимся холода могилъ!
Пусть къ пристани послѣдней увлекаетъ
Любой челнокъ всеильная волна—
Тринадцать насъ: насъ Божій персть считаетъ;
Друзья, мнѣ смерть нисколько не страшна!

ДѢВЧКѢ-ПОЭТУ.

Бросить куклы для стиховъ

На разсвѣтъ!

Другъ мой, музы и любовь—

Тѣ же дѣти....

На тебѣ ихъ нѣжный слѣдъ—

Взглядъ мой зорекъ...

Но тебѣ двѣнадцать лѣтъ—

Мнѣ ужъ сорокъ.

Мы для пѣсень рождены,

Для забавы....

Но слезой орошены

Лавры славы.

Мнѣ любви весенній цвѣтъ

Только дорогъ;

Но тебѣ двѣнадцать лѣтъ—

Мнѣ ужь сорокъ.

Вольной птичкою порхай

За мечтою,

Послѣ съ пѣснями прельщай

Красотою.

Какъ тогда мнѣ твой привѣтъ

Былъ бы дорогъ!

Но тебѣ двѣнадцать лѣтъ—

Мнѣ ужь сорокъ.

Вдохновить тебя другой—

И моложе,

И красивѣе —со мной

Станешь строже...

Твой двадцатый только годъ

Буду пѣть я—

Мнѣ, дитя мое, пробьетъ

Полстолѣтья....

CERCLE RUSS

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

Нищяя.

Снѣгъ валить. Тучами заволокло все небо.

Спѣшить народъ изъ церкви по домамъ.

А тамъ, на паперти, въ лохмотьяхъ, просить хлѣба

Старушка у людей, глухихъ къ ея мольбамъ.

Ужъ сколько лѣтъ сюда, едва переступая,

Одна, и въ лѣтній зной, и въ холодъ зимнихъ дней,

Плетется каждый день несчастная—слѣпая...

Подайте милостыню ей!

Кто могъ бы въ ней узнать, въ униженной, согбенной,

Въ морщинахъ желтаго, изсохшаго лица,

Пѣвицу, бывшую когда то примадонной,

Владѣвшей тайною обворожать сердца.

Въ то время молодежь, вся, угадавъ сердцами
Звукъ голоса ея и взглядъ ея очей,
Ей лучшими была обязана мечтами.

Подайте милостыню ей!

Въ то время экипажъ, пѣвицу уносившій
Съ арены торжества въ сіяющій чертогъ,
Отъ натиска толпы ее боготворившей
На бѣшенныхъ коняхъ едва проѣхать могъ.
А ужъ влюбленные въ ея роскошной залѣ,
Сгарая ревностью и страстью все сильнѣй,
Какъ солнца свѣтлаго ея пріѣзда ждали.

Подайте милостыню ей!

Картины, статуи, увитыя цвѣтами,
Блескъ бронзы, хрусталей сверкающая грань...
Искусства и любовь платили въ этомъ храмѣ
Искусству и любви заслуженную дань.
Поэтъ въ стихахъ своихъ, художникъ въ очертаньяхъ,
Всѣ славили весну ея счастливыхъ дней...
Вьютъ гнѣзда ласточки на всѣхъ высокихъ зданьяхъ...

Подайте милостыню ей!

Средь жизни праздничной и щедро-безразсудной,
Вдругъ тяжкая болѣзнь, съ ужасной быстротой,

Лишивши зрѣнія, отнявши голосъ чудный,
Оставила ее съ протянутой рукой.
Нѣтъ! не было руки, которая бъ умѣла
Счастливить золотомъ сердечнѣй и добрѣй,
Какъ эта—мѣдный грошъ просящая несмѣло...
Подайте милостыню ей!

Ночь непроглядная смѣняетъ день короткій...
Снѣгъ, вѣтеръ все сильнѣй...Безсильна, голодна,
Отъ холода едва перебираетъ четки...
Ахъ! думала ли ихъ перебирать она!
Для пропитанья ей немного нужно хлѣба.
Для сердца нѣжнаго любовь всего нужнѣй.
Чтобъ вѣровать она могла въ людей и небо,
Подайте милосытню ей!

Соловьи.

Ночь нависла тяжелою тучей
Надъ столицей веселья и слезъ;
Съ вѣчной страстью и пѣснью могучей
Вы проснулись, любовники розъ!
Сердце мыслить въ минуты покоя;
О, какъ счастливъ, въ комъ бодрствуетъ духъ!
Мнѣ понятно молчанье ночное:
Соловьи, услаждайте мой слухъ.

Отъ чертоговъ, гдѣ царствуетъ Фрина,
Улетайте влюбленные, прочь:
Заповѣдныя, льются тамъ вина
Съ новой клятвою каждую ночь;

Хоть не разъ испытало потерю
 Это сердце, сжимаясь отъ мукъ,
 Въ правду чувства я все еще вѣрю....
 Соловьи, услаждайте мой слухъ.

Вотъ чертоги тельца золотого:
 Не заpaste вашимъ пѣснямъ туда!
 Очерствѣлому сердцу скупого
 Благодать этихъ пѣсенъ чужда.
 Если ночь надъ богатымъ витаетъ,
 Принося къ каждому звукъ испугъ—
 Въ бѣдный уголь мой муза влетаетъ.
 Соловьи, услаждайте мой слухъ.

Улетайте далеко, далеко
 Отъ рабовъ, къ вашимъ пѣснямъ глухихъ,
 Заковавшихся съ цѣлью жестокой,
 Заковать въ тѣ же цѣпи другихъ.
 Пусть поетъ гимны лести голодной
 Хоръ корыстью измученныхъ слугъ —
 Я, какъ вы, распѣваю свободно....
 Соловьи, услаждайте мой слухъ.

Громче, громче доносятся трели....
 Соловьи, вы не любите злыхъ:

Ароматы весны долетѣли
Въ вашихъ пѣсняхъ ко мнѣ золотыхъ.
Въ моемъ сердцѣ вселилась природа,
Отъ восторга трепещетъ мой духъ....
Ахъ, когда бы всю ночь до восхода
Соловьи улаждали мой слухъ!

Парки.

Вѣдай, глупый и учоный:
Бахусъ подвигъ совершилъ —
Весь свой погребъ перелилъ
Въ кубокъ Паркъ широкодонный.
Онъ амурамъ, какъ друзьямъ,
Удружилъ. Хоръ Вакха славить:
Каждый смертный пусть прибавить
Дней счастливыхъ къ яснымъ днямъ!
Врагъ людей, Атропо злая
Такъ упилася виномъ,
Что уснула подъ столомъ,
Смерти ножницы бросая.

Трусить нечего людямъ—

Прясть Лахеза не оставить.

Каждый смертный пусть прибавитъ

Дней счастливыхъ къ яснымъ днямъ!

Выпивъ новаго напитка,

Такъ Лахеза говоритъ:

Хорошо! Атропо спать.

Но тонка сухая нитка.

Этотъ нектаръ, данный намъ,

Нитку смочить и расправить.

Каждый смертный пусть прибавитъ

Дней счастливыхъ къ яснымъ днямъ!

Клоа, выпивши немножко,

За своимъ веретеномъ,

Щедро вспрыснула виномъ

Надъ вертящейся дорожкой,—

И всѣ нити, всѣмъ дѣтямъ,

Къ наслажденью въ жизни править.

Каждый смертный пусть прибавитъ,

Дней счастливыхъ къ яснымъ днямъ!

За виномъ двѣ Парки людямъ

Жизни нить, смѣясь, прядутъ.

Мы же весело пьемъ тутъ.
Чуръ! Атропо не разбудимъ.
Пусть любовь къ ея дверямъ
Наслажденьемъ ходъ заставить.
Каждый смертный пусть прибавить
Дней счастливыхъ къ яснымъ днямъ!

Старый капралъ.

Въ ногу, ребята, идите:

Полно, не вѣшать ружья!

Трубка со мной.... проводите

Въ отпускъ безсрочный меня.

Я былъ отцомъ вамъ, ребята....

Вся въ сѣдинахъ голова....

Вотъ она—служба солдата!...

Въ ногу, ребята! Разъ! Два!

Грудью подайся!

Не хнычь, ровняйся!...

Разъ! Два! Разъ! Два!

Да, я прибилъ офицера.

Молодъ еще оскорблять
 Старыхъ солдатъ. Для примѣра
 Должно меня разстрѣлять.
 Выпилъ я.... Кровь заиграла....
 Дерзкія слышу слова—
 Тѣнь Императора встала....
 Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
 Грудью подайся!
 Не хнычь, ровняйся!
 Разъ! Два! Разъ! Два!
 Братцы! Солдатскіе годы,
 Служба—въ рукахъ у судьбы....
 Помню я наши походы,
 Время великой борьбы.
 Эхъ! наша слава пропала....
 Подвиговъ нашихъ молва
 Сказкой казарменной стала....
 Въ ногу, ребята! Разъ! Два!
 Грудью подайся!
 Не хнычь, ровняйся!...
 Разъ! Два! Разъ! Два!
 Ты, землячокъ, поскорѣе
 Къ нашимъ стадамъ воротись

Нивы у насъ зеленѣе,

Легче дышать... поклонись

Храмамъ селенья роднова....

Боже! Старуха жива!...

Не говори ей ни слова....

Въ ногу, ребята! Разъ! Два!

Грудью подайся!

Не хнычь, ровняйся!

Разъ! Два! Разъ! Два!

Кто тамъ такъ громко рыдаетъ?

А! я ее узнаю....

Русскій походъ вспоминаетъ....

Да, отогрѣлъ всю семью....

Снѣжной, тяжелой дорогой

Несъ ея сына.... Вдова

Вымолить миръ мнѣ у Бога....

Въ ногу, ребята! Разъ! Два!

Грудью подайся!

Не хнычь, ровняйся!...

Разъ! Два! Разъ! Два!

Трубка, никакъ, догорѣла?

Нѣтъ, затянусь еще разъ.

Близко, ребята. За дѣло!

Прочь! не завязывать глазъ.

Цѣлься вѣрнѣе! Не гнуться!

Слушать команды слова.

Дай Богъ домой вамъ вернуться.

Въ ногу, ребята! Разъ! Два!

Грудью подайся!...

Не хнычь, ровняйся!...

Разъ! Два! Разъ! Два!

Время.

Съ милою сѣдя, себя я считалъ
Равнымъ въ блаженствѣ съ богами,
Вдругъ—слышимъ тяжело-звучащій металлъ....
Смотримъ—Сатурнъ передъ нами.
Спрятавъ лицо у меня на груди,
Вся поблѣднѣвшая вмигъ,
Милая вскрикнула: „сжался, старикъ!
„Нашу любовь пощади“

Слѣдъ его ногъ былъ отмѣченъ кругомъ
Пылью минувшихъ столѣтій;
Передъ изрытымъ вѣками челомъ
Мы присмирѣли, какъ дѣти,

Смутно почуя бѣду впереди;

Въ сердце намъ холодъ проникъ....

Милая вскрикнула: „сжался, старикъ!

„Нашу любовь пощади!“

„Я ничего на землѣ не щажу,

„Къ небу пощады не знаю;

„Вѣчный старикъ, я свой путь прохожу,

„Смерть за собой оставляю.

„Гдѣ ваши дни, ваши годы? Гляди—

„Все ваше прошлое—мигъ!“

Милая вскрикнула: „сжался, старикъ!

„Нашу любовь пощади!“

„Кости народовъ, въ далекихъ вѣкахъ

„Въ вашихъ сказаньяхъ гремѣвшихъ,

Въ общей могилѣ покрылъ уже прахъ

Новыхъ народовъ истлѣвшихъ.

„Вѣчною тьмою я въ звѣзды, среди

„Круговращенья, проникъ....“

Милая вскрикнула: „сжался, старикъ!

„Нашу любовь пощади!“

„Но наслажденье—защита людей:

„Зрѣютъ все новые всходы

„И разрастается выше, пышнѣй

„Мощное древо Природы.

„Солнце живить, освѣжаютъ дожди,

„Смерти чуть слышится кликъ....“

Милая вскрикнула: „сжался, старикъ!

„Нашу любовь пощади!“

Старецъ исчезъ и готовы, рѣзвась,

Съ нимъ улетѣть наслажденья

И улета, баюкаютъ насъ

Въ сладкой дремотѣ забвенья;

Но сердце бьется и хочетъ любить—

Живъ я, покуда люблю,—

И старика, вмѣстѣ съ милой, молю

Нашу любовь пощадить.

Портной и волшебница.

Въ Парижѣ, нищетой и роскошью богатомъ,
Жилъ нѣкогда портной, мой бѣдный старый дѣдъ:
У дѣда, въ тысячу-семсотъ-восемидесятомъ
Году, впервые я увидѣлъ бѣлый свѣтъ.
Орфея колыбель моя не предвѣщала:
Въ ней не было цвѣтовъ!.. Вбѣжавъ на дѣтскій крикъ,
Безмолвно отступилъ смутившійся старикъ:
Волшебница въ рукахъ меня держала...

И умирало ласковое пѣнье
Мой первый крикъ и первое смятенье.

Въ смущеніи дѣдушка спросилъ ее тогда:

„Скажи, какой удѣлъ ребенка въ этомъ мірѣ?“

Она въ отвѣтъ ему: „Мой жезлъ надъ нимъ всегда ;

Смотри: вотъ мальчикомъ онъ бѣгаетъ въ трактирѣ,

Вотъ въ типографіи, въ конторѣ онъ сидитъ...
 Но, чу! Надъ нимъ ударъ проносится громовой *)
 Еще въ младенчествѣ... Онъ для борьбы суровой
 Рожденъ... но Богъ его для родины хранить..."

И умирало ласковое пѣнье

Мой первый крикъ и первое смятенъе.

„Но вотъ пришла пора: на лирѣ наслажденья

Любовь и молодость онъ весело поетъ;

Подъ кровлю бѣднаго онъ вноситъ примиренье,

Унынью богача забвенъе онъ даетъ.

И вдругъ погибло все: свобода, слава, геній!

И пѣснь его звучитъ народною тоской...

Такъ въ пристани рыбакъ разсказъ своихъ крушеній

Передаеть толпѣ, испуганной грозой..."

И умирало ласковое пѣнье

Мой первый крикъ и первое смятенъе.

„Все пѣсни будетъ пѣть! Немного въ этомъ толку!"

Сказаль, задумавшись, мой дѣдушка-портной:

*) Беранже дѣйствительно пораженъ былъ громовымъ ударомъ въ дѣтствѣ, въ домѣ своей тетки, содержавшей загородную гостинницу въ Пероннѣ, при чемъ выказаль замѣчательное присутствіе духа.

Ужъ лучше день и ночь держать въ рукахъ иголку,
Чѣмъ безъ слѣда пропасть, какъ эхо, звукъ пустой...“
— „Но этотъ звукъ пустой — народное сознанье!“
Въ отвѣтъ волшебница: „онъ будетъ пѣть грозу
И нищій въ хижинѣ, и сосланный въ изгнаньѣ
Надъ пѣснями прольютъ отрадную слезу...“

И умирало ласковое пѣнье
Мой первый крикъ и первое смятенье.

Вчера моей душой унынье овладѣло,
И вдругъ глазамъ моимъ предсталъ знакомый ликъ.
„Въ твоёмъ вѣнкѣ цвѣтовъ не много уцѣлѣло“,
Сказала мнѣ она: „ты самъ теперь старикъ.
Какъ путнику миражъ является въ пустынѣ,
Такъ память о быломъ отрада стариковъ.
Смотри, твои друзья къ тебѣ собрались нынѣ —
Ты не умрешь для нихъ и будущихъ вѣковъ...“

И умирило ласковое пѣнье,
Какъ нѣкогда, души моей смятенье.

ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ БЕРАНЖЕ

(изъ посмертнаго изданія).

ПОСЛАНИЕ ПЕРВОЕ КЪ СЛАВЯНОМЪ

(къ славянофилу)

НѢтъ больше пѣсенъ.

НѢтъ больше пѣсенъ—нѢтъ! Къ чему стремленье?

Отъ старика искусство прочь бѣжить.

У новичка моложе вдохновенье

И бойкій стихъ онъ ловче закруглить.

Когда съ душой своей предъ небесами

Я говорю одинъ въ тиши лѣсовъ,

Мнѣ вторить эхо прозой, не стихами—

Богъ не даетъ мнѣ болѣе стиховъ.

Богъ не даетъ! Какъ осенью суровой

Поселянинъ въ свой темный садъ придетъ,

И дерево сто разъ осмотритъ снова:

Авось на немъ виситъ забытый плодъ;

Такъ я ищу, такъ я тревожусь нынѣ—
 Но дерево мертво отъ холодовъ....
 О сколькихъ нѣтъ плодовъ въ моей корзинѣ!
 Богъ не даетъ мнѣ болѣе стиховъ.

Богъ не даетъ! Но все въ душѣ тревога;
 Тебя, народъ, запуганный въ борьбѣ
 Поднять хочу и слышу голосъ Бога:
 Народъ, проснись! Вѣнецъ готовъ тебѣ.
 Когда жъ въ душѣ почувствовавъ отвагу,
 Я пѣть хочу—и сбросивъ гнетъ годовъ,
 Народъ-Дофинъ! вести тебя ко благу—
 Богъ не даетъ мнѣ болѣе стиховъ.

Веселость.

Моя веселость улетѣла!

О, кто бѣглянку возвратитъ

Моей душѣ осиротѣлой —

Господь того благословитъ!

*) Это стихотвореніе и «Сверчокъ» были напечатаны въ числѣ десяти новыхъ пѣсенъ Беранже, изданія 1856 года, выбранныхъ авторамъ изъ сборника, долженствовавшаго появиться послѣ его смерти и вышедшаго въ свѣтъ въ 1857 году. Въ нихъ чуть ли не впервые проявляется чувство меланхоліи, намекающее уже на новый строй мыслей, окончательно выразившійся въ посмертномъ сборникѣ. Съ 1833 года Беранже ничего не печаталъ, кромѣ, какъ уже объяснено выше, десяти пѣсенъ для послѣдняго, полного изданія при его жизни. Разницу между пѣснями до 1833 года и позднѣйшими читатели сами замѣтятъ.— Беранже до конца жизни оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, и въ самыхъ послѣднихъ его пѣсняхъ видѣнъ великій поэтъ ко-

Старикъ, невѣрною забытый,
 Сижу въ пустынномъ уголкѣ
 Одинъ— и дверь моя открыта
 Бродящей по свѣту тоскѣ....
 Зовите бѣглую домой,
 Зовите пѣсни пѣть со мной!

Она бы, рѣзвая, ходила
 За старикомъ, и въ смертный часъ
 Она глаза бы мнѣ закрыла:
 Я просвѣтлѣлъ бы--и угасъ!
 Ея примѣты всѣмъ извѣстны;
 За взглядъ ея, когда бъ я могъ,
 Я бъ отдалъ славы лучъ небесный.....
 Ко мнѣ ее, въ мой уголокъ!
 Зовите бѣглую домой.

торый всегда былъ такъ дорогъ Франціи, но старость имѣть свои права и отъ шестидесятилѣтняго старца нельзя требовать веселости и того бойкаго огня добродушной ироніи и сердечной теплоты, которыя такъ неотразимо дѣйствовали на массу въ пѣсняхъ лучшаго періода его дѣятельности. Относясь къ послѣдней порѣ дѣятельности поэта, стихотвореніе «Прощаніе» и «Прости» стройно и всецѣло замыкаютъ собою эту благородную сорокалѣтнюю дѣятельность, въ которой ни одно слово, ни одинъ намекъ не оскорбятъ и не разочаруютъ самыхъ восторженныхъ почитателей его генія. Выказаться такъ полно и независимо-прекрасно удастся немногимъ писателямъ. Съ 1851 года Беранже не писалъ ничего; по крайней мѣрѣ, во Франціи ничего не издано печатно.

Зовите пѣсни пѣть со мной!

Ея припѣвы были новы,

Смиряли горе и вражду;

Ихъ узникъ пѣлъ, забывъ оковы,

Ихъ пѣлъ бѣднякъ, забывъ нужду.

Она, моря переплывая,

Всегда свободна и смѣла,

Далеко отъ роднаго края

Надежду ссыльному несла.

Зовите бѣглую домой,

Зовите пѣсни пѣть со мной!

„Зачѣмъ хотите мракъ сомнѣній

Внушать довѣрчивымъ сердцамъ?

Служить добру обязанъ геній“ —

Она совѣтуетъ пѣвцамъ;

„Онъ, какъ маякъ, средь бурь манящій

Вѣтрила зоркихъ кораблей;

Я червячокъ, въ ночи блестящій,

Но эта ночь при мнѣ свѣтлѣй“!

Зовите бѣглую домой,

Зовите пѣсни пѣть со мной!

Она богатства презирала

И, оживляя кругъ друзей,

Порой лукаво разсуждала,
 Порой смѣялась безъ затѣй.
 Мы ей безпечно предавались,
 До слезъ смѣялись всею кружкой.
 Умчался смѣхъ — въ глазахъ остались
 Одины лишь слезы о быломъ....
 Зовите бѣглую домой,
 Зовите пѣсни пѣть со мной!

Она восторгъ и страсти пламя
 Въ сердцахъ вселяла молодыхъ;
 Безумцы были между нами,
 Но не было межъ нами злыхъ.
 Педанты къ рѣзвой были строги.
 Бывало, взглядъ ея одинъ —
 И мысль сверкнетъ безъ важной тоги,
 И мудрость взглянетъ безъ морщинъ....
 Зовите бѣглую домой,
 Зовите пѣсни пѣть со мной!

„ Но, мы, мы славу изгоняя,
 Боговъ изъ золота творимъ!“
 Тебя, веселость, призывая,
 Я не хочу повѣрить злымъ.
 Безъ твоего живаго взгляда

Нѣмѣть голосъ....умъ бѣжить....

И догорѣвшая лампада

Въ могильномъ сумракѣ дрожить.....

Зовите бѣглую домой,

Зовите пѣсни пѣть со мной!

CERCLE RUSS

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

Сверчокъ.

Въ уголку, у комелька,
Гдѣ мечтаю я бесплодно,
Другъ домашній, пой свободно
Подъ напѣвы старика.

Другъ сверчокъ, въ углу, вдвоемъ,
Позабудемъ обо всемъ.

Одинаковъ нашъ удѣлъ:

Надъ тобой трунять ребята;
Я работника, солдата
Услаждалъ, когда я пѣлъ.

Другъ сверчокъ, въ углу, вдвоемъ,

Позабудемъ обо всемъ.

Но боюсь, не духъ-ли злой

Скрытъ въ тебѣ, мой другъ домашній,

Чтобъ остатокъ старыхъ шашней

Подсмотрѣть подъ сѣдиной?

Другъ сверчокъ, въ углу, вдвоемъ,

Позабудемъ обо всемъ.

Или феей съ облаковъ

Ты подосланъ, съ повелѣньемъ

Разузнать, какимъ стремленьемъ

Бьется сердце стариковъ?

Другъ сверчокъ, въ углу, вдвоемъ,

Позабудемъ обо всемъ.

Или скрытъ въ моемъ сверчкѣ

Бѣдный труженикъ, который

Дымомъ славы тѣшилъ взоры—

И погибъ на чердакѣ?

Другъ сверчокъ, въ углу, вдвоемъ,

Позабудемъ обо всемъ.

Всѣмъ, тщеславіемъ влекомымъ,

Нуженъ онъ, хвалебный чадъ...

Боже! дай имъ что хотятъ—
Славы бѣднымъ насѣкомымъ....

Другъ сверчокъ, въ углу, вдвоемъ,
Позабудемъ обо всемъ.

Цѣль страданій, цѣль трудовъ!
Мудрый—выше цѣли этой.
Счастливъ тотъ, кто спасъ отъ свѣта
Вѣру, пѣсни и любовь.

Другъ сверчокъ, въ углу, вдвоемъ,
Позабудемъ обо всемъ!

Славу зависть сторожить.
И—война любимцамъ славы!
Въ мірѣ тѣсно; люди правы:
Каждый мѣстомъ дорожить.

Другъ сверчокъ, въ углу, вдвоемъ,
Позабудемъ обо всемъ.

Пусть тревожный духъ уйметъ
Эта истина простая:
Знаменитость, вырастая,
Независимость гнететъ.

Другъ сверчокъ, въ углу, вдвоемъ,
Позабудемъ обо всемъ.

Будемъ пѣсни пѣть свои—
 Ты за печкой, я на стулѣ—
 И дай Богъ, чтобъ мы уснули,
 Позабытые людьми.

Другъ сверчокъ, въ углу, вдвоемъ,
 Позабудемъ обо всемъ.

Гусаръ.

Лиза, выйдемъ за ворота!

Выходи скорѣй, сестра!

Посмотри: гусаровъ рота.

Трубы, сабли, кивера!

Все красавцы — да какіе!

Сколько слезъ, поди, объ нихъ....

Нѣтъ, мы, дѣвушки простыя,

Не найдемъ мужей такихъ.

Вышла дѣвушка-красотка —

Подлетѣлъ гусаръ лихой.

— Вотъ, товарищи, находка,

Вотъ цвѣточекъ полевой!

Сердце выдержать не можетъ:

Черезъ годъ на ней женюсь,

Если пуля не уложитъ,

Или въ плѣнь не попадусь.

Слово, вырвавшись, забылось

Чуть деревня назади....

Лиза слышала — забилося

Сердце въ дѣвичьей груди.

Сонъ летитъ отъ глазъ влюбленной,

И всѣ ночи на пролетъ,

Цѣлый годъ, передъ иконой,

Лиза молится — и ждетъ.

Срокъ насталъ — заря сверкаетъ,

Глазки дѣвушки горятъ,

Сердце бьется, надѣваетъ

Лиза праздничный нарядъ,

Лиза ждетъ — не онъ ли скачетъ —

Лиза слушаетъ... дрожить....

Полночь било. — Лиза плачетъ....

— Бѣдный, умеръ! говорить.

Пороки.

(1843—1844)

Старикъ шестидесяти лѣтъ
Царь надъ мятежными страстями,
Но мнѣ милѣй весенній цвѣтъ
Съ его роскошными цѣпами.
О, если бѣ мнѣ, въ мой уголокъ,
Хотя бѣ какойнибудь порокъ!

Мнѣ эти цѣпи не чужды;
Спасибо имъ — въ дни увлеченья
Я вырвалъ изъ когтей нужды
Минуты счастья и забвенья.
О, если бѣ мнѣ, въ мой уголокъ,
Хотя бѣ какойнибудь порокъ!

Въ златые дни счастливыхъ сновъ
 Насъ юность къ небу устремляла —
 Въ обманѣ чувственномъ пировъ
 Или на крыльяхъ идеала..
 О, если бѣ мнѣ, въ мой уголокъ,
 Хотя бѣ какойнибудь порокъ!

Права у старости свои:
 Теперь на пиршествѣ съ друзьями
 На призывъ рѣзваго Аи
 Не отзываюсь я стихами.
 О, если бѣ мнѣ, въ мой уголокъ,
 Хотя бѣ какойнибудь порокъ!

Гризетокъ въ танцахъ огневыхъ
 Вся прелесть для меня поблекла;
 Я не протру, чтобъ видѣть ихъ
 Своихъ очковъ нѣмья стекла.
 О, если бѣ мнѣ, въ мой уголокъ,
 Хотя бѣ какойнибудь порокъ!

Мой смѣхъ запальчивъ былъ — и вотъ
 Пора приходитъ исправляться...
 Надъ міромъ плакать долженъ тотъ,
 Кто ужъ колеблется смѣяться.

О, если бѣ мнѣ въ мой уголокъ

Хотя бѣ какой нибудь порокъ!

Лукавый грѣхъ счастливыхъ дней:

Что слава, въ блескъ нестерпимомъ,

Мнѣ повелить идти за ней —

А я скажу: ступайте мимо!

О, если бѣ мнѣ, въ мой уголокъ,

Хотя бѣ какой нибудь порокъ!

Рокъ добродѣтелей цвѣты

Во мнѣ взростилъ — но тѣмъ же рокомъ

У старца ноги отняты,

Чтобы вернуться за порокомъ.

О, если бѣ мнѣ, въ мой уголокъ,

Хотя бѣ какой нибудь порокъ.

Розань.

(1843—1844)

Ты въ вазѣ хрустальной—ты въ роскошь попалъ!

Мнѣ жаль тебя, розань душистый.

Богатый, огнями сверкающій залъ

Исполненъ заразы нечистой.

Въ немъ ладанъ клеветъ и продажныхъ похвалъ

Чернить твой вѣнецъ серебристый.

Мнѣ жаль тебя, розань душистый!

Отъ почвы родимой отторгнуть и смять,

Ты золотомъ купленъ всевластнымъ.

Тщеславія жертва—весны ароматъ,

Съ разцвѣтомъ, какъ молодость, яснымъ.

Служи богачу, какъ кумиру кадятъ
 Жрецы величаньемъ согласнымъ.
 Ты золотомъ купленъ всевластнымъ!

При радужномъ блескѣ несмѣтныхъ огней,
 Увянешь ты, солнца лишенный.

Отжившій богачъ довременныхъ смертей
 Не видитъ душой утомленной....

Бѣдняжка, красою поблекшей твоей
 Не тронется взоръ его сонный —
 Увянешь ты, солнца лишенный!

Съ толпою безличной поэтъ молодой,
 Въ волшебномъ сверкающемъ залѣ,
 Прошелъ, благородной склонясь головой
 Предъ силой, сокрытой въ металлѣ.
 И въ гордой душѣ безобразной мечтой
 Корысть и стяжаніе встали—
 Въ волшебномъ сверкающемъ залѣ.

Его, какъ тебя, отравилъ этотъ ядъ.
 Пошли, Господь, солнца имъ снова!
 Имъ воздуха нѣтъ, стѣны давятъ, тѣснятъ....

Спаси отъ нечестья мірскаго
 Весенній разцвѣтъ и провидящій взглядъ
 Съ вѣнцомъ изъ могучаго слова,—
 Дай, Боже, имъ солнышка снова!

Урокъ.

(1843—1844)

«Я читалъ когда-то, гдѣ—ужь не припомню (говорить Беранже въ выноскѣ къ этому стихотворенію), рассказъ путешественника, видѣвшаго Канари, который выходилъ изъ школы, вмѣстѣ съ маленькими греками, учениками; какъ дѣти, онъ несъ книги подъ мышкою. Герой учился читать, не стыдясъ. Счастлива страна, гдѣ не краснѣютъ, поступая честно! Да наградить Богъ прямодушіе и скромность великаго гражданина».

На лужайкѣ дѣтскій крикъ:

Учить грамотѣ ребятъ,

Весъ сѣдой, ворчунъ-старикъ,

Отставной солдатъ.

— Я согнулся, я ужь слабъ,

А виды видалъ!

Унтеръ не былъ бы, когда бъ

Грамотѣ не зналъ!
Дружно, дѣти! всѣ за разъ!

Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

У меня-ль въ саду цвѣтокъ
Насадилъ я каждый самъ,
И изъ тѣхъ цвѣтовъ вѣнокъ

Грамотному дамъ.
Битый, правду говоритъ,

Молвъ людей простыхъ —
Стоить двухъ, кто не былъ битъ:

Грамотѣй — троихъ.
Дружно, дѣти! всѣ за разъ:

Буки-азъ! Буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Митя, видишь карандашъ?
За моей слѣди рукой:
Это *уже* а не *нашъ*;

Экой срамъ какой!
Да, прислушайте: съ полкомъ

Въ Греціи я былъ,
Въ двадцать, значить... а въ какомъ,

Значить, позабылъ.

Дружно, дѣти! всѣ за разъ:

Буки-азъ! Буки-азъ!

Счастье въ грамотѣ для васъ.

Отстояли мы друзей!

Разъ, иду себѣ одинъ,

Вижу — школа для дѣтей

У воротъ Аѳинъ.

Въ школѣ учится морякъ,

Дѣтямъ не подстать;

Я взглянулъ — и какъ дуракъ

Началъ хохотать.

Дружно, дѣти! всѣ за разъ:

Буки-азъ! Буки-азъ!

Счастье въ грамотѣ для васъ.

Но учитель мнѣ сказалъ:

„Ты глупѣй ребенка самъ:

„Ты героя осмѣялъ,

„Страшнаго врагамъ.

„Онъ за грековъ мстилъ — предъ нимъ

„Трепеталъ султанъ,

„И упалъ, сожженъ живымъ,

„Вражій капитанъ“.

Дружно, дѣти! всѣ за разъ:

Буки-азъ! Буки-азъ!

Счастье въ грамотѣ для васъ.

„Гордость края моего—

„Онъ Канари — да!

„Въ мірѣ встрѣтили его

„Горе и нужда;

„Огъ, умѣя побѣждать,

„Сѣлъ букварь учить.

„Все за тѣмъ, чтобы опять

„Греціи служить!“

Дружно, дѣти! всѣ за разъ:

„Буки-азъ! Буки-азъ!

Счастье въ грамотѣ для васъ.

Весь зардѣвшись, въ сторонѣ

Я въ смущеніи стоялъ;

Но герой сжалъ руку мнѣ,

Слово мнѣ сказалъ....

Мнѣ слышался завѣтъ

Бога самаго:

„Знанье — вольность, знанье — свѣтъ;

„Рабство безъ него!“

Дружно, дѣти! всѣ за разъ.

Буки-азъ! Буки-азъ!

Счастье въ грамотѣ для васъ.

БѢГОМЪ.

(1834—1838)

Страсть—сильнѣе!

Мысль—быстрѣе!

Все бѣжить, бѣжить кругомъ,

Безъ оглядки —

О, какъ кратки

Наслажденія во всемъ!

Страсть—сильнѣе!

Мысль—быстрѣе!

И—бѣгомъ, бѣгомъ, бѣгомъ!

Рысью съ самага разсвѣта!

Чтобъ съ утра пропалъ и слѣдъ.

Нѣтъ для мудрости отвѣта,
 Для любви — пощады нѣтъ!
 Наши призраки, мечтанья
 Осѣдлаемъ, и на нихъ,
 Дѣти, вѣчность мірозданья
 Схватимъ всю въ единый мигъ.

Страсть—сильнѣе!
 Мысль—быстрѣе!
 Все бѣжить, бѣжить кругомъ,
 Безъ оглядки —
 О, какъ кратки
 Наслажденія во всемъ!
 Страсть—сильнѣе!
 Мысль—быстрѣе!
 И—бѣгомъ, бѣгомъ, бѣгомъ!

Исчезающее племя!
 Книгу, формулу — для васъ
 Все обдумать было время,
 Даже счастья свѣтлый часъ.
 И спокойно, по два вѣка,
 Не осмѣлившись роптать,
 Возрожденья человѣка
 Вы готовы были ждать.

Страсть — сильнѣе!

Мысль быстрѣе!

Все бѣжить, бѣжить кругомъ

Безъ оглядки —

О, какъ кратки

Наслажденія во всемъ!

Страсть — сильнѣе!

Мысль — быстрѣе!

И — бѣгомъ, бѣгомъ, бѣгомъ!

Богъ въ большомъ кускѣ обрѣзавъ.

Дни по росту намъ пригналъ.

Берегися! Случай рѣзовъ:

Чтобъ еще не подровнялъ!

Плодъ срывай еще зеленый,

Розу въ почкѣ рви съ вѣтвей

И — усядся, утомленный —

Лишь для смѣны лошадей.

Страсть — сильнѣе!

Мысль — быстрѣе!

Все бѣжить, бѣжить кругомъ,

Безъ оглядки —

О, какъ кратки

Наслажденія во всемъ!

Страсть—сильнѣе!

Мысль—быстрѣе!

И—бѣгомъ, бѣгомъ, бѣгомъ!

Вѣкъ съ нуждою, да съ заботой,

Съ искушеньями борьба....

— Дай мнѣ золота! „Работай“.

Отвѣчаетъ мнѣ судьба.

— Хорошо. Въ трудѣ свобода —

И условіе впередъ:

Чтобъ нажитья — дай полгода;

Чтобъ прожить — давай мнѣ годъ.

Страсть—сильнѣе!

Мысль—быстрѣе!

Все бѣжить, бѣжить кругомъ,

Безъ оглядки —

О, какъ кратки

Наслажденія во всемъ!

Страсть—сильнѣе!

Мысль—быстрѣе!

И—бѣгомъ, бѣгомъ, бѣгомъ!

Слава удочку кидала

Мнѣ дорогою; но съ ней

Думъ, труда, заботъ не мало....

Пѣсня проще и вольнѣй.
 Что мнѣ въ славѣ? Надъ костями
 Надпись вырѣжутъ—да такъ
 И сотрется подъ ногами
 У безмысленныхъ зѣвакъ.

Страсть—сильнѣе!
 Мысль—быстрѣе!
 Все бѣжить, бѣжить кругомъ,
 Безъ оглядки—
 О, какъ кратки
 Наслажденія во всемъ!
 Страсть—сильнѣе!
 Мысль—быстрѣе.
 И—бѣгомъ, бѣгомъ, бѣгомъ!

Крупной рысью все несется
 До тѣхъ поръ, пока лицомъ
 На хаосъ не натолкнется
 Міръ, пустившійся бѣгомъ.
 Такъ бѣгомъ, друзья, безопасно,
 Сто разъ въ день, не тратя словъ,
 Отъ Любви все къ Мысли вѣчной
 И къ Любви отъ Мысли вновь!

Страсть—сильнѣе!

Мысль—быстрѣе!

Все бѣжить, бѣжить кругомъ

Безъ оглядки—

О, какъ кратки

Наслажденія во всемъ!

Страсть—сильнѣе!

Мысль—быстрѣе!

И—бѣгомъ, бѣгомъ, бѣгомъ!

Ямщикъ.

Наша дорога земная всего

Длится немного минутъ:

Старый ямщикъ не зѣваетъ; его

Временемъ люди зовутъ.

Тотъ же все крикъ, и въ телѣжкѣ простой,

И въ колесницѣ блестящей обманомъ:

Стой ямщикъ, стой! Останавливай—стой!

Здѣсь отдохнемъ за стаканомъ.

Нашей мольбой не смягчить старика: ;

Видитъ и слезы и смѣхъ,

Да и хохочетъ надъ нами, пока

Не опрокинетъ насъ всѣхъ,

Всѣхъ, вмѣстѣ съ нашею бѣдной землей

И первобытнымъ застелетъ туманомъ.

Стой, ямщикъ, стой! Останавливай, стой!

Здѣсь отдохнемъ за стаканомъ.

Камни бросаютъ безумные въ насъ,

Глупость сдружившіе съ зломъ.

Лучше свернуть бы... Да завтра, какъ разъ,

Вдвое ихъ будетъ числомъ.

Я—могу завтра проснуться съ сумой,

Окаменѣть золотымъ истуканомъ...

Стой, ямщикъ, стой! Останавливай, стой!

Здѣсь отдохнемъ за стаканомъ.

Станція, что ли? Ужъ вотъ шестьдесятъ

Третья съ однимъ ямщикомъ.

Не утомляются лошади, мчатъ,

Мчатъ подъ могучимъ бичомъ.

Я ужъ взбираюсь тропинкой крутой....

Гдѣ вы, друзья? Не видать за туманомъ...

Стой, ямщикъ, стой! Останавливай, стой!

Здѣсь отдохнемъ за стаканомъ.

Я на вершинѣ одинъ.... пріутихъ....

Гонить могучая тѣнь.

Выхватимъ бичъ роковой, хоть на мигъ,

Счастливы будемъ хоть день!

Вѣчный припѣвъ повторяйте за мной,

Чтобы веселость осталась вѣрна намъ:

Стой, ямщикъ, стой! Останавливай—стой!

Здѣсь отохнемъ за стаканомъ.

CERCLE RUSS

DE LA

VILLE DE MONTREUIL

Счастье.

Счастье! Видно ужь такъ и покину я свѣтъ,
Не выдавшись ни разу съ тобою, —
Говорилъ, умирая, безвѣстный поэтъ,
Занесенный въ больницу нуждою.
Призракъ свѣтлый, какъ день, вдругъ разнесъ ночи тьму,
„Счастье здѣсь“ вдругъ раздалось въ больницѣ:
„Тотъ встрѣчаетъ меня, кто не ждетъ, что къ нему
Я примчусь въ золотой колесницѣ.
„Ты въ деревнѣ видалъ меня часто, всегда
Называя Анютою милой,
И бѣжалъ отъ любви самой чистой; тогда
Мысль о бракѣ тебя утратила.

Къ знатной дамѣ увлекся ты страстью пустой,
 Промѣнявъ въ безразсудной гордынѣ,
 Счастье въ грубой одеждѣ крестьянки простой,
 На минутную страсть въ кринолинѣ.

„Въ умной теткѣ опять ты меня не узналъ:
 При посредствѣ нехитрой науки,
 Ты, какъ сынъ, получилъ отъ нея капиталъ—
 Для работы способныя руки.
 Независимъ въ трудѣ, самъ себѣ господинъ,
 Ближнимъ пользу принесъ бы при этомъ.
 Мой совѣтъ былъ: будь честный, простой гражданинъ.
 Ты сказалъ: я хочу быть поэтомъ.

„Ты меня не замѣтилъ, когда старикомъ
 Предлагались тебѣ, ужъ въ невзгодѣ,
 Молодая невѣста съ красивымъ лицомъ
 И земелька при сельской свободѣ.
 Деревенскіе люди здоровьемъ цвѣтутъ,
 Городскіе же хворы и жолты.
 Обрабатывать землю—совѣтъ былъ и тутъ;
 Но ее просвѣщать предпочелъ ты.

„Ты всю жизнь, въ суетѣ и неравной борьбѣ,
 Не поймалъ, какъ ни гнался за славой.

Въ уголку, въ это время, я знаки тебѣ

Хоть далеко, но дѣлала, право.

На меня не взглянувъ, продолжая дурить,

Неустанно, покуда былъ въ силѣ,

За своею мечтой мчался ты во всю прыть,

Наконецъ и примчался—къ могилѣ“.

— Да, сказалъ умирающій—въ тщетныхъ мечтахъ

Безполезно по свѣту мы рыщемъ,

И при встрѣчѣ со счастьемъ—горды натошахъ,

Даже съ нимъ, какъ съ назойливымъ нищимъ.

Здѣсь я встрѣтилъ тебя, чтобъ спокойно угасъ;

Чтобъ не бился ужъ объ ледъ, какъ рыба.

Часъ послѣдній—вотъ счастья единственный часъ;

Такъ закрой хоть глаза мнѣ. Спасибо!

Волшебная лютня.

Во дни чудесныхъ дѣлъ и слуховъ
До историческихъ временъ,
Простой бѣднякъ отъ добрыхъ духовъ
Былъ чудной лютней одаренъ.

Ея плѣнительные звуки
Дарили радость и покой,
И вмигъ снимали, какъ рукой,
Любви и ненависти муки.

Разнесся слухъ объ этомъ чудѣ,—
И къ бѣдняку подъ мирный кровъ
Большіе, маленькіе люди
Бѣгутъ толпой со всѣхъ концовъ.

— Идемъ ко мнѣ! кричитъ богатый;

— Идемъ ко мнѣ! зоветъ бѣднякъ.

Внеси спокойствіе въ палаты,

Внеси забвеніе на чердакъ!

Внимая просьбамъ дѣдовъ, внуковъ,

Добрякъ на каждый зовъ идетъ.

Онъ знатнымъ милостыню звуковъ

На лютнѣ щедро раздаетъ.

Гдѣ онъ появится въ народѣ,

Веселье разольется тамъ,—

Веселье бодрость дастъ рабамъ,

А бодрость мысли о свободѣ.

Красавицу покинулъ милый—

Зоветъ красавица его.

Зоветъ его подагрикъ хилый

Къ одру страданья своего.

И возвращаютъ вновь напѣвы

Веселой лютни бѣдняка—

Надежду счастья для дѣвы,

Надежду жить для старика.

Идетъ онъ, братьевъ утѣшая;

Напѣвы дивные звучать.....

И встрѣчу съ нимъ благословляя,—

„Какъ счастливъ онъ!“ всѣ говорятъ.

„За нимъ гремятъ благословенья.

„Онъ вѣчно слышитъ стройный хоръ

„Счастливыхъ братьевъ и сестѣрь—

„Нѣтъ въ мірѣ выше наслажденья!“

А онъ?... Среди ночей безсонныхъ,

Сильнѣй и глубже съ каждымъ днемъ,

Всѣ муки братьевъ, имъ спасенныхъ,

Онъ въ сердцѣ чувствуетъ своемъ.

Напрасно призраки онъ гонить:

Онъ видитъ слезы, видитъ кровь...

И слышитъ онъ, какъ въ сердцѣ стонетъ

Неоскудѣвшая любовь.

За лютню съ трепетной заботой

Берется онъ..... молчитъ она.....

Порвались струны... смертной нотой

Звучитъ послѣдняя струна.

Свершилъ онъ подвигъ свой тяжелый,

И надъ могилой, гдѣ онъ спитъ,

Сіяетъ надпись: „здѣсь зарытъ

Изъ смертныхъ самый развеселый.“

Прощаніе.

(1847—1851.)

Мудрость, вѣщая Сивилла,
Ужъ не разъ мнѣ говорила:
Старику пора домой;
Вотъ твой посохъ, понемногу
Собирайся въ путь-дорогу,
Пѣснь послѣднюю пропой;
И, простившись съ бѣлымъ свѣтомъ,
Уходи къ своимъ лизетамъ,
На свиданье въ край иной.

Чокнемся звучнѣй
Чашами прощанья!
Лиза, веселѣй!

Братья, до свиданья!

И—пошоль живѣй!

Мудрость снова шепчетъ строго:

Шестьдесятъ лѣтъ слишкомъ много;

Разсчитаться срокъ насталь.

Небо въ тучахъ почернѣло,

Солнце жизни тихо сѣло—

Здѣсь послѣдній твой приваль.

Шагъ нетвердый увлеченья—

И смотри, чтобъ безъ движенья

На постель ты не упаль.

Чокнемся звучнѣй

Чашами прощанья!

Лиза, веселѣй!

Братья, до свиданья!

И—пошоль живѣй!

Я спокоенъ, умирая:

Міръ—квартира дорогая,

Мой укромный уголокъ,

Какъ онъ ни былъ малъ и тѣсенъ,

Я купилъ цѣною пѣсенъ

И расплачивался въ срокъ;

Жатвы снявъ въ поляхъ и нивахъ,
 Я изъ грезъ своихъ счастливыхъ
 Не одинъ имъ сплелъ вѣнокъ.

Чокнемся звучнѣй
 Чашами прощанья!
 Лиза, веселѣй!
 Братья, до свиданья!
 И—пошолъ живѣй!

Изъ всего, чѣмъ сердце жило,
 Память сердца сохранила
 Только милая черты,
 Нѣжный взоръ, да смѣхъ лукавый...
 Нѣтъ, дѣйствительнѣе славы
 Обаянье красоты!
 На одрѣ моихъ страданій
 Тѣни милыхъ мнѣ созданій
 Будятъ свѣтлыя мечты.

Чокнемся звучнѣй
 Чашами прощанья!
 Лиза, веселѣй!
 Братья, до свиданья!
 И—пошолъ живѣй!

Что въ лазури мнѣ прозрачной?
Что въ пучинѣ этой мрачной,
Что волной о скалы бьетъ?
Въ сердцѣ смолкѣ отвѣтъ движенью:
Все—иному поколѣнью!
Все—для юности цвѣтеть!
А для жившихъ наши лѣта,
Эта грязная планета
Только кровью отдаетъ.

Чокнемся звучнѣй
Чашами прощанья!
Лиза, веселѣй!
Братья, до свиданья!
И—пошолъ живѣй!

Не горюй, друзья прощаясь:
Небо падаетъ, склоняясь
Надъ моею головой
И ужъ ясно видѣть стало,
Что наличныхъ слишкомъ-мало
Кошелекъ содержать мой.
Но я полонъ упованья

Повторить вамъ: „до свиданья“,
Миновавъ предѣлъ земной.

Чокнемся звучнѣй

Чашами прощанья!

Лиза, веселѣй!

Братья, до свиданья!

И—пошолъ живѣй!

Дѣвичьи мечты.

Страстно на вѣткѣ любимой
Птичка поетъ наслажденье;
Солнцемъ полудня палима,
Лилія дремлетъ въ томленьи.
Страстно на вѣткѣ любимой
Птичка поетъ наслажденье.
Полузакрыты мечтами
Юной красавицы взоры.
Блещутъ на солнцѣ, съ цвѣтами.
Кружевъ тончайшихъ узоры.
Полузакрыты мечтами
Юной красавицы взоры.

Ясно улыбка живая
 Мысль передъ сномъ сохранила.
 Спитъ она, будто, играя
 Всѣмъ, что на свѣтѣ ей мило.
 Ясно улыбка живая
 Мысль передъ сномъ сохранила.

Какъ хороша! Для искусства
 Лучшей модели не надо!
 Видны всѣ проблески чувства,
 Хоть не видать ея взгляда.
 Какъ хороша! Для искусства
 Лучшей модели не надо!

Сонъ чуть коснулся въ полетѣ
 Этой модели прекрасной.
 Чтожъ въ этой сладкой дремотѣ
 Грудь ей волнуетъ такъ страстно?
 Сонъ чуть коснулся въ полетѣ
 Этой модели прекрасной.

Снится ли пажъ ей влюбленный,
 Ночью, на лошади бѣлой?
 Обнялъ ее и, смущенный,

Ручку цѣлуетъ несмѣло....

Снится ли пажъ ей влюбленный,

Ночью, на лошади бѣлой?

Снится-ль, что новый Петрарка

Съ пѣснью приникъ къ изголовью,

И разукрасились ярко

Бѣдность и слава любовью?

Снится-ль, что новый Петрарка

Съ пѣснью приникъ къ изголовью?

Снится-ль ей небо родное?

Юности небо знакомо.

Такъ пролетаютъ весною

Ласточки къ крову родному.

Снится-ль ей небо родное?

Юности небо знакомо.

Вырвался вздохъ. Голубые

Глазки лѣниво раскрылись.

— Ну, расскажи намъ, какіе,

Милая, сны тебѣ снились?

Вырвался вздохъ. Голубые

Глазки лѣниво раскрылись.

— Ахъ! Что за сонъ, что за чудо!

Дивныя, свѣтлыя чары!

Золото, груды за грудой,

Мужъ мнѣ несъ, старый-престарый.

— Ахъ! Что за сонъ, что за чудо!

Дивныя, свѣтлыя чары!

Какъ? тебѣ деньги росю

Были, цвѣтокъ ароматный?

— Всѣхъ я затмила собою.

Выше всѣхъ быть такъ пріятно!

— Какъ? тебѣ деньги росю

Были, цвѣтокъ ароматный!

Если такъ юность мечтаетъ,

Прочь всѣ мечты о грядущемъ!

Золото все омрачаетъ

Блескомъ своимъ всемогущимъ.

Если такъ юность мечтаетъ,

Прочь всѣ мечты о грядущемъ!

Прости.

Часъ близокъ. Франція, прости. Я умираю.
 Возлюбленная мать, прости. Какъ звукъ святой,
 Сберегъ до гроба я привѣтъ родному краю.
 О! Могъ ли, такъ какъ я, тебя любить другой?
 Тебя въ младенчествѣ я пѣлъ, читать не зная,
 И видя смерти серпъ, надъ головой почти,
 Я въ пѣснѣ о тебѣ дыханье испуская,
 Слезы, одной твоей слезы прошу. Прости!

Когда стонала ты въ рукахъ иноплеменныхъ,
 Подъ колесницами надмѣнныхъ королей,
 Я рвалъ знамена ихъ для ранъ твоихъ священныхъ,

Чтобъ боль твою унять, я расточалъ елей.
 Въ твоёмъ паденіи заря зажглась—и время
 Благословенія племенъ должно придти,
 Затѣмъ, что брошено твоею мыслью сѣмя
 Для жатвы равенства грядущаго. Прости!

Я вижу ужъ себя зарытаго, въ гробницѣ.
 Кого любилъ я здѣсь, о! будь защитой ихъ,
 Отчизна, вотъ твой долгъ предъ бѣдной голубицей,
 Не тронувшей зерна на пажитяхъ твоихъ!
 Чтобы къ сынамъ твоимъ съ мольбой дошелъ мой пламень—
 Удерживая смерть на пройденномъ пути,
 Своей гробницы я приподнимаю камень.
 Рука изнемогла. Онъ падаетъ. Прости!

ПѢСНИ, САТИРЫ И РИОМЫ.

Я не поэтъ, и не сатирикъ, и не

Съ музыкантъ,

Но обоимъ ни тѣмъ, ни другимъ

Славенъ.

Родныя предѣлы люблю бездѣлю

Честною,

Но всесильна съ нѣбеси приманью

Важныя

Зло и добро, съ разницею пороковъ

Славлюся,

Я положилъ свое чужество основанье

Все въ васъ.

CERCLE RUSSE

DE LA

VILLE DE MONTREAL

Чуждым был твой язык, а раскатым алей.
 Вь своем сердце и зорь шажком — я время
 Изменил, и вину дождя прости,
 Ах, что браню твою костью сны
 Для катя разврата градушаго. Прости!

И жужу уж тебя зуритом, вь гробницу.
 Кого любил я здесь, о! Сжаль охотой вхь,
 Стану, вот твой долг прощ обной голубиной,
 Не тронувшей зорь из охоты твоих!
 Чтобы вь охоту твою, о! Сжаль охотой вхь —

Ужасно твою на прощину вхь,
 Сжаль охотой вхь, о! Сжаль охотой вхь,
 Кого любил я здесь, о! Сжаль охотой вхь.

Я не поэтъ,—и, не связанный узами
Съ музами,

Не обольщаюсь ни лживой, ни правою
Славою.

Родинѣ преданъ любовью безвѣстною
Честною,

Не воспѣвая съ пѣвцами присяжными,
Важными

Злое и доброе, съ равными шансами
Стансами,

Я положилъ свое чувство сыновнее
Все въ нее.

Но не могу же я плакать отъ радости
 Съ гадости,
 Или искать красоту въ безобразіи
 Азіи,
 Или курить въ направленіи заданомъ
 Ладаномъ,
 То есть—заигрывать съ зломъ и невзгодами
 Одами.

Съ риѣмами лазить особаго счастія
 Къ власти я
 Не нахожу—тамъ какія бы ни были
 Прибыли.
 Риѣмы мои ходятъ поступью твердою,
 Гордою,
 Располагаясь богатыми парами —
 Барами!

Ну, не дадутъ мнѣ за нихъ въ академіи
 Преміи,
 Не приведутъ ихъ въ примѣрахъ піитики
 Критики.

„Нѣтъ ничего, молъ, для „чтенья народнаго“
 „Годнаго,

„Нѣтъ возносящаго душу паренія

„Генія,

„Нѣту воинственной, храброй и въ старости,

„Ярости

„И ни одной для Петрушки и Васенки

„Басенки“.

Чтожь? Мнѣ сама мать-природа оставила

Правила,

Чувствомъ простымъ одаривъ одинаково

Всякаго.

Если найдутъ книжку съ пѣснями разными,

Праздными

Добрые люди вниманія стоящей —

Что еще?

Если жь я рюемой, свободной и смѣлою,

Сдѣлаю,

Кромѣ того, впечатлѣнье извѣстное,

Честное, —

Въ немъ и поэзія будетъ обильная,

Сильная

Тѣмъ, что не связана, даже и съ музами,

Узами.

Наше правительство имеет честь
предложить

Наше правительство имеет честь
предложить

Наше правительство имеет честь
предложить

Наше правительство имеет честь
предложить

Наше правительство имеет честь
предложить

Наше правительство имеет честь
предложить

Наше правительство имеет честь
предложить

Наше правительство имеет честь
предложить

Наше правительство имеет честь
предложить

Наше правительство имеет честь
предложить

Наше правительство имеет честь
предложить

Наше правительство имеет честь
предложить

* * *

Для великихъ земли
На моряхъ корабли,
Серебро въ нѣдрахъ горъ
И въ надзвѣздный просторъ
Гимны славы взошли—
Для великихъ земли.

Для высокихъ умовъ,
Среди честныхъ трудовъ,
Наслаждение трудомъ—
И безсмертье потомъ
Надъ могилой вѣковъ—
Для высокихъ умовъ.

Для невинныхъ сердець
Ихъ Небесный Отець,
Среди ликовъ святыхъ.
Въ горнахъ высяхъ своихъ
Уготовалъ вѣнецъ—
Для невинныхъ сердець.

Что же намъ наконецъ?
Милый другъ! Намъ любовь:
Мы другъ въ другѣ нашли
Счастье чистыхъ сердець,
И высокихъ умовъ,
И великихъ земли!

Весенняя сказка.

Здоровый умъ далъ Богъ ему,
Горячую далъ кровь,
Да бѣдность гордую къ уму,
А къ бѣдности любовь.

А ей—подобью своему—
Придавъ земную плоть,
Любовь далъ, также какъ ему,
И бѣдность далъ Господь.

Обманомъ тайнаго сродства
И лѣтъ увлечены,
Хоть и бѣдны до воровства,
Но были влюблены.

Онъ видѣлъ въ ней любви вѣнецъ,
И ей сіялъ лучомъ
И—нашихъ дней концовъ конецъ—
Стояли подъ вѣнцомъ.

Онъ несогнулся отъ трудовъ,
Но такъ упорно шолъ,
Что сталъ, какъ истина, суровъ,
Какъ добродѣтель золъ.

Она—въ морозъ изъ теплыхъ странъ
Заброшенный цвѣтокъ—
Осталось милой—какъ обманъ
И доброй—какъ порокъ.

Что случилось съ нимъ, что съ ней могло бъ
Случиться въ добрый часъ—
Благополучно ранній гробъ
Закрылъ навѣкъ отъ насъ.

Ни въ мать ни въ отца.

Твой отецъ нажилъ честнымъ трудомъ
Сотни тысячъ и каменный домъ;
Облачась въ дорогой кашемиръ,
Твоя мать презираетъ весь міръ;
Какъ же ты—это трудно понять—
Ни въ отца уродилась, ни въ мать?

Мать—охотница дѣвокъ посѣчь,
А—отецъ подчиненныхъ распечь;
Ты—со всѣми на свѣтѣ равна,
Съ молодежью блестящей скучна,
Не умѣешь прельщать, занимать.
Ни въ отца уродилась, ни въ мать!

Изъ столицы отецъ ни ногой;
Мать въ Парижъ уѣзжаетъ весной;
А тебя отъ туманныхъ небесъ
Манить въ горы, да въ степи, да въ лѣсъ...
Цѣлый день ты готова блуждать...
Ни въ отца уродилась, ни въ мать!

Мать готовить тебя богачу,
А отцу крупный чинъ по плечу—
Чтобъ крестовъ было больше, да лентъ;
А съ тобою—какой то студентъ....
Душу рада ему ты отдать...
Ни въ отца уродилась, ни въ мать!

Не сулить тебѣ брачный вѣнецъ
Шумной жизни, какую отецъ
За любовь твоей матери далъ.
Разобьется и твой идеалъ...
Эхъ! ужъ лучше, чтобъ горя не знать,
Уродиться въ отца или въ мать!

1853.

Разсказъ няни.

— Няня, любила-ли ты?

— Я, что ли, барышня? Что вамъ?

— Какъ что?.. Страданья... мечты...

— Не оскорбить бы васъ словомъ.

Нашей сестры разговоръ.

Все изъ простыхъ, значить, словъ

Намъ и любовь не въ любовь,

Намъ и позоръ не въ позоръ.

Другъ нуженъ по сердцу вамъ:

Намъ и друзей то не надо:

Баринъ обдѣляетъ самъ—

Мы вѣдь послушное стадо.

Нашъ былъ на это здоровъ...

Тутъ былъ и мяѣ приговоръ...

Намъ и любовь не въ любовь,

Намъ и позоръ не въ позоръ!

Послѣ... племянникъ-ли...сынъ....

Это ужъ дѣло не наше—

Только прямой господинъ—

Вѣрите-ль: солнышка краше.

Тоже господская кровь....

Лютъ былъ до нашихъ сестеръ...

Намъ и любовь не въ любовь,

Намъ и позоръ не въ позоръ!

Раньше.... да что вспоминать!

Было, какъ будто, похоже,

Вотъ какъ въ романахъ читать

Сами изволите тоже.

Только ужъ много годовъ

Парень въ солдатахъ съ тѣхъ поръ.

Намъ и любовь не въ любовь,

Намъ и позоръ не въ позоръ!

Тамъ и пошла, и пошла....

Все и со мной, какъ съ другими...

Нонѣ спасаюсь отъ зла

Только лѣтами своими,

Что у старухи и кровь

Похолодѣла и взоръ....

Намъ и любовь не въ любовь,

Намъ и позоръ не въ позоръ!

Барышня, скученъ рассказъ?

Вотъ и теперь подрастаетъ

Дѣвушка...дѣвка для васъ....

А ужъ господъ соблазняетъ....

Черныя косы да бровь

Сгубятъ красавицу скоро...

Господи! Дай ей любовь

И огради отъ позора!

1855.

Барышнѣ.

Нравится мнѣ твоя поза унылая,
Робко опущенный взглядъ;
Я бы любилъ тебя—но, моя милая:
Барышни замужъ хотятъ.

Слушалъ бы все голосокъ твой плѣнительный;
Не говоришь ты— поешь;
Но—съ одной ноты, всю душу мучительно,
Схватить обидная дрожь.

Глазки твои зажигаютъ желаніе;
Взгляда ихъ только я жду:

Всюду пойду—на край свѣта, въ изгнаніе...

Но подъ вѣнецъ не пойду..

Ты поблѣднѣла? Сказалъ ли не въ мѣру я?

Или ужь, всѣ заурядъ,

Страсти не вѣдая, въ чувство не вѣруя,

Барышни замужъ хотятъ!

CERCLE RUSS
DE LA
VILLE DE MONTARVIS

* * *

Мчить меня въ твои объятья

Страстная тревога,—

И хочу тебѣ сказать я

Много, много, много.

Но возлюбленной сердечко

На отвѣты скупю.

И глядить моя овечка

Глупо, глупо, глупо.

На душѣ морозъ трескучій,

А на щечкахъ розы—

И въ глазахъ, на всякій случай,

Слезы, слезы, слезы.

Въ разлукѣ.

Разстались гордо мы; ни словомъ, ни слезою

Я грусти признака тебѣ не подала.

Мы разошлись на вѣкъ.... но если бы съ тобою

Я встрѣтиться могла!

Безъ слезъ, безъ жалобъ я склонилась предъ судьбою.

Не знаю: сдѣлавъ мнѣ такъ много въ жизни зла,

Любилъ ли ты меня... но если бы съ тобою

Я встрѣтиться могла!

*
* *

Какъ въ наши лучшіе года

Мы пролетаемъ безъ участья

Помимо истиннаго счастья!

Мы молоды, душа горда....

Какъ въ насъ заносчивости много!

Предъ нами свѣтлая дорога....

Проходятъ лучшіе года.

Проходятъ лучшіе года—

Мы все идемъ дорогой ложной,

Вслѣдъ за мечтою невозможной,
Идемъ невѣдомо куда...
Но вотъ оврагъ—вотъ мы споткнулись....
Кругомъ стемнѣло.... Оглянулись—
Нигдѣ ни звука, ни слѣда!

Нигдѣ ни звука, ни слѣда,
Ни свѣтлыхъ дней, ни сожаленья,
На сердцѣ тяжесть оскорбленья
И одиночество стыда.

Для утомительной дороги
Нѣтъ /силы.... Подкосились ноги...

Погасла дальная звѣзда!

Погасла дальная звѣзда!

Пора, пора душой смириться!

Надъ жизнью нечего глумиться,

Вкусивъ отъ горькаго плода, —

Или съ безсильемъ старой дѣвы

Твердить упорно: гдѣ вы, гдѣ вы

Вотще минувшіе года!

Вотще минувшіе года

Не лучшесть справить честной тризной.

Не осквернимъ же укоризной

Господень міръ — и никогда
 Съ безсильной злобой оскорбленныхъ,
 Не осмѣемъ четы влюбленныхъ,
 Влюбленныхъ въ лучшіе года!

Первая любовь.

Годы пройдутъ, словно день, словно часъ;
Много людей промелькнетъ мимо насъ.
Дѣти займутъ положеніе въ свѣтѣ
И старики поглупѣютъ, какъ дѣти.
Мы поглупѣемъ, какъ всѣ, въ свой чередъ,
А ужь любовь не придетъ, не придетъ!
Нѣтъ, ужь любовь не придетъ!,

Въ зрѣлыхъ уомѣхъ, скудныхъ чувствами лѣтахъ
Тьму новостей прочитаемъ въ газетахъ:
Про наводненья, пожары, войну,

Про отнятую у горцевъ страну,
 Скотскій падежъ и осушку болотъ —
 А ужъ любовь не придетъ, не придетъ!
 Нѣтъ, ужъ любовь не придетъ!

Будемъ, какъ всѣ люди добрые, жить;
 Будемъ влюбляться, не будемъ любить —
 Ты продашь сердце для партіи громкой,
 Съ горя и я заведусь экономкой, —
 Та старика подъ вѣнецъ поведетъ...
 А ужъ любовь не придетъ, не придетъ!
 Нѣтъ, ужъ любовь не прійдетъ!

Первой любви не сотрется печать.
 Будемъ другъ друга всю жизнь вспоминать.
 Общiе сны будутъ сниться обоимъ;
 Разумъ обманемъ и сердце закроемъ —
 Но о прошедшемъ тоска не умретъ
 И ужъ любовь не придетъ, не придетъ —
 Нѣтъ, ужъ любовь не придетъ!

Друзьямъ Мартынова.

Кружась, Богъ знаетъ, для чего

И для какой потѣхи, —

Мы всѣ смѣшны до одного

Въ своихъ слезахъ и смѣхѣ.

Друзья мои, когда вамъ миль

Смѣхъ, вызванный слезами, —

Почтимъ того, кто насъ смѣшилъ,

Смѣясь надъ нами съ нами.

Блуждая ощупью, впотѣмахъ,

Отъ водевилей къ драмамъ,

Смѣшные въ искреннихъ слезахъ,

Мы жалки въ смѣхѣ самомъ.

Средь мертвыхъ душъ, живыхъ могилъ,
 Полуживые сами,
 Почтимъ того, кто насъ смѣшилъ,
 Смѣясь надъ нами—съ нами.

Когда другъ друга мы смѣшимъ,
 Актеры противъ воли,
 И монологи говоримъ,
 Пустые, въ жалкой роли, —
 Онъ откровеннымъ смѣхомъ былъ
 Всесиленъ надъ сердцами.
 Почтимъ его: онъ насъ смѣшилъ,
 Смѣясь надъ нами — съ нами.

Почтимъ его! Сердечный смѣхъ,
 Веселость безъ предѣла
 Дарили жизнью даже тѣхъ
 Въ комъ сердце оскудѣло.
 Тотъ смѣхъ, какъ милостыня, былъ
 Сбираемъ богачами....
 Почтимъ его: онъ насъ смѣшилъ,
 Смѣясь надъ нами—съ нами

Почтимъ его! однимъ лицомъ,
 Мѣнявшимъ очертанья,

Онъ вызывалъ надъ сильнымъ зломъ

Смѣхъ честнаго страданья, —

И смѣхъ, на время, уносилъ,

Нужду съ ея бѣдами

Почтимъ его! онъ насъ смѣшилъ,

Смѣясь надъ нами съ нами.

Почтимъ его! Припомнимъ залъ,

Гдѣ, отъ райка до креселъ,

Мужикъ послѣдній хохоталъ,

Послѣдній фатъ былъ веселъ!..

Взрывъ смѣха общаго дружилъ

Ливреи съ армяками...

Почтимъ его: онъ насъ смѣшилъ,

Смѣясь надъ нами — съ нами...

Почтимъ его! Намъ много слезъ

Оставлено судьбою,

Но ужъ Мартыновъ въ гробъ унесъ

Могучій смѣхъ съ собою,

Которымъ онъ одинъ смѣшилъ,

Смѣясь надъ нами—съ нами,

Который съ жизнью насъ мирилъ

И вызванъ былъ слезами.

CERCLE RUSSE

DE LA

VILLE DE MONTAUBAN

Напутствіе

(Н. С. К.—ну.)

Покоряясь предъ судьбою,
Поѣзжай — Господь съ тобою! —

Къ чуждымъ берегамъ.

Если счастье навернется —
Оставайся; не найдется —

Возвращайся къ намъ.

Разъѣзжай себѣ покорно

До Марсели, до Ливорно

И иной страны;

Покоряться волѣ Неба

Ради крова, ради хлѣба

Мы ужь братъ, должны.

Полны гордаго сознанья,
Скажемъ просто: до свиданья!—

Какъ придется тамъ....
Обезсмысленные звуки
Часъ торжественный разлуки
Не опошлять намъ.

Мы словами жизнь не мѣримъ,
Мы ужъ многому не вѣримъ,
Какъ въ былые дни;
Но исполнившись смиренья,
Помнимъ свѣтлыя мгновенья—
Были же они!

Если были — будутъ снова;
Было-бъ сердце къ нимъ готово
Да свободенъ умъ.
А тебѣ—и съ полу-горя—
Ихъ навѣтъ воздухъ съ моря,
Моря вѣчный шумъ,

Солнце бури, климатъ знойный,
Жизни трепетъ безпокойный,

Неумолчный гамъ....

Такъ чего-жъ? Махнувъ рукою,

Поѣзжай — Господь съ тобою —

Къ чуждымъ берегамъ.

Только!...

— Нѣтъ на свѣтѣ зла!
Жить — легка наука;
Зло изобрѣла
Авторская скука.
Вотъ весна, весна!
Вся природа рада....
Толко — холодна...
Согрѣваться надо.
Намъ отъ стужи данъ
Нектаръ ароматный;

Вина южныхъ странъ
 Теплотой пріятной
 Чувства усладить....
 Только — снова вздохи: —
 Вина, говорятъ,
 Дороги и плохи.

Нѣтъ — такъ все равно!
 Что намъ пить чужое?
 Есть у насъ вино,
 Русскому родное:
 Чарка водки — въ зной
 И въ морозъ — находка!
 Только — грѣхъ какой! —
 Дорога и водка.

Пить, взамѣнъ вина,
 Просто воду будемъ;
 Трезвость намъ нужна,
 Какъ рабочимъ людямъ:
 Въ ней — успѣхъ труда....
 Только — я не скрою —
 Чистая вода
 Дорога весною.

А весна идетъ
И дразня свободой,
Нѣгой обдаеть....

Поживемъ съ Природой
Хоть одинъ денекъ!

Только — вотъ забота:

Двери на замокъ
Заперла работа.

Такъ трудомъ живи,
Въ свѣтлыя мгновенья

Находя въ любви
Отъ труда забвенье.

Съ нею, въ царствѣ грезъ,
Бѣдныхъ нѣтъ на свѣтѣ!

Только — вотъ вопросъ:
Ну, какъ будутъ дѣти?...

Такъ однимъ трудомъ,
Безъ мечты нескромной,

Какъ нибудь дойдемъ
До могилы темной.

Трудъ — надежный другъ
Всѣхъ несчастныхъ... только —

Сколько въ свѣтѣ рукъ,
Нѣтъ работы столько!

Жить ли безъ труда
Съ голодомъ да съ жаждой!

Только.... какъ тогда
Дорогъ уголь каждый!

А весна свѣтла
И поетъ лукаво:

„Нѣтъ въ природѣ зла!
Счастье — ваше право.“

Школа взаимнаго обучения.

Я обучался въ школѣ жизни —

И эту школу я нашёлъ

Въ моей возлюбленной отчизнѣ

Почище всѣхъ заморскихъ школъ.

Въ ней каждый учится по волѣ,

Науки въ ней не на виду —

Но обучившись въ этой школѣ,

Ужъ я нигдѣ не пропаду!

Не всѣ пригодны въ ней къ наукѣ;

Есть безталанные; — бѣднякъ

Иной всю жизнь аза отъ буки

Не различаетъ въ ней ни какъ.

CERCLE RUSS
DE LA
VILLE DE MONTARGIS

Другой глаголь отыщеть, слово,
 Да и начнетъ писать добро...
 Оно полезно бы и ново,
 Да въ общемъ выводѣ старо....

А и такіе есть на свѣтѣ:
 Какъ букву люди разбереть—
 Букварь забросить и мыслете
 Писать съ отчаянья пойдеть.
 Другаго дальше червь тревожить;
 Тотъ твердо думаетъ про честь,
 Но про себя прочесть не можетъ
 Благополучной буквы есть.

Другой, талантомъ одаренной,
 Возметъ букварь — пойметъ какъ разъ,
 Что въ этой азбукѣ мудреной
 Всего важнѣе буква азъ.
 Но лѣность, лѣность,—мать пороковъ!
 Не знаетъ трудной буквы ять
 И послѣ тысячи уроковъ,
 Не можетъ дать, не смѣетъ взять.

Лишь искусившійся въ наукѣ,
 Понявъ что дѣло не хитро,

Запомнить азъ и скажетъ: буки —
Глаголь, рцы, слово и добро!
Чтобъ раздѣлить людей съ землею
Онъ ерикъ малenkій ввернетъ,
Самъ фертомъ встанетъ — и ѳитой
Вездѣ до ижецы дойдетъ.
По остальнымъ согласнымъ, гласнымъ
Махнувъ презрительно рукой,
Напишетъ есть со взоромъ яснымъ
И сыщеть въ азбукѣ покой.
О, мудрость истинно-простая!
Семь-восемь буквъ довольно намъ,
Чтобы всю жизнь прожить, читая
Все остальное по складамъ.

Счастливецъ.

Розовый, свѣжій, дородный,
Юный, веселый всегда,
Разума даже слѣда
Нѣтъ въ головѣ благородной,
Ходить тамъ вѣтеръ сквозной....
Экой счастливецъ какой!

Долго не думая, смѣло,
Въ доброе время и часъ,
Вздумалъ—и сдѣлалъ какъ разъ
Самое скверное дѣло,

Не возмущившись душой...

Экой счастливецъ какой!

Съ голоду гибнуть крестьяне..

Пусть погибаетъ весь свѣтъ!

Вотъ онъ на званый обѣдъ

Выѣхалъ: сани не сани!

Конь, что за конь вороной!

Экой счастливецъ какой!

Женщину встрѣтить -- подъ шляпку

Взглянетъ, тряхнетъ кошелькомъ

И насладившись цвѣткомъ,

Бросить, какъ старую тряпку, —

И ужъ подѣхалъ къ другой....

Экой счастливецъ какой!

Рыщеть себѣ беззаботно,

Нѣ о чемъ, благо, тужить...

Въ службу предложить вступить —

Вступить и въ службу охотно.

Будетъ сановникъ большой....

Экой счастливецъ какой!

Розовый, свѣжій, дородный,
 Трудъ и несчастный расчетъ
 Подлымъ мѣщанствомъ зоветъ....
 Врагъ всякой мысли свободной,
 Чувства и рѣчи родной....
 Экой счастливецъ какой!

Старая пѣсня.

Пѣсни, что-ли, вы хотите?

Пѣсня будетъ не нова...

Но для музыки возьмите,

Въ ней слова, слова, слова.

Обвинять ли наше племя

Иль обычай такъ силенъ,

Что поемъ мы въ наше время

Пѣсню дѣдовскихъ временъ?

Жилъ чиновникъ не богатый.

Просто жилъ, какъ Богъ велѣлъ—

И, посты хранивши свято,

Тысячъ сто нажить умѣлъ,

Но по злобному навѣту
 Вдругъ отъ мѣста отрѣшенъ...
 Да когда-жъ мы кончимъ эту
 Пѣсню дѣдовскихъ временъ?

Мой сосѣдъ въ своемъ имѣньи
 Вздумалъ школы заводить;
 Самъ вмѣшался въ управленье,
 Думалъ бѣдныхъ облегчить...
 И пошла молва по свѣту,
 Что пріятель поврежденъ.
 Да когда-жъ мы кончимъ эту
 Пѣсню дѣдовскихъ временъ?

Самъ не знаю—пѣть ли дальше...
 Я красавицу знавалъ:
 Захотѣлось въ генеральши
 И нашелся генералъ.
 Въ этомъ смысла даже нѣту,
 Былъ другой въ нее влюбленъ...
 Да когда-жъ мы кончимъ эту
 Пѣсню дѣдовскихъ временъ?

Пѣсню старую отъ вѣка,
 Какъ языческій кумиръ—

Гдѣ превыше человѣка
Ставятъ шпоры и мундиръ,
Гдѣ уму простора нѣту,
Гдѣ безсмысленный силенъ...
Да когда-жъ мы кончимъ эту
Пѣсню дѣдовскихъ временъ...

Да когда-жъ споемъ другую?
Развѣ нѣту голосовъ?
И не стыдно дрянъ такую
Пѣть ужъ нѣсколько вѣковъ?
Или спать, сложивши руки,
При движеніи племенъ,
Богатырскимъ сномъ подъ звуки
Пѣсни дѣдовскихъ временъ?

Еще прощай, не забудь меня

Отныне я твой и твой

Еще твой и твой и твой

Еще твой и твой и твой

Да кто-то из нас

Или кто-то из нас

Или кто-то из нас

Да кто-то из нас

Еще твой и твой и твой

И не отныне, а теперь

Или кто-то из нас

Или кто-то из нас

Или кто-то из нас

Еще твой и твой и твой

Или кто-то из нас

Или кто-то из нас

Или кто-то из нас

Еще твой и твой и твой

Или кто-то из нас

Или кто-то из нас

Или кто-то из нас

Еще твой и твой и твой

Или кто-то из нас

Или кто-то из нас

СЪ НОВЫМЪ СЧАСТЬЕМЪ!

(1859-1866)

Черезъ триста шестьдесятъ пять дней.

(1859.)

Вкругъ огня, какъ бабочка, порхая,
И, какъ пыль, стряхая родъ людской—
Съ блѣднлицей спутницей луной,
Шаръ земной летить, не признавая
Никакихъ дѣленій надъ собой;
Но у всѣхъ народовъ есть преданье,
Что два года — лица безъ рѣчей —
На ночное сходятся свиданье
(Гдѣ то тамъ—на граняхъ мірозданья),
Черезъ триста шестьдесятъ пять дней.

Ихъ свиданье мрачно, какъ могила
 (Это мы въ невѣденъи своемъ
 Встрѣчу ихъ привѣтствуемъ виномъ):
 Въ столкновеньи свѣжестъ, юность, сила
 Съ разрушенъемъ, тлѣномъ и старьемъ.
 Старый годъ согнулся у порога:
 Онъ не вѣритъ въ будущность людей,
 Онъ не вѣритъ ни въ какого бога,
 Потому что видѣлъ слишкомъ много
 Въ эти триста шестьдесятъ пять дней.

Новый годъ — тотъ безъ году недѣля —
 Тотъ пришолъ, увидѣлъ и какъ тутъ
 Побѣдилъ предшественника трудъ!
 Онъ горячъ, но въ немъ, и въ самомъ дѣлѣ,
 Много силъ и множество минутъ.
 Но минуты въ жизни скоротечны
 И въ упорной дряхлости своей
 Заблужденья, страсти только вѣчны....
 Гдѣ жъ исходъ предвидится конечный
 Черезъ триста шестьдесятъ пять дней?

Будетъ сильно къ истинѣ стремленье
 И силенъ невѣжества отпоръ;
 Совершится правды приговоръ,

Расточится зло и преступленье,
 Какъ во мракѣ кроющійся воръ;
 Вдругъ опять, съ того или другаго,
 Міръ свернетъ съ указанныхъ путей
 Поворотомъ колеса мірскаго—
 И что было, вдругъ вернется снова
 Черезъ триста шестьдесятъ пять дней....

Съ новымъ годомъ, братья! Сдвинемъ чаши.
 Добрымъ словомъ встрѣтимъ Новый годъ
 П — впередъ! Отважнѣе впередъ!
 Пусть добромъ насъ вспомнятъ дѣти наши
 И Царя благословитъ Народъ!
 Пусть заря всѣхъ дремлющихъ разбудитъ
 И святаго торжества идей
 Мракъ не сгонитъ, холодъ не остудитъ.
 Съ новымъ счастьемъ! И что будетъ — будетъ
 Черезъ триста шестьдесятъ пять дней.

Сонъ на новый годъ.

(1860).

Въ чертогахъ, взысканныхъ богами,
Въ сіяньи солнечныхъ лучей,
Разлитыхъ Кумберга шарами
По оживленной панорамѣ
Деревъ тропическихъ, дверей
Тяжелымъ бархатомъ висящихъ,
Ковровъ, ступей, лакеевъ, залъ,
Картинъ, портретовъ, рамъ блестящихъ
И на три улицы глядящихъ,
Атласомъ убранныхъ, зеркалъ;

Въ волнахъ невнятныхъ разговоровъ,
 Алмазовъ, лентъ, живыхъ цвѣтовъ,
 Тончайшихъ кружевъ, ясныхъ взоровъ,
 Почтенныхъ лысинъ, важныхъ споровъ,
 Мірозидительныхъ головъ,
 Прелестныхъ дѣвъ, хранимыхъ свято,
 Старушекъ, чуждыхъ суеты,
 Умовъ, талантовъ чище злата —
 Въ сліяньи свѣта, аромата,
 Тепла, простора, красоты: —

Какъ нуль, примкнутый къ единицамъ,
 Для округленья единицъ,
 Внимая скромно важнымъ лицамъ,
 И удивляясь львамъ и львицамъ,
 Я всей душой склонялся ницъ,
 Какъ вдругъ — раздался тушъ громовый,
 Холодный поданъ мнѣ бокалъ
 И бой часовъ густой, суровый
 Провозвѣстилъ, что нынѣ новый
 Шестидесятый годъ насталъ.
 Отдавшись весь теплу и свѣту,
 Въ волненьяхъ авторской тоски,

Я всталъ, какъ слѣдуетъ поэту,
 Скользя по свѣтлому паркету
 Ногой, обутой щегольски.
 По оживленной панорамѣ
 Пронесся гуль, какъ ропотъ водъ:
 „Mesdames, M-r Знаменскій... стихами...
 Messieurs!... желаетъ передъ нами
 Сказать стихи на Новый годъ.“

Игра и вальсъ остановились;
 Съ участием дѣтскимъ, предо мной
 Головки нѣжныя склонились
 И всѣ очки въ меня вперились...
 Лакею сдавъ бокаль пустой,
 Подкупленъ ужиномъ грядущимъ
 И бѣлизной открытыхъ плечъ,
 Я возгорѣлся жаромъ пущимъ
 И съ вдохновеньемъ, мнѣ присущимъ,
 Провозгласилъ такую рѣчь:

Я говорилъ: „Въ нашъ вѣкъ прогресса,
 Девизъ и знамя нашихъ дней
 Не есть анархія идей,

А примиренье интереса,
 Съ святыми чувствами людей,
 „Исполнясь гордаго сознанья,
 Чты мы кладемъ основы зданья,
 Неразрушимаго въ вѣкахъ,
 Призванья нашего достойны,
 Пребудемъ мудры и спокойны,
 Какъ боги древнихъ въ небесахъ.

„Согласно требованьямъ вѣка,
 Возвысимъ личность человѣка,
 Свободный трудъ его почтимъ
 И, поражая зла остатки,
 Единодушно: взятки гадки!
 На всю Россію прокричимъ.

„Вослѣдъ за крикомъ обличенья,
 Безъ лихорадки увлеченья,
 Мы станемъ дѣйствовать въ тиши;
 И такъ какъ гласности мы вѣримъ,
 Благонамѣрено умѣримъ
 Порывы страстные души.

„Друзья мои, поэта лира
 Одни святые звуки мира

На вѣщихъ струнахъ издаетъ;
 И счастья всѣмъ—въ убогихъ хатахъ
 И въ раззолоченныхъ палатахъ —
 Пѣвецъ желаетъ въ новый годъ.

„Тсбѣ, Сорокинъ,—чтобы могъ ты
 Отъ Бугорковъ до Малой Охты
 Скупить дома до одного;
 И чтобъ отъ звуковъ сладкой лиры
 Надбавка платы на квартиры
 Не тяготила никого.

„Чтобъ чарки водки въ Воскресенье—
 Труда тяжелаго забвенье—
 Была у бѣдныхъ мужичковъ;
 И вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ паки, паки
 Разбогатѣлъ Тармаламаки,
 Снимая пѣнки съ откуповъ.

„Чтобъ сметка русскихъ не дремала
 И чтобъ торговля оживляла
 Всѣ города родной земли,
 И чтобы нѣмцы и французы
 Изъ Петербурга денегъ грузы
 Въ отчизну также увезли.

„Чтобъ каждый думалъ съ новымъ годомъ
Соразмѣрять приходъ съ расходомъ,
Свой личный трудъ и трудъ чужой;
И чтобы дамскіе наряды,
Какъ здѣсь, плѣняли наши взгляды
Неравномѣрно съ красотой.

„Чтобъ вездѣ, въ углу, въ подвалѣ,
Въ тюрьмѣ, въ нетопленной избѣ:
Всѣ также Новый годъ встрѣчали,
Какъ мы, въ роскошной этой залѣ,
Позабывая о себѣ!“

Рукоплесканья заглушили
Мой безыскусственный привѣтъ;
Старушки тихо слезы лили
А старцы громко говорили,
Что я—единственный поэтъ,
Что Русь талантами богата!...
Всѣ львы сошлись со мной на ты,
Въ моемъ лицѣ цѣлуя брата,—
Въ сліянья свѣта, аромата,
Тепла, простора, красаты.

1861 годъ.

(Элегія.)

Семь тысячъ триста шестьдесятъ

Девятый годъ,

Какъ человѣкъ ползетъ назадъ,

Бѣжитъ впередъ;

Семь тысячъ триста слишкомъ лѣтъ

Тому назадъ

Изображалъ весь бѣлый свѣтъ

Фруктовый садъ.

Мы, господа, ведемъ свой счетъ

Съ того числа,

Когда Адамъ отвѣдалъ плодъ

— добра и зла.

Семь тысячъ лѣтъ пошли ко дну

Съ того утра,

Какъ человѣкъ нашелъ жену,

— лишась ребра;

Съ тѣхъ поръ счетъ ребрамъ у друзей

Мужья ведутъ,

Когда въ наивности своей

— Ихъ жены лгутъ.

И все обманъ и все любовь—

Добро и зло!

Хоть время семьдесятъ вѣковъ

Землѣ сочло.

Потомъ мудрецъ на свѣтѣ жилъ,—

Гласить молва —

За супъ онъ брату уступилъ

Свои права.

Потомъ заспорилъ родъ людской,

Забывъ урокъ,

За призракъ власти, за дрянной

Земли клочокъ;

За око око, зубъ за зубъ

Ведеть войну —

За тотъ же чечевичный супъ,

Какъ въ старину.

Прошли вѣка; воюеть міръ

И льется кровь —

Сегодня рухнулся кумиръ,

А завтра вновь

Встають неправда и порокъ

Еще сильнѣй —

И служатъ порохъ и станокъ

Страстямъ людей.

И спорять гордые умы

Родной земли:

„Что нужно намъ? Откуда мы?

Куда пришли?

„Должны ли мы на общій судъ

Тащить все зло

Иль чтобъ, по старому, подъ спудъ

Оно легло?

Крестьянамъ грамотность — вредна

Или добро?

Въ семействѣ женщина — жена

Или ребро?

Созрѣлъ ли къ пищѣ каждый ротъ?

Бить или нѣтъ?

Такъ вопрошаютъ Новый годъ

Семь тысячъ лѣтъ.

CERCLE RUSSE

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

Семейная встрѣча 1862 года.

Читатели, являясь передъ вами

Въ четвертый разъ,

Чтобъ въ Новый годъ и прозой и стихами

Поздравить васъ,

Хотѣлъ бы вамъ торжественно воспѣть я,

Да и пора бъ, —

Россійскаго весь блескъ тысячелѣтъ—

Но голосъ слабъ....

Читатели, серьезной русской прессѣ

Оставимъ мы

Все важное, всѣ толки о прогрессѣ

И „царствѣ тьмы.“

Досвѣтвуясь лишь неизбѣжно-сущимъ,
И близкимъ намъ,
Поклонимся во здравіи живущимъ,
Роднымъ отцамъ.
Пусть юноши къ преданіямъ спѣсивы,
Не чтутъ родныхъ,—
Но бабушки и дѣдушки всѣ живы,
На зло для нихъ.
Не измѣнивъ себѣ ни на полъ-слова,
Какъ соль земли,
Всѣ фазисы развитія вѣковаго
Они прошли.
Понятія ихъ живучи и упруги
И Новый годъ,
По прежнему, въ семейномъ тѣсномъ кругѣ,
Ихъ застаесть.
Привѣтъ мой вамъ, старушка Простакова.
Вы всѣхъ добрей.
За чѣмъ же вы глядите такъ сурово
На сыновей!
Порадуйтесь — здѣсь много Митрофановъ —
Ихъ Богъ хранить;
Ихъ никакимъ составомъ химикъ Ждановъ
Не истребить.

Ихъ дѣтскій сонъ и крѣпокъ и невиненъ,

По старинѣ.

Поклонъ тебѣ, мой другъ, Тарасъ Скотининъ,

Дай руку мнѣ!

Свинюшникъ твой далекъ, братъ, до упадка;

Въ немъ тьма свиней.

Почтенный другъ! Въ нихъ нѣту недостатка

Для нашихъ дней.

По прежнему, породисты и круны,

А какъ ѣдятъ!

Нажрутся такъ, что, братецъ, недоступны

Для поросятъ.

Отъ поросятъ переходя къ Ноздреву.

Мы узнаемъ,

Что по добру живетъ онъ, по здорову,

Въ селѣ своемъ.

Все такъ же онъ, какъ былъ, наѣздникъ ражій

Киргизскихъ ордъ,

И чубуки его опасны, даже,

Для держимордъ.

Беретъ въ обмѣнъ щенковъ и рукодѣля,

И жретъ и вретъ,

Но ужъ кричить, особенно съ похмѣлья:

„Прогрессъ! Впередъ!“

— Прогрессъ! Прогрессъ! Ты всѣмъ намъ задалъ дѣло!

Никто не спить.

Коробочка замѣтно отупѣла

Но все скрипитъ.

Ужъ Чичиковъ съ тобой за панибрата.

На вечерахъ

Онъ говоритъ гуманно, кудревато

Объ мужичкахъ,

Про грамотность во всѣхъ посадахъ, селахъ,

По деревнямъ,

И наконецъ — дѣтей въ воскресныхъ школахъ

Онъ учить самъ.

Замыслилъ онъ, съ отвагою бывалой,

Трудясь, какъ волъ,

Народный банкъ, газету, два журнала

И общій столъ.

Объ немъ кричить публично Репетиловъ;

Его вознесъ

До облаковъ чувствительный Маниловъ

Въ потокахъ слезъ:

Моль, Чичиковъ гуманень! Идеалень!

Ведеть впередъ!

Съ Петрушкою знакомится Молчалинъ,

На чай даетъ.
 Всѣ бѣгаютъ, всѣ веселы, здоровы,
 Движенье, шумъ —
 Особенно замѣтны Хлестаковы,
 Гдѣ нуженъ умъ.
 На раутахъ, на чтеніяхъ, по клубамъ,
 Свои стихи
 Тряпичкины читаютъ Скалозубамъ,
 За ихъ грѣхи.
 Абдулины усердно быютъ поклоны
 Своимъ властямъ.
 Пошлепкины и слесарскія жены —
 Всѣ по мѣстамъ.
 Какъ человѣкъ въполнѣ великосвѣтскій,
 Мильономъ глазъ,
 Вездѣ Антонъ Антонычъ Загорѣцкій
 Глядитъ на насъ.
 Отъ Шпекиныхъ усердьемъ въ службѣ пышетъ
 И болтовней, —
 И Фамусовъ, какъ прежде, все подпишетъ
 И съ плечъ долой!

Тысячелѣтіе Россіи

(1863 г.)

Вотъ уже тысяча лѣтъ,
Какъ существуетъ Россія.
Есть въ ней Скарятинъ — поэтъ,
Есть въ ней Арсеньевъ — витія;
„Время“ стоитъ за народъ,
Павловъ поетъ велегласно, —
Стало быть, пресса цвѣтетъ —
Ну и прекрасно!

Что вы смущаете насъ,
Грозный бояринъ Аксаковъ?

*

Что возставать на танцелась,
Что воевать противъ фраковъ?
Если мы всѣ по баламъ
Бѣдимъ и пляшемъ такъ страстно, —
Стало быть, весело намъ.....

Ну и прекрасно!

Нынче ужъ самый морозъ,
Выгнавшій двадцать языковъ,
Уши щадить намъ и носъ,
Лютую силу размыкавъ.
Нѣмцевъ въ Россіи число
Такъ и растеть ежечасно.
Стало быть, нѣмцамъ тепло,

Ну и прекрасно!

Русскій отъ нихъ не отсталъ;
Въ пику коварнымъ тедескамъ,
Верди для насъ написалъ
Оперу съ громомъ и трескомъ.
Мы поплатились за честь,
Но ужъ никакъ не напрасно.....
Стало быть, денежки есть,

Ну и прекрасно!

Деньгами край нашъ богатъ.
Мы тароватые бары.
Сахару ставить хотятъ
Памятникъ сахаровары.
Значить, заводы цвѣтутъ,
Мы богатѣемъ ужасно;
Стало быть, сладокъ нашъ трудъ....
Ну и прекрасно!

Въ чемъ же судьбу обвинять?
Всѣ мы живемъ, какъ умѣемъ.
Вотъ ужъ народъ просвѣщать
Кушнеревъ сталъ „Грамотѣмъ“,
Что же порочить весь свѣтъ?
Что-жъ волноваться напрасно?
Прожили тысячу лѣтъ —
Ну и прекрасно!

Предвѣщанія на 1865 годъ.

Жди яснаго на утро дня

Стрижи мелькають и звенять

А. Фетъ.

Оставивъ оханья и вздохи,

Начнемъ жить мирно, безъ заботъ —

„Заправскій“ календарь „Эпохи“

Сулитъ намъ счастье круглый годъ.

Пускай дни пасмурны, ненастны —

(Примѣты правду говорятъ)

Не нынче—завтра будутъ ясны!

Стрижи мелькають и звенять.

Не нынче, съ будущаго года,

Наступить наконецъ для всѣхъ

Всегда хорошая погода,

Всего хорошаго успѣхъ.

Ужъ это время близко... близко...

Ужъ все идетъ на новый ладъ ..

Ужъ на "Эпоху" есть подписка —

Стрижи мелькаютъ и звенятъ.

Не нынче, завтра, всѣ народы

Забудутъ разницу племенъ

И развернутся въ хороводы

Изъ боевыхъ своихъ колоннъ.

Любовь смѣшаетъ всѣ знамена

Канканъ танцующихъ солдатъ —

Ужъ есть программа—Сен-Леона...

Стрижи мелькаютъ и звенятъ.

Не нынче, завтра, съ новымъ годомъ

Произойдетъ у всѣхъ въ глазахъ

Сближенъе общества съ народомъ —

Въ банкетныхъ спичахъ и рѣчахъ.

И сколько будетъ нѣжныхъ слитій.

Демократическихъ тирадъ —

Въ мѣстахъ „продажи разныхъ питей“.

Стрижи мелькаютъ и звенятъ.

Во всѣхъ избушкахъ самовары
 Вознаградятъ крестьянскій трудъ;
 На иностранные товары
 Внезапно цѣны упадутъ.
 Ужъ не довольствуясь рѣчами,
 Иной пресыщенный магнатъ
 Пьетъ нынче кофе съ калачами.
 Стрижи мелькаютъ и звенятъ.

Воровъ не будетъ. Полонъ злобы
 (Хоть самъ изъ книжекъ захватилъ)
 Ихъ всѣхъ къ Краевскому въ „Трущобы,“ *)
 Загналъ гишпанскій алгвазилъ;
 Ну, а оставшійся излишекъ
 Смететъ Сикевичъ заурядъ **),
 Карая уличныхъ мальчишекъ.
 Стрижи мелькаютъ и звенятъ.

Наука выйдетъ изъ пустыни
 На путь народно-бытовой;

*) Зри «Конекъ Горбунокъ» балетъ г-на Сан-Леона.

**) Бывшій редакторъ» Петербургскаго листка.

Для школъ народныхъ по-латыни
Переведется Домострой.

На зависть западнаго міра,
Ерыжнымъ вѣяньямъ объять
Затмить Аверкіевъ Шекспира.
Стрижи мелькаютъ и звенятъ.

Исчезнутъ сонмы фарисеевъ,
На картѣ сыщется Тамбовъ,
Аксаковъ обойметъ Евреевъ,
Свой четвертакъ найдетъ Катковъ.
Не будетъ слабыхъ, нищихъ бѣдныхъ,
Судьба всѣмъ равный дастъ о кладъ,
Златыхъ надеждъ и денегъ мѣдныхъ.
Стрижи мелькаютъ и звенятъ.

Все такъ устроится, что не въ чемъ
Судьбу намъ будетъ обвинять.
Блаженъ, кто вѣритъ птицамъ пѣвчимъ
И радъ всю жизнь погоды ждать.
И я бы пѣлъ въ веселомъ тонѣ,
Но, утомляя слухъ и взглядъ,
Кругомъ, на сѣромъ небосклонѣ,
Стрижи мелькаютъ и звенятъ. —

Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

(1865)

Общество было весьма либеральное;
Шли разговоры вполне современные,
Поваръ измыслилъ меню геніальное,
Вина за ужиномъ были отмѣнныя.
Мы говорили о благѣ людей,
Кушая, впрочемъ, съ большимъ аппетитомъ.
Много лилося высокихъ идей,
Съ хересомъ свѣтлымъ и теплымъ лафитомъ.
Вотъ, заручившись бокаломъ клико,
Всталъ, улыбаясь, ораторъ кружка;

Бодро взглянулъ и, прищурясь слегка,
 Будто мечтой уносясь далеко,
 Началъ свой спичъ свысока.

Мы ужъ не слушали спичъ...
 Мы, будто, сдѣлались нѣмы и слѣпы.
 Мало того: даже вкусная дичь —
 Тетерева, дупцеля и вальдшнепы —
 Будто, порхнули и скрылись изъ глазъ;
 Съ ними порхнуло и самое блюдо...

Такъ поразило всѣхъ насъ
 Вдругъ происшедшее чудо.

Кто она? Кто ее звалъ?
 Расположилась какъ дома,
 Пьетъ за бокаломъ бокаль,
 Будто со всѣми знакома.

Бойко на всѣхъ насъ глядитъ...
 Просить у общества слова...
 Тс... поднялась... говорить...

— Ну ее! молвилъ сурово,
 Гнѣвно махнувши рукой,

Нѣкто, молчавшій весь ужинъ,
Сдержанный, блѣдный и злой.
Онъ никому не былъ нуженъ;
Былъ онъ для всѣхъ насъ тяжелъ,
Хоть говорилъ очень мало....
Съ нимъ мы боялись скандала,
Такъ что, когда онъ ушолъ,
Легче намъ, будто бы, стало...

Впрочемъ, мы шикнули обществомъ всѣмъ
(Онъ уже былъ за дверями)
И обратились затѣмъ
Къ вновь появившейся дамѣ.

Дама собой не дурна —
Круглыя формы и нѣжное тѣло...
Полно! Да вновь ли явилась она?
Нѣтъ, эта дама весь вечеръ сидѣла.
Раньше ее мы видали сто разъ;
Нынче жъ, увлекшись общественной ломкою,
И не замѣтили милыхъ намъ глазъ...

Нѣтъ! Положительно каждый изъ насъ
Встрѣтился съ нею какъ съ старой знакомкою.

Безукоризненъ на дамѣ нарядъ:
Вся въ брилліантахъ; вся, будто, изъ свѣта...
Внемлетъ и дремлетъ ласкающій взглядъ;
Голосъ — какъ будто, стрижи въ немъ звенятъ...
Дама хоть въ музы годится для Фета.

Богъ ее вѣдаетъ сколько ей лѣтъ,
Только, ужъ какъ ни разсматривай тщательно,
Вовсе морщинъ на лицѣ ея нѣтъ;
Губы и зубы и весь туалетъ
Аранжированны слишкомъ старательно.

Впрочемъ, чего же? Румяна, бѣла,
Какъ госпожа Одинцова опрятная,
Вся расфранченная, вся ароматная,
Самодовольствіемъ дама цвѣла;
Дама, какъ слѣдуетъ дама, была —
Дама во всѣхъ отношеніяхъ пріятная.

Общество наше совсѣмъ расцвѣло.

Самодовольно поднявши чело,
 Какъ королева предъ вѣрнымъ народомъ,
 Дама поздравила насъ съ Новымъ годомъ.

„Я въ Новый годъ“ говорила она —

„Слово сказать непременно должна;“

(Слушать мы стали внимательно.)

„Праздникъ на улицѣ нынче моей“

(И согласились мы внутренно съ ней,

Всѣ, какъ одинъ, безсознательно.)

„Полной хозяйкой вхожу я въ дома;

„Я созвала васъ сегодня сама;

„Утромъ, чуть свѣтъ, легіонами,

„Всюду, гдѣ только передняя есть,

„Шубы висятъ и валяется „Вѣсть“

„Я поведу васъ съ поклонами.

„Слово мое лучше всѣхъ вашихъ словъ.

„Много вы въ жизни сплели мнѣ вѣнковъ;

„Вамъ укажу на сосѣда я“

(Дамы сосѣдъ былъ ораторъ мудрецъ)

„Милый! ты былъ мой усерднѣйшій жрецъ,

„Самъ своей роли не вѣдая.

„Онъ собирался вамъ рѣчь говорить,
 „Прежде всего бы онъ долженъ почтить
 „Вашего добраго генія.

„Я вамъ дороже всѣхъ женъ и сестеръ“,
 (Лобъ свой ораторъ при этомъ потеръ,
 Будто ища вдохновенія.)

„Вѣрная спутница добрыхъ людей,
 „Няньчу я васъ на зарѣ вашихъ дней,
 „Тѣшу волшебными сказками;
 „Проблески разума въ дѣтяхъ ловлю
 „И отвѣчаю: „агу! и гулю!“
 „И усыпляю ихъ ласками.

„Въ юношахъ пылкихъ, для битвы со зломъ
 „Смѣло готовыхъ идти на проломъ,
 „Кровь охлаждаю я видами
 „Близкой карьеры и дальнихъ степеней,
 „Или волную гораздо сильнѣй
 „Минами, Бертами, Идами.

„Смотришь: изъ мальчиковъ, преданныхъ мнѣ,
 „Мужи солидные выйдутъ вполне
 „Съ знаньемъ, съ апломбомъ, съ патентами,

„Ну, а мужей, и особенно женъ,

„Я утѣшаю съ различныхъ сторонъ, —

„Бантами, кантами, лентами,

„Шляпками, взятками... чортъ знаетъ чѣмъ

„Тѣшу, пока успокою совѣмъ.

„Старецъ, покрытыхъ сѣдинами,

„Съ тѣмъ, чтобъ согрѣть ихъ холодную кровь

„Фетомъ, балетомъ, паштетомъ и вновь

„Идами, Бертами, Минами.

„Горе тому, кто ушелъ отъ меня;

„Въ жизни не встрѣтитъ спокойнаго дня,

„Въ мукахъ не встрѣтитъ участія!

„Пью за здоровье адептовъ моихъ:

„Весело вносить сегодня для нихъ

„Новый годъ новое счастье.

„Прочно ихъ счастье, побѣда вѣрна.

„Въ битвѣ, кипящей во всѣ времена

„Съ кознями злыми бѣсовскими,

„Чтобъ защитить ихъ надежнымъ щитомъ,

„Я обернусь „Петербургскимъ Листкомъ“,

„Вѣдомостями Московскими“.

„Все я сказала сегодня вполнѣ.
 „Некуда дальше и нѣкогда мнѣ,
 Но... (тутъ улыбка мелькнула злодѣйская,
 Въ дряхломъ лицѣ вызвавъ бездну морщинъ)
 Надо сказать мое имя и чинъ:
 Имя мнѣ — „Пошлость житейская“.

Дрогнувъ отъ ужаса весь нашъ совѣтъ.
 „Пошлость!“ мы вскрикнули, Дамы ужъ нѣтъ.

И до сихъ поръ мы не знаемъ навѣрное:
 Было ли это видѣніе скверное,
 Или какой нибудь святочный шутъ
 Насъ мистифировалъ десять минутъ;
 Только мы съ Пошlostью Новый Годъ встрѣтили,
 Даже морщины ея чуть замѣтили, —
 Такъ насъ прельстила, въ кокетствѣ привычная,
 Вся расфранченная, вся ароматная,
 Дама во всѣхъ отношеньяхъ приличная,
 Дама во всѣхъ отношеньяхъ пріятная.

Чистосердечное признаніе одного изъ многихъ.

(1866.)

Минувшій годъ я весь провелъ прекрасно.

Какъ онъ прошелъ—я не замѣтилъ самъ,

Но вообще прошелъ онъ не напрасно:

Есть вспомнить что и дѣтямъ и отцамъ!

Я въ Новый Годъ обѣдалъ у вельможи.

Къ шести часамъ собрался весшій свѣтъ.

Скучали всѣ—и я былъ скученъ тоже—

Но вообще прекрасный былъ обѣдъ.

Ученыхъ и общественныхъ вопросовъ

Тьму тьмущую поставилъ этотъ годъ.

Прошло сто лѣтъ, какъ умеръ Ломоносовъ;

Какъ далеко мы двинулись впередъ!

Обѣдалъ-я въ роскошной, свѣтлой залѣ.

Названій блюдъ мнѣ не забыть сто лѣтъ...

Не помню ужъ зачѣмъ и что читали—

Но вообще прекрасный былъ обѣдъ.

Съ наукою шло объ руку искусство,

Какъ гибкій плющъ, обвивъ могучій дубъ;

Еще обѣдъ припомню не безъ чувства:

Художники у насъ открыли клубъ.

Ковры, драпри и мебель—все отлично...

Ну кое что сказалъ бы про буфетъ,

Да кое что о выставкѣ годичной...

Но вообще прекрасный былъ обѣдъ.

Принадлежа и самъ къ числу „хозяевъ“,

Я посѣщалъ усердно каждый съѣздъ;

Тамъ слушали такъ жадно краснобаевъ,

Что за столомъ не доставало мѣстъ.

Сіяли тамъ, переливаясь тонко,

Свѣтъ знанія и люстръ громадныхъ свѣтъ...

Особенно понравилась мнѣ жжѣнка—

И вообще прекрасный былъ обѣдъ.

Минувшій годъ во многомъ вспомнить любо,
Вотъ, напимѣрь, еще обѣдъ возьмемъ—
Открытіе служительскаго клуба—
Участіе я тоже принялъ въ немъ.
Не показаль ни жестомъ я, ни взглядомъ,
Что для меня противень мой сосѣдъ...
Представьте—я сидѣлъ съ лакеемъ рядомъ....
Но вообще прекрасный былъ обѣдъ.

Всѣ высшіе цѣнилъ я интересы
И временемъ имъ жертвовалъ всегда:
Обѣдалъ я за процвѣтанье прессы,
Обѣдалъ я въ честь женскаго труда;
Пилъ за успѣхъ „Русалки“ и „Рогнеды“,
За оперу, за драму, за балетъ...
Тьфу! Чортъ возьми! Не вспомню всѣ обѣды!
Но каждый разъ прекрасный былъ обѣдъ!

Держась всегда вдали отъ нигилистовъ,
Въ серьезные вопросы погружонъ,
Я былъ введенъ въ кружокъ экономистовъ
И на обѣдъ былъ ими приглашонъ.
Сводили тамъ итоги и балансы;
Я тоже свелъ: вѣдь круглый годъ банкетъ!

Однако я растресъ таки финансы....

Но вообще прекрасный былъ обѣдъ.

Какъ годъ прошелъ—я, право, не замѣтилъ;

Весь годъ не зналъ, что значить слово—лѣнь

И новый годъ съ бокаломъ также встрѣтилъ

И на обѣдъ поѣхалъ въ первый день.

Шумѣли тамъ, рѣшали то и это;

Разъѣхались—на улицѣ ужъ свѣтъ.

Вопросы всѣ остались безъ отвѣта,—

Но вообще прекрасный былъ обѣдъ.

На праздникахъ.

Принарядясь, я въ первый день святой

Недѣли,

По улицамъ пошелъ бродить съ толпой

Безъ цѣли

И не затѣмъ, чтобъ дѣлать безъ ума

Визиты —

Мнѣ и безъ нихъ въ столицѣ всѣ дома

Открыты.

Я сынъ толпы, я остальныхъ людей

Не выше,

Но для меня снимаетъ Асмодей

Всѣ крыши.

Безъ слезъ, безъ смѣха съ похоронъ летимъ

На пиръ мы —

И падаютъ предъ мной и передъ нимъ

Всѣ ширмы.

Диктуй же, чортъ! Для насъ обнажена

Натура,

Такъ чортъ ли въ томъ, что не соблюдена

Цезура!

На первый разъ по улицѣ пройдемъ

Въ день Пасхи —

И на людей давай смотрѣть вдвоемъ

Безъ маски:

А маски съ нихъ — снимай, кому не лѣнь! —

Не трудно;

Особенно, когда въ воскресный день,

Такъ людно.

Валить толпа, воскресные надѣвъ

Наряды,

Хоть на душѣ у многихъ злость и гнѣвъ —

Всѣ рады.

Чиновниковъ, — возницы чуя кнутъ —

Мчатъ кони

На всѣхъ рысяхъ, какъ будто сзади ждуть

Погони.

(Усердія-то сколько черезъ край

И жару,

Чтобы въ дверяхъ полтинникъ дать на чай

Швейцару!)

Красавицы проносятся стрѣлой

Въ коляскѣ,

Чтобъ поцѣлуй дать старцу покупной,

Въ знакъ ласки.

Все призракомъ волнуется кругомъ

— Туманнымъ:

И яйца и пасхи съ куличемъ

Шафраннымъ,

— Съ конфетами корзины, пироги

Съ цвѣтами....

И—чмокъ, чмокъ, чмокъ! —цѣлуются враги

Съ врагами;

Въ нестройный гулъ веселый говоръ слить,

День велій!

— Несется пыль отъ топота копытъ

Въ Апрѣлѣ!

—

Какая смѣсь и пестрота цвѣтовъ,

Нарядовъ,

Движеній губъ, походовъ, голосовъ

И взглядовъ...

Здѣсь не прочтешь ни буквы безъ чужой

Указки....

О, еслибъ мнѣ!... Вдругъ слышу за спиной:

„Все сказки!

„Отличія не трудно перечестъ

„Нисколько!

„Ихъ только два: тщеславіе и лесть—

„И только.

„Мой юный другъ, я вѣдаю людей

„Съ ихъ жаромъ

„И холодомъ... зовусь я Асмодей

„Не даромъ.

„И крупный вашъ и маленькій народъ,

„Вся братья,

„Для ближняго, раскрывшая разъ въ годъ

„Объятыя,

„И вашъ кумиръ, и золотое дно,

„И знатный,

„И этотъ льстецъ дрянной, для всѣхъ равно

„Пріятный,

„И дѣвочки, лишенные стыда,

„И дамы —

„Все это вздоръ — есть только господа

„И хамы.

„Въ порядочно-устроенныхъ домахъ

„Лакеи

„Для праздниковъ надѣли въ галунахъ

„Ливрей.

„Дивуешься причудливымъ на видъ

„Затѣямъ —

„Хотя лакей и въ праздники глядитъ

„Лакеемъ.

„Для праздниковъ сіяютъ лица ихъ

„И платья,

„Чтобъ съ нѣжностью принять господъ своихъ

„Въ объятья.

„Всѣ спины ихъ сгибаются одной

„Основой —

„Звѣзду-ль схватить иль вырвать трудовой

„Цѣлковый.

„И господа снисходятъ къ ихъ спинѣ

„Столь гибкой,

„И ихъ дарятъ — чтобъ ужь дарить вполнѣ —

„Улыбкой;

«Цѣлуютъ ихъ, привѣтливо въ уста

«Такъ свято,

«Какъ, помню я, мой другъ лобзалъ Христа

„Когда-то.

„Всѣ веселы, составивъ дружный хоръ

„Семейства;

„Хоръ изъ двухъ нотъ: спѣсъ барства и позоръ

Лакейства...”

Я, признаюсь, такой не ожидалъ.

Развязки.

Ужели мы?... Нѣтъ—Асмодей налгалъ,

„Все сказки!”

Такъ думалъ я,—и вѣря лишь одной

Минутѣ, —

Въ лакеи самъ пошелъ, махнувъ рукой,

Къ Анютѣ.

Идеальная ревизія.

—Дороги у васъ въ околodкѣ!

Ухабы, озера, бугры!

—Пожалуста, рюмочку водки;

Пожалуста, свѣжей икры.

—Выходить, что вы, не по чину....

За это достанется вамъ....

—Пожалуста, кюммелю, джину;

Пожалуста, рижскій бальзамъ.

—Пословица службы боярской:

Бери, да по чину бери.

—Пожалуста, честеръ, швейцарскій:

Пожалуста, стильтону, бри.

—Дороги, положимъ, бездѣлки:

Но былъ я въ острогѣ у васъ....

—Пожалуста—старой горѣлки,

Галушекъ, грибочковъ, колбасъ.

—Положимъ, что часъ адмиральской;

Да вотъ и купцы говорятъ....

—Угодно-съ ветчинки вестфальской?

Стерлядка-съ, дичинка, салатъ....

—Положимъ, что въ вашу защиту

Вы фактъ не одинъ привели....

—Угодно-съ Икемцу, Лафиту?

Угодно-съ Рейнвейну, Шабли?

—Положимъ, что вы увлекались....

Сходило предмѣстнику съ рукъ.....

—Сигарочку вамъ-съ; Имперьялись,

Регалія, Упманъ, Трабукъ.

—Положимъ, я строгъ черезъ мѣру

И, какъ нибудь, дѣло сойдетъ.....

--Пожалуста.... Эй! Редереру!

Поставить двѣ дюжины въ ледъ!

Жалоба чиновника.

Человѣкъ я хорошаго нрава—

Право!

Но нельзя-же служить, какъ извѣстно,

Честно.

Я вполнѣ соглашаюсь, что взятки

Гадки;

Но семейство, большое къ тому-же,

Хуже.

Точно: можно ходить и въ веригахъ—

Въ книгахъ.....

А чтобъ эдакъ-то бѣгать по свѣту—

Нѣту!

Разсуждаютъ, награвивши много,

Строго:

Капиталъ де отъ предковъ имѣли!

Всѣ-ли?

И меня вѣдь Господь не обидѣлъ:

Видѣлъ,

Какъ и тѣ, что статейки писали—

Брали.

Такъ за чтожъ распекать-то сверхъ штата

Брата?

Одного вѣдь отца мы на свѣтѣ,

Дѣти!

Вдовушка и поручикъ.

(Романъ въ осьми строфахъ.)

Разъ у вдовушки прекрасной,
Всѣ любовью изнывая,
Вечеръ осени ненастной
Проводили мы, вздыхая,—
Дипломатъ довольно блѣдный,
Бюрократъ довольно тучный,
Я, художникъ очень бѣдный
И поручикъ очень скучный.

Разговоръ шелъ очень вяло,
Но хозяйка очень мила,

Такъ какъ чай намъ разливала,
 „Сладокъ чай?“ у насъ спросила.
 Мы, какъ требуетъ порядокъ,
 Поклонились очень скромно....
 «Какъ улыбка ваша сладокъ!»
 Произнесъ поручикъ томно.
 На любезность въ этомъ родѣ
 Всѣ мы взоры опустили
 И искусно на погодѣ
 Разговоръ остановили.
 Ну, предметъ такой обиленъ!
 Какъ, молъ, вѣтрено, ненастно....
 «Вѣтеръ-съ? будто взглядъ вашъ силенъ»
 Произнесъ поручикъ страстно.
 Мы потупились, какъ прежде,
 И вступили въ состязанье
 О политикѣ, въ надеждѣ
 На поручичье молчанье.
 Говоримъ что все случайно,
 Тщетна всякая догадка,
 „Такъ и въ сердцѣ вашемъ тайна!“
 Произнесъ поручикъ сладко.

Въ настроеніи сердитомъ
 Мы вступили, какъ-то дико,
 Въ разговоръ о знаменитомъ
 Ut diez'ѣ Тамберлика;
 Говоримъ, что онъ всѣ струны
 Сердца трогаетъ искусно....
 «Въ вашемъ голосѣ—перуны!»
 Произнесъ поручикъ грустно.

Блѣдны, пасмурны и нѣмы,
 Злясь на вечеръ неудачный,
 Отъ вдовы уходимъ всѣ мы,
 Какъ осенній вечеръ мрачны;
 И галоши надѣвая,
 Съ видомъ страсти безнадежной —
 «Ухожу! Лишаюсь рая!»
 Произнесъ поручикъ нѣжно.

Мой художникъ застрѣлился,
 Майской ночью на разсвѣтѣ;
 Я съ отчаянья рѣшился
 Написать стихи,—вотъ эти —
 И поручику ихъ злобно
 Прочиталъ, съ большимъ искусствомъ;

„Очень мило! безподобно!“

Произнесъ поручикъ съ чувствомъ.

Казнокрѣдство—бюрократа

Утѣшенъ было въ горѣ;

Опѣ попался, дипломата

Унесло весною въ морѣ.

И вступивши въ бракъ законный

Съ нашей вдовушкой прекрасной—

«Ты моя!» какъ изступленный,

Произнесъ поручикъ страстно.

Въ лѣтнемъ саду.

— Скажи мнѣ, милое дитя,
Въ такомъ хорошенькомъ костюмѣ,
Всегда ль ты думаешь, шутя,
Играть съ дѣтьми въ веселомъ шумѣ?
— Папа мнѣ обручъ подарилъ:
Смотрите: вотъ какой красивый.

И слѣдъ ужъ дѣвочки простылъ.

— Пожалуй, дѣти и счастливы!

— Ну ты что скажешь, мальчуганъ?
Ты съ виду что-то слишкомъ чинный.
— Вчера папаша мнѣ въ карманъ

Самъ положилъ пятиалтынный.

Сказалъ: „добудь на этотъ пять,

Я наживалъ ужъ въ годы эти“.

А я... не знаю... гдѣ ихъ взять.

— Какъ злополучны наши дѣти!

— Ты что грустна? будь веселѣй!

— А мнѣ на именинахъ тетя

Вдругъ подарила: „Другъ дѣтей...“

Такая книжка... въ переплетѣ....

Ужъ я читала, какъ могла...

Тамъ „Оедя злой“ „Иванъ строптивый...“

Я ничего не поняла...

— Пожалуй, дѣти и счастливы!

— А вы, дитя мое, сейчасъ

Вы глазки сдѣлали—не мнѣ-ли?

— Ah! quelle idée! Въ кругу у насъ

И видѣть васъ бы не хотѣли.

Вотъ мой женихъ. Pierre! Viens donc, Pierre!

Я буду первой дамой въ свѣтѣ....

Онъ князь, онъ будетъ камергеръ....

— Какъ злополучны наши дѣти!

Вы Pierre и есть? — Тебѣ зачѣмъ?

Ma belle, laissez-le... въ пансіонѣ

Я пыль въ глаза пускаю всѣмъ—

Лошадкой англійскою ропну;

Въ оранжереяхъ былъ потомъ—

Какъ ваши губки сочны сливы.

— Ну этотъ въ дѣтствѣ съ мѣднымъ лбомъ.

Пожалуй, дѣти и счастливы?

— А вы? Вы здѣсь наряднѣй всѣхъ...

Но что вы? Въ блондахъ, въ криолинѣ...

И плачете?... — Смѣяться грѣхъ:

Я сирота въ дому графини.

— Довольно, дѣти! Знаю самъ

И раззолоченныя сѣти,

И книжку съ розгой пополамъ.

Какъ злополучны наши дѣти!

Знаки препинанія.

Старый хапуга, отъявленный плутъ

Отданъ подъ судъ;

Дѣло его, по рѣшеніи строгомъ,

Пахнетъ острогомъ...

Но у хапуги, во первыхъ: жена

Очень умна;

А вовторыхъ—еще нѣсколько дочекъ.

.....

(Нѣсколько точекъ.)

Дочекъ наставила какъ поступать

Умная мать.

(Какъ говорятъ языкомъ и глазами —

Знаете сами);

Плачетъ и молится каждую ночь

Каждая дочь...

Ну, и нашелся заступникъ сіятельный

!

(Знакъ восклицательный.)

Старый хапуга оправданъ судомъ,

Правда съ трудомъ; —

Но ужъ усѣлся онъ въ полной надеждѣ,

Крѣпче чѣмъ прежде.

Свѣтъ, говорятъ, не безъ добрыхъ людей —

Правда, ей-ей!

Такъ и покончимъ, махнувъ сокрушительный

?

(Знакъ вопросительный.)

Человѣкъ съ душой.

(Идилія)

Ахъ! человѣкъ онъ былъ съ душой,
 Какихъ ужъ нынче нѣтъ!
 Носилъ онъ галстухъ голубой
 И клѣтчатый жилетъ.

Онъ уважалъ отчизну, домъ,
 Преданья старины;
 Сюртукъ просторный былъ на немъ
 И узкіе штаны.

Не вѣдалъ онъ во все житье,
Что значить праздность, лѣнь;
Мѣнялъ онъ черезъ день бѣлье,
Рубашки каждый день.

Онъ слишкомъ преданъ былъ добру
Чтобъ думать о дурномъ;
Пилъ рюмку водки поутру
И рюмку передъ сномъ.

Онъ не искалъ такихъ друзей,
Чтобъ льстили, какъ рабы;
Любилъ въ смѣтанѣ карасей
И бѣлые грибы.

Въ душѣ не помнилъ онъ обидъ;
Былъ честный семьянинъ —
И хоть женой былъ часто битъ,
Но спать не могъ одинъ.

До поздней старости своей
Былъ кроткій человѣкъ,
И провинившихся дѣтей
Онъ со слезами сѣкъ.

Когда же часъ его насталь —

Положенный на столъ,

Онъ въ бѣломъ галстухѣ лежалъ,

Какъ будто въ гости шель.

Въ день похоронъ былъ данъ большой

Кухмистерскій обѣдъ.

Ахъ! человекъ онъ былъ съ душой,

Какихъ ужъ нынче нѣтъ!

Дѣтскія мечты.

Когда я былъ расудкомъ малъ,
Какой-то голосъ мнѣ шепталъ,
Что я найду свой идеаль,
Себѣ составлю капиталъ —
И буду полный генераль.

Такъ я мечталъ.

Вслѣдъ за любимой мечтой
Пошелъ я твердою стопой;
Сошелся съ дѣвой неземной,
Вѣнецъ держали надо мной —
И подъ башмакъ меня прибралъ
Мой идеаль.

На ловлѣ почестей, чиновъ
Я всѣмъ былъ жертвовать готовъ,
Сошелся съ милыми тузовъ,
Собралъ стяжанія годовъ
И все далъ займы и пропалъ
Мой капиталъ.

Но въ люди вывели меня!
И обнищавъ, судьбу кляня,
Когда въ крови ужъ нѣтъ огня,
Спокойнаго съ женою дня,
Когда я вновь разсудкомъ малъ —
Я генералъ.

Деньги

(изъ Испанскихъ мотивовъ)

Я дворецъ воздвигну на морскихъ волнахъ,
Сколько есть песчинокъ я сочту въ степяхъ,
Я зубами съ неба притащу луну,
Если въ цѣломъ мірѣ встрѣчу хоть одну
Женщину, въ которой страсти къ деньгамъ нѣтъ!
Секретарь, квартальный, публицистъ, поэтъ
Могутъ ненавидѣть деньги всей душой;
Женщина не можетъ: въ мірѣ нѣтъ такой!
Женщина—для нашей брата, для мужчинъ—
Колоколъ, въ которомъ звукъ всегда одинъ.
И вездѣ мы слышимъ колокольный звонъ:
„Денегъ! денегъ! денегъ!“ благовѣститъ онъ.

Общій знакомый.

Не высокъ, ни толстъ, ни тонокъ,

Холость, среднихъ лѣтъ,

Взглядъ пріятенъ, голосъ звонокъ,

Хорошо одѣтъ;

Безъ запинки, гдѣ придется,

Всюду поретъ дичь—

И поэтому зовется:

Милый Петръ Ильичъ!

Молодое поколѣнье

Съ жаромъ говоритъ,

Что брать взятки — преступленье,
Совѣсть не велить;

Онъ сейчасъ; “Ужъ какъ угодно,
Взятки—сущій бичъ!

Ахъ! какой онъ благородный,
Милый Петръ Ильичъ!

Старичковъ остатокъ злобный,
Чуя зло вездѣ,

Образъ мыслей неподобный
Видитъ въ бородѣ, —

Онъ сейчасъ: „на барабанѣ
Всѣхъ-бы ихъ остричь!“

Старички-то и въ туманѣ....
Милый Петръ Ильичъ!

Съ дамами глядитъ амуромъ
Въ цвѣтникѣ изъ розъ;

Допотопнымъ каламбуромъ
Насмѣшить до слезъ;

Губки сжавъ, въ альбомы пишетъ
Сладинькую дичь, —

И изъ устъ прелестныхъ слышать:
Милый Петръ Ильичъ!

Тамъ старушки о болонкахъ

Мелютъ о дровахъ,

Приживалкахъ, компаньенкахъ,

Крѣпостныхъ людяхъ.....

Онъ и къ этимъ разговорамъ

Приплетаеть дичь;

А старушки дружнымъ хоромъ:

Милый Петръ Ильичъ!

Съ сановитыми тузами

Мастеръ говорить

И умильными глазами

Случай уловить.

Своему призванью вѣрный,

Вѣдь съумѣлъ достичь

Аттестаціи: примѣрный,

Милый Петръ Ильичъ.

Польки пляшетъ до упада,

Въ картахъ чорту братъ;

И хозяйка очень рада

И хозяинъ радъ.

Ужь его не разбирають,

Не хотять постичь,

А до гроба величают:

Милый Петръ Ильичъ.

Явленіе гласности.

О гласности болѣя и тоскуя
 Почти пять лѣтъ,
 Къ прискорбію, ея не нахожу я
 Въ столбцахъ газетъ;
 Не нахожу въ полемикѣ журнальной,
 Хоть предо мной
 И обличенъ въ печати Н. кварталный,
 М. становой.
 Я гласности, я гласности желаю,
 Въ столбцахъ газетъ, —
 Но формулы, какъ въ алгебрѣ, встрѣчаю:
 Иксъ, Игрекъ, Зетъ.

CERCLE RUSSE

DE LA

VILLE DE MONTAGNE

Такъ думалъ я назадъ тому полгода

(Пожалуй, годъ),

Но ужъ во мнѣ свершала мать природа

Переворотъ.

Десятокъ фразъ, печатныхъ и словесныхъ,

Пустивъ умно,

Объ истинахъ забытыхъ, но извѣстныхъ

Давнымъ давно,

Я въ обществѣ надѣлалъ шуму, крику

И вотъ—за нихъ,

Увѣнчанный, какъ разъ причисленъ къ лику

Передовыхъ.

Ужъ я теперь не обличитель праздный!

Ужъ для меня

Открылась жизнь и всѣ ея соблазны—

И нѣту дня,

Отбою нѣтъ отъ лестныхъ приглашеній,

Какъ лень, какъ шолкъ,

Я мягокъ, добръ, но чувствую, что—геній!

А геній—долгъ.

И голосъ мой звучить по свѣтлымъ заламъ:

„Добро! Законъ!“

И падаетъ въ бесѣдѣ съ генераломъ
На полутона.

Я говорю, что предразсудки стары —
Исчадья джи, —

И чувствую, какъ хороши омары,
Когда свѣжи.

Я познаю, тонча ковры гостинныхъ,
Вкусъ старыхъ винъ

И цѣну ихъ — друзей добра старинныхъ,
Враговъ рутинъ.

Я слушалъ ихъ, порокъ громившихъ смѣло,
И понялъ вдругъ,

Гдѣ слово — мысль, предшественница дѣла,
Гдѣ слово — звукъ.

Не знаю какъ, я сталъ акціонеромъ,
И какъ потомъ

Сошелся я на ты съ миллионеромъ,
Былымъ врагомъ.

Но было такъ всеильно искушенье,
Что въ свѣтломъ снѣ

Значенье словъ — уступки, увлеченье —
Раскрылось мнѣ.

Самъ деспотизмъ пришелся мнѣ по праву

CERCLE RUSSE

DE LA

VILLE DE MONTARGIS

Въ улыбкахъ дамъ —
И продалъ я некупленную славу
Златымъ тельцамъ.
Мы купчую безмолвную свершили
И хитрый спичъ
Я произнесъ, когда клико мы пили,
Какъ магарычъ.
Но все еще за милое мнѣ слово
Стоя горой,
Я гласности умѣренной, здоровой
Желалъ душой.
И голосилъ въ словесности банкетной,
Что гласность — свѣтъ,
Хоть на меня глядѣли ужъ привѣтно —
Иксъ, Игрекъ, Зеть.
Но пробилъ часъ — и образъ исполинскій,
Мой идеалъ,
Кокъ Истину когда-то Баратынскій
Я увидалъ.
Въ глухую ночь она ко мнѣ явилась
Въ сіяньи дня

И кровь во мнѣ съ двухъ словъ остановилась:

„Ты звалъ меня!...“

„Ты звалъ меня“ — вонзилось въ грудь, какъ жало,

И въ тотъ же мигъ

Я въ ужасѣ набросилъ покрывало

На свѣтлый ликъ.

Почудилось невѣдомое что-то;

Какой-то врагъ

Изъ всѣхъ рѣчей, изъ каждаго отчета,

Изъ всѣхъ бумагъ,

Меня дразнилъ — и какъ металлъ звенящій,

Какъ трубный звукъ,

Нестройный хоръ, о гласности болящій,

Терзалъ мой слухъ.

Я полетѣлъ со стула вверхъ ногами,

Внизъ головой,

И завопилъ, ударясь въ полъ руками:

„Нѣтъ! я не твой!“

Нѣтъ, я не твой! Я звалъ тебя съ задоромъ,

Но этотъ зовъ

Былъ, какъ десертъ обѣденный, наборомъ

Красивыхъ словъ.

Оставь меня! Мы оба не созрѣли.....

Нѣтъ! Дай мнѣ срокъ.

Дай доползти къ благополучной цѣли,

Дай, чтобъ я могъ,

Обзаведясь вліяньемъ и мильономъ,

Не трепетать —

Когда придешь, со свистомъ и трезвономъ,

Меня карать.“

Два скандала.

(Сцена изъ комедіи «Горе отъ Ума», разыгранная въ 1862 году.)

Лица.

Графиня Хрюмина 113 лѣтъ.

Графиня ея внучка 68 лѣтъ.

Хлестова 99 лѣтъ.

1	{	Княжны Тугоуховскія. (Младшей 61 годъ старшей 66).
2		
3		
4		
5		
6		

(Дѣйствіе въ Петербургѣ).

Гостинная графини Хрюминой. Величавая запущенность; полинялыя драпри и портьеры. Графиня Хрюмина, одѣтая какъ на балъ, сидитъ въ большихъ креслахъ, неподвижно во все время дѣйствія. Графиня-внучка сидитъ у стола съ книжкою стихотвореній Милонова. Входитъ г-жа Хлестова.

I.

Хлестова (входя).

Уфъ! Дайте отдохнуть... Какъ высоко, мой свѣтъ,
Живете въ Питерѣ... Одышка... ноютъ ноги...
Хоть были-бъ лѣстницы отлоги!
Легко-ли въ девяносто лѣтъ
Взбираться чуть ли не на крышу...

Графиня-впучка.

Не слышу, матушка, не слышу.

Хлестова.

Изъ силы выбилась... разстроена притомъ...

Арапка утромъ нагрубила:

Разбила блюдечко собачье съ молокомъ —

А въ церковь ужъ звонять... Мерзавку то прибила,
 Да въ церковь, знаете, въ горячкѣ... agitée...
 Ну такъ вотъ и тѣснить подъ ложечкой и въ груди...
 Не простудиться бы... Охъ, право, нынче люди—

Скотъ на скотъ!

(Замѣтивъ графиню-внучку):

А, здравствуй, ангелъ мой.

Графиня-внучка.

Bonjour, ma chérie, ну что вы?

Здоровы?

Хлестова (отдаетъ ей ридикюль)

На, возьми. Богъ милости прислалъ.
 Какое, матушка, здоровы!
 Послѣдній часъ пришолъ, послѣдній вѣкъ насталъ!
 Нѣтъ страха Божьяго... обрѣзаны доходы...
 Дороговизна—страсть... весь свѣтъ пошолъ вверхъ дномъ,
 Все новыя пошли, вишь, моды!
 Недавно... Голова, мой другъ, идетъ кругомъ...
 Графиня, матушка, послушайте-ка тоже...
 Недавно... Господи! Ни на что не похоже!
 Молчалинъ, видите, привезъ ко мнѣ билетъ

На чтение... Какъ его?... Ну вотъ что нынче въ модѣ...
 Ли-те-ра-тур-ное...

Графиня-бабушка.

Вы ѣздили въ балетъ?

Графиня-внучка.

Grande mère, совсѣмъ не то....

Хлестова.

Совсѣмъ не то, мой свѣтъ.

Нѣтъ, это зрѣлище совсѣмъ въ особомъ родѣ,

И говорить то, даже, грѣхъ!

Тутъ... я вамъ расскажу... выходятъ вольнодумцы,

Читаютъ—кто про что... одинъ кричалъ: безумцы!

Ей Богу! Обозвалъ безумцами насъ всѣхъ.

Другой... другаго то и слушать я не стала...

Но хлопали—чуть-чуть не обвалилась зала...

Другой росписывалъ какой-то мертвый домъ,

Про каторжниковъ все... ну просто стыдъ-стыдомъ!

Я съ Надей Хворовой насилу усидѣла...

Графиня-бабушка.

Въ Сенатѣ скоро вы обдѣлаете дѣло?

Ну... поздравляю васъ.

Графиня-внучка.

Совсѣмъ не то, *grand mère*.

Хлестова.

Мой свѣтъ, совсѣмъ не то. Представьте, напримѣръ,
Что вы бы, взявъ билетъ, сидѣли въ креслахъ сами
И вдругъ бы выскочилъ какой-то шематонъ...

Графиня-бабушка.

Тамъ все былъ моветонъ?

Хлестова.

Напротивъ, весь *beau monde*... мущины со звѣздами...

И передъ ними-то... и вдругъ передо мной—

Афронтъ какой!

На сцену выскочилъ какой-то волтерьянецъ

И грубо началъ такъ... Афронтъ, совсѣмъ афронтъ!

Графиня-бабушка.

Какъ?! Губернатору корнетъ не сдѣлалъ фронтъ?!
 Тесакъ ему и ранецъ!

Хлестова.

Да нѣтъ, вы слушайте... Вдругъ выскочилъ и сѣлъ...

Зовутъ... позвольте... нескій... шевскій...

Да какъ пошолъ... пошолъ...

Графиня-бабушка.

Зовутъ: Андрей Краевскій?

А! Знаю... слышала! Такъ долго жить велѣлъ?

Жаль... Это, говорятъ, былъ умный сочинитель...

Стихи, онъ, помнится, писалъ

Въ „Московскій Зритель“.

Въ альбумѣ у меня его есть мадригалъ.

Хлестова.

Да нѣтъ!... (обращаясь къ графинѣ-внучкѣ)

Вотъ видишь-ли, читалъ онъ про кого-то,

Должно быть, умника, такого же какъ самъ,

Пьянчужку, вѣтренника, мота...

Вдругъ... я не вѣрила глазамъ!

Забылся до того... ты разсуди, вѣдь дочку
 На эти зрѣлища смотрѣть приводить мать —
 Цѣпочку въ руки взялъ и началъ съ ней играть!!

Графиня-внучка (съ ужасомъ)

Игралъ цѣпочкою!!

Графиня-бабушка (съ испугомъ)

Какъ?! онъ укралъ цѣпочку?!

Хлестова (торжественно)

На столъ облокотясь, цѣпочкою игралъ!—

II.

Входят шесть княжонъ и не снимая шляпокъ, не здороваясь, начинают говорить, перебивая одна другую, чрезвычайно оживленно и громко, нѣсколько въ носъ и размахивая руками.

1-я Княжна.

Mon ange, вы слышали?

2-я Княжна.

Ma chère, какой скандалъ!

Графиня-внучка.

Про чтение? Слышала.

3-я Княжна.

Да нѣтъ!

4-я Княжна.

Вы не слышали?

5-я Княжна.

Сейчасъ на лекціи...

6-я Княжна.

На Невскомъ...

2-я Княжна

Въ Думѣ...

4-я Княжна

Въ залѣ...

1-я Княжна

Да подожди, Мими!

6-я Княжна.

Зизи, дай мнѣ сказать.

Явилась женщина...

1-я Княжна

Не женщина—фигура!

5-я Княжна.

Съ мущиною никакъ нельзя бы распознать!

2-я Княжна

Ну просто, польскій ксендзъ...

3-я Княжна

Кухарка!

4-я Княжна

Поваръ!

5-я Княжна

Дура!

3-я Княжна

Въ какой то кофточкѣ...

2-я Княжна

Съ мужскимъ воротничкомъ...

4-я Княжна

Немытымъ...

1-я Княжна

Грязный весь...

5-я Княжна

Какъ есть чернѣе сажи!

1-я Княжна

Съ мужскою шапкою...

4-я Княжна

Закутана платкомъ...

6-я Княжна

Въ кружокъ обстрижена...

*

1-я Княжна

Безъ кринолина даже!

2-я Княжна

Да нѣтъ...

4-я Княжна

А главное?

3-я Княжна

А главное... Ха, ха!

5-я Княжна

Хи, хи!

1-я Княжна

Ученая!

3-я Княжна

Профессорша!

2-я Княжна

Студентка!

Всѣ шесть княженъ

Съ немытой шеею!!!

(Общій ужасъ)

5-я Княжна

Ну точно наша Ленка!

(Общій ужасъ)

1-я Княжна

И все съ студентами!

Графиня-внучка.

Ну долго-ль до грѣха!

3-я Княжна

Читають....

6-я Княжна

Руки жмутъ...

5-я Княжна

Передаютъ записки...

Хлестова.

Ахъ! Дни послѣдніе, должно быть, очень близки!

1-я Княжна

Mesdames, я думаю, намъ слѣдуетъ подать...

4-я Княжна

Я тоже думаю...

5-я Княжна

Въ набатъ я пріударю!

1-я Княжна.

Въ сенатъ прошеніе...

6-я Княжна.

Къ министрамъ...

5-я Княжна.

Къ Государю!

Графиня-внучка.

А я такъ думаю: Молчалина позвать.

Напишемъ... un article... un feuilleton... Теперь я

На эти чтенія и на студентку зла (*звонитъ*).

Бумаги намъ! Чернилъ! Mesdames, скорѣй за перья!

Пишите: „Лекція.“ „Такаго-то числа...“

„Неуваженіе ко всѣмъ приличьямъ свѣтскимъ“... (*звонитъ*).

Скорѣй Молчалина! скорѣй за Загорѣцкимъ!

Они помогутъ намъ... Они...

Какъ?! Съ грязной шеей!... въ наши дни!...

Графиня-бабушка. (*заснувшая, было, подъ шумомъ,
отъ сильнаго звонка просыпается*).

Зачѣмъ Молчалина? Заняться, нѣшто, вистомъ?

Хлестова.

Молчалинъ, матушка, придетъ поправить слогъ.

Графиня-бабушка.

Не слышу, матушка... Въ постель Молчалинъ слегъ?

Графиня-внучка.

Нѣтъ, сдѣлался фельетонистомъ!

Входятъ Молчалинъ и Загорѣцкій, выходятъ 70 № «Сѣверной Пчелы»
и февральская Книжка «Библіотеки для Чтенія 1862 г.»

РАПСОДІИ О НИГИЛИЗМѢ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Героическія времена нигилизма прошли. Вдохновенно-призывавшій на битву Петръ Пустынникъ-Тургеневъ, санктифицировавшій первый походъ противъ нигилистовъ папа Урбанъ-Катковъ, горячій Бульонъ московскій-Юркевичъ съ братомъ своимъ Балдуиномъ-Лонгиновымъ, мудрый Робертъ-Краевскій съ племянникомъ своимъ неустрашимымъ Танкредомъ-Громекою принадлежать уже исторіи. На священныхъ скрижаляхъ оной безстрастный Галаховъ изобразить приводящія во ужасъ сердце кровопролитныя войны, для поученія воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ новомъ изданіи своей хрестоматіи. Судъ исторіи мудръ и не торопливъ. Неизгладимыя борозды на ея каменистой почвѣ проводятся событіями медленно. Время, въ которое войны постепеновцевъ съ ни-

гилистами отразятся въ ея ровномъ зеркалѣ во всей величавой правдивости, еще не опредѣлено Провидѣніемъ. Прагматической исторіи обыкновенно предшествуетъ художественный эпосъ. Блѣднѣя и отступая въ смущеніи передъ великостью задачи, я тѣмъ не менѣ беруся быть пѣвцомъ этой войны, ибо вдохновенные барды наши не берутся: Апполонъ Майковъ въ Неаполѣ, князь Петръ Вяземскій въ Киссингенѣ, Афанасій Фетъ, повѣсивъ на стѣнку свою лиру, взялся за плугъ селянина, графъ Толстой принялъ изъ рукъ Кліо свитокъ съ мрачными письменами временъ Іоанна Грознаго, Страховъ, для увеселенія «Времени» играетъ, какъ мячикомъ, глобусомъ Ураніи, Всеволодъ Крестовскій шалить съ снисходительною Эрато, а Щербина вымаливаетъ у Полигимніи новыхъ мифовъ для своего народнаго читальника. Калліоппаттешно зоветъ русскихъ бардовъ; кромѣ меня никто не откликается на ея зовъ.

Я дѣлаю что могу: пѣсни мои суть ничто иное, какъ рапсодіи эпохи нигилизма. Потомству предстоитъ составить изъ нихъ величественно-поучительный эпосъ.

24 марта 1863.

Пр. Знаменскій.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Происхожденіе, или лучше сказать, возникновеніе нигилизма доселѣ покрыто еще мракомъ неизвѣстности. Первое вѣяніе духа нигилизма замѣчается въ Орловской губерніи, славной въ географіи російской имперіи, какъ мѣсто рожденія И. С. Тургенева, который даже временно проживаетъ въ оной губерніи, когда на нѣсколько дней покидаетъ Парижъ, сію вторую родину образованныхъ росіянъ. Духъ нигилизма зоркіе Собакевичи и Ноздревы орловскіе воплощаютъ въ Базаровѣ,

лекарѣ, кончившемъ курсъ въ Императорской Медико-Хирургической Академіи. Вмѣстѣ ли съ Базаровымъ родился духъ нигилизма и когда родился Базаровъ—еще неизслѣдовано г-ми Геннадіи и Бартеневымъ; полагаютъ, что въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда еще издавался «Благонамѣренный» Измайлова. Собакевичи и Ноздревы предполагаютъ присутствіе нигилизма въ Базаровѣ потому, что онъ рѣжетъ лягушекъ и у него есть микроскопъ. Жакъ Араго точно также непріязненно встрѣченъ былъ дикими, потому что обходился посредствомъ носоваго платка и имѣлъ при себѣ компасъ. Жака Араго дикіе хотѣли съѣсть; Базарова Куролесовы хотятъ отодрать на конюшнѣ. Общее совѣщаніе по этому поводу. Базаровъ, говорятъ Собакевичи, начинаетъ съ лягушекъ, а кончитъ нами. Онъ разсматриваетъ въ микроскопъ всякія гадости во внутренностяхъ лягушекъ, — говорятъ Ноздревы—а потомъ будетъ высматривать внутреннія гадости наши. Надо отодрать его! восклицаетъ за ними весь хоръ. Благовоспитанный Кирсановъ, въ краткой но сильной рѣчи, доказываетъ, что система подобныхъ наказаній несовременна и совѣтуетъ лучше идти жаловаться сосѣду своему И. С. Тургеневу. Послѣ долгихъ преній всѣ соглашаются. Изъ области обыкновенныхъ деревенскихъ сплетенъ и выдумокъ зараза нигилизма переходитъ въ область такъ называемаго литературно-художественнаго вымысла. Слово нигилизмъ все еще не произнесено. Воспоминаніе объ улицѣ Рогатицѣ древняго Новгорода.

Неожиданно, негаданно,
 Какъ зловѣщій запахъ ладана,
 Предвѣщающій покойника,
 Словно бѣсъ, изъ рукомойника
 Появлявшійся пустыннымъ, —
 Переставъ бродить по клиникамъ
 И начальству сдавъ экзамены,
 Юный плотью, духомъ каменный,

Родомъ подлый, права яраго,

Внукъ кутейника Базарова

Вдругъ въ губернію орловскую

Всю заразу внесъ бѣсовскую.

Внесъ съ собою онъ циническій

Нѣкій запахъ хирургическій,

Весь пропитанный алькоголемъ

(Въ родѣ запаха, что Гоголемъ

Укрѣпленъ былъ за Петрушкою);

И лягушку за лягушкою

Истреблять пошолъ въ селенія,

Полонъ духа разрушенія.

Чтобъ внутри у всякой гадины

Видѣть всѣ бугры и впадины

Обзавелся микроскопами,

Хороводился съ холопами

А въ туземныя гостинныя,

Споконъ вѣка благочинныя

(Точно также какъ столичныя),

Внесъ манеры неприличныя

И намеренно-враждебныя

Разговоры непотребныя.

Расходились всѣ окрестные
Курдюки мелкопомѣстные,
Пѣтухи любвеобильные,
Всѣ Кирсановы фантильные
Всѣ Багровы многодушные,
Всѣ Расплюевы послушные,
Собакевичи тяжелые
И Ноздревы развеселые —
И простившись съ домочадцами,
Женъ оставивши за святцами,
Вышиваньями, вареньями
И Авдѣевыхъ твореньями,
Кто съ арапникомъ, кто съ палкою,
Кто вороною, кто галкою,
Рты раскрывъ, съ глазами странными —
Неподвижно оловянными —
Всѣ съ испуганными лицами,
На совѣтъ слетались птицами. —

И несло ихъ слово дикое:
„Горе, горе намъ великое!
„Ходить тучею огромною
„Громъ надъ кущей нашей скромною,
„Деревенскими пенатами,

Самоварами, халатами

„Буколическими правами

„И господскими забавами.

„Погибаетъ все отечество!

„Гдѣ же наше молодечество?

Мы ль потерпимъ посрамленіе!“

И рѣшили во мгновеніе—

Всѣ, отъ малаго до стараго—

На конюшнѣ драть Базарова.

Словно вишенка на вѣточкѣ,

Какъ картинка на канфеточкѣ,

Посреди толпы неистой

Вдругъ, въ рубашечкѣ батистовой,

Въ сюртучкѣ сукна атласнаго,

Цвѣта трюфельно-колбаснаго

И въ шотландской легкой шапочкѣ,

На груди скрестивши лапочки,

Всталъ Кирсановъ—отъ Кирсанова

Всею лавкою Рузанова,

Всѣхъ mille fleurs благоуханіемъ

Пронеслося надъ собраніемъ —

И собранье это шумное

Слово слышало разумное:

„Укротитесь. други-братія!

„Должно взять мѣропріятія

„Не вѣками освященныя

„А гуманно-современныя:

„Я пріятель съ сочинителемъ —

„Онъ да будетъ намъ хранителемъ.“

Поднялись тутъ разсужденія:

— Что такое сочиненія?

— И какіе тамъ писатели?

— И просить ихъ будетъ кстати-ли?

— Пѣтухамъ де унижительно....

Но Кирсановъ такъ внушительно

Объяснилъ движеніе новое,

Что все общество суровое

Съ нимъ къ Тургеневу за славою

Устремилось всей оравой.

Такъ на улицѣ-Рогатицѣ,

Въ неописанной сумятицѣ,

Чадъ Новгорода Великаго,

Преисполнясь гнѣва дикаго

На Василія Буслаева,

Чтобы въ руки мать взяла его
Подвигалась легионами
Ко вдовѣ честной съ поклонами.

Конецъ 1-й пѣсни.

CERCLE RUSS
DE LA

VILLE DE MONTAIGNE

Bayerische
Staatsbibliothek
München

111

Kuročkin, Vasilij S.,

Sobranie stichotvorenij Vasilija Kuročkina Novoe dop. izd

Bd.: 1

S. Peterburg 1869

P.o.russ. 133 g-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610221-9